

Российский
центр научной
информации

Вестник Российского фонда фундаментальных исследований

Гуманитарные и общественные науки

ISSN 2587-6090 eISSN 2587-8956 № 3 (122) июль – сентябрь 2025 года

Основан в 1995 году

Учредитель

Федеральное государственное бюджетное учреждение
«Российский центр научной информации»

Главный редактор В.Я. Панченко,
заместители главного редактора В.В. Квардаков, В.Н. Фридлянов

Редакционная коллегия:

И.Ю. Алексеева, Л.А. Беляева, И.А. Виноградов, Ю.Л. Воротников,
П.Г. Гайдуков, В.П. Гребенюк, А.А. Демидов, Н.Г. Денисов, В.Н. Захаров,
М.В. Иванова, Г.Б. Клейнер, А.А. Малышев, Н.И. Пикуров, Д.А. Рубвальтер,
Н.Л. Селиванова, Д.В. Трубочкин, Д.В. Ушаков, В.А. Хащенко, В.В. Шелохаев

Редакция:

Р.А. Казакова, И.Л. Ровинская

Адрес редакции:

119991, г. Москва, Ленинский пр-т, д. 32а
Тел.: +7 (499) 941-01-15 (доб. 3121)
E-mail: rovir@rcsi.science

Russian Centre
for Science
information

Russian Foundation for Basic Research Journal

Humanities and social sciences

ISSN 2587-6090 eISSN 2587-8956 No 3 (122) July – September 2025

Founded in 1995

The Founder

**Federal State Budgetary Institution
Russian Centre for Science information**

Chief editor V.Ya. Panchenko,
Deputy chief editors V.V. Kvardakov, V.N. Fridlyanov

Editorial board:

I.Yu. Alekseeva, L.A. Belyaeva, I.A. Vinogradov, Yu.L. Vorotnikov,
P.G. Gaidukov, V.P. Grebenyuk, A.A. Demidov, N.G. Denisov, V.N. Zakharov, M.V. Ivanova,
G.B. Kleyner, A.A. Malyshev, N.I. Pikurov, D.A. Rubvalter, N.L. Selivanova,
D.V. Trubochkin, D.V. Ushakov, V.A. Khashchenko, V.V. Shelokhaev

Editorial staff:

R.A. Kazakova, I.L. Rovinskaya

Editorial office address:

32a, Leninskiy Ave., Moscow, 119991, Russia
Tel.: +7 (499) 941-01-15 (3121)
E-mail: rovir@rcsi.science

СОДЕРЖАНИЕ

КОЛОНКА ТЕМАТИЧЕСКОГО РЕДАКТОРА

Кибрик А.А., Давидюк Т.И., Мордашова Д.Д. Языковое разнообразие России и сопредельных территорий: изучение и сохранение.....	7
---	----------

ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА И СОЦИОЛИНГВИСТИКА

Мухарямов Н.М., Януш О.Б. К вопросу о мезополитике культурно-языкового многообразия в российских условиях	10
Борисова Н.В., Белоусова Н.С. Языковая политика в регионах Приволжского федерального округа: факторы общественного запроса	23
Атаев Б.М., Ибрагимова М.О. Сферы функционирования языков Дагестана в современную эпоху: дистрибуция и тенденции развития	33
Боргоякова Т.Г., Гусейнова А.В. Этноязыковая политика и социолингвистическая вариативность языкового сдвига (на примере Республики Хакасия)	44

ОПИСАНИЕ И ДОКУМЕНТИРОВАНИЕ ЯЗЫКОВ

Гусев В.Ю. Числительные второго десятка в языках Сибири	54
Каксин А.Д. Образ рыбака в рассказе на хантыйском языке: разговорные средства в структуре художественного текста	70
Муталов Р.О. Сравнительный анализ кадарского и мегебского: сходства и различия в даргинской ветви нахско-дагестанских языков	80
Агранат Т.Б. Идиомы сето на территории России	93
Миссонова Л.И. Создание письменности в XXI веке для бесписьменного языка уильта Сахалина: вопросы истории и современное решение	102
Рыжикова Т.Р. Цифровизация лингвистических исследований как способ сохранения языкового многообразия Сибири (база данных диалогической речи миноритарных этносов Новосибирской области и сопредельных регионов)	112

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ЯЗЫКОВ В ПОЛИЛИНГВАЛЬНОЙ СРЕДЕ

Кондратьева Н.В. К вопросу о методах исследования языковой эрозии в билингвальном тексте (на примере русско-удмуртского двуязычия)	122
Раскладкина М.К. Этноязыковая идентичность современных потомков аляскинских креолов	133
Биткеева А.Н. Русское старожильческое население Монголии: идентичность, язык, культура	148

CONTENTS

THEMED ISSUE EDITOR'S COLUMN

<i>Kibrik A.A., Davidyuk T.I., Mordashova D.D. Linguistic Diversity of Russia and Adjacent Territories: Study and Preservation.....</i>	7
--	----------

LANGUAGE POLICY AND SOCIOLINGUISTICS

<i>Mukharyamov N.M., Yanush O.B.</i> On Issue of Mesopolity of Cultural and Linguistic Diversity in Russian Context	10
<i>Borisova N.V., Belousova N.S.</i> Language Policy in Regions of Volga Federal District: Factors of Public Demand	23
<i>Ataev B.M., Ibragimova M.O.</i> Areas of Functioning of Dagestan Languages in Modern Era: Distribution and Development Trends	33
<i>Borgoyakova T.G., Guseynova A.V.</i> Ethnic and Linguistic Policy and Sociolinguistic Variability of Language Shift (Example of Republic of Khakassia)	44

DESCRIPTION AND DOCUMENTATION OF LANGUAGES

<i>Gusev V. Yu.</i> Numerals of Second Ten in Languages of Siberia	54
<i>Kaksin A.D.</i> Image of Fisherman in Khanty Narrative: Colloquial Means in Structure of Fictional Text	70
<i>Mutalov R.O.</i> Comparative Analysis of Kadar and Mehweb: Similarities and Differences in Dargin Branch of Nakh-Dagestani Languages	80
<i>Agranat T.B.</i> Seto Idioms in Russia	93
<i>Missonova L.I.</i> Development of Writing in 21 st Century for Unwritten Language of Sakhalin Uilta People: Historical Issues and Modern Solution	102
<i>Ryzhikova T.R.</i> Digitization of Linguistic Research as Means of Preservation of Linguistic Diversity of Siberia (Database of Dialogical Speech of Minority Ethnic Groups of Novosibirsk Region and Adjacent Regions)	112

FUNCTIONING OF LANGUAGES IN MULTILINGUAL ENVIRONMENT

<i>Kondratieva N.V.</i> On Methods of Studying Linguistic Attrition in Bilingual Text (Example of Russian-Udmurt Bilingualism)	122
<i>Raskladkina M.K.</i> The Ethnic and Linguistic Identity of the Descendants of Alaskan Creoles in Our Days	133
<i>Bitkeeva A.N.</i> Russian Old-Timers in Mongolia: Identity, Language, Culture	148

КОЛОНКА ТЕМАТИЧЕСКОГО РЕДАКТОРА

А.А. Кибрик,
Т.И. Давидюк,
Д.Д. Мордашова*

ЯЗЫКОВОЕ РАЗНООБРАЗИЕ РОССИИ И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЙ: ИЗУЧЕНИЕ И СОХРАНЕНИЕ

Изучение языкового разнообразия – центральная задача науки о языке. Как и любая эмпирическая наука, лингвистика должна располагать подробными сведениями о том, как варьирует её предмет исследования. Естественно, в отечественной лингвистике приоритетное внимание уделяется языковому разнообразию России, а также исторически и географически близких территорий. Этой области знания и посвящён настоящий выпуск. В течение последних десятилетий лингвисты озабочены не только изучением языков как таковых, но также и задачей сохранения языкового разнообразия (см., например, [5]). Исчезновение языков – глобальный процесс, затрагивающий в том числе и языки России. Сохранение языков важно не только для самих лингвистов. В первую очередь это общегуманитарная

задача, имеющая политические, правовые, социальные, экономические, культурные, психологические аспекты. Поэтому важно не только изучение, но и сохранение языкового разнообразия.

Насколько значительно языковое разнообразие России? С одной стороны, Россия справедливо рассматривается как полиэтническая и многоязычная страна. С другой стороны, с учётом огромной территории число языков не столь уж велико. Согласно исследованию [4], в России насчитывается 155 языков. Это множество является обзорным, и тем самым вполне реалистичны задачи как по документации, так и по сохранению языков силами государственных и негосударственных структур. Отметим, что указанный список языков России составлен на основе единого системного под-

* **Кибрик Андрей Александрович** — доктор филологических наук, член-корреспондент РАН, директор Института языкознания РАН (ИЯз РАН).

E-mail: aakibrik@iling-ran.ru

Давидюк Татьяна Игоревна — младший научный сотрудник ИЯз РАН, программист НИВЦ МГУ им. М.В. Ломоносова.

E-mail: davidyuk@iling-ran.ru

Мордашова Дарья Дмитриевна — младший научный сотрудник ИЯз РАН.

E-mail: d.mordashova@iling-ran.ru

хода, применённого ко всем языкам и всем регионам. Этот список может быть использован в качестве реестра языков России, разработка которого обозначена в поручении Президента РФ Пр-2814 от 30.12.2024, пункт 4б. Здесь надо отметить важную позицию, которая должна быть непременно учтена и при разработке реестра языков, и при формулировании любых задач в области языковой политики. Среди языков России есть немалое число языков, распространённых и в других странах и даже имеющих в этих странах официальный статус, – например, немецкий, греческий, армянский, азербайджанский и т.д. Все эти языки веками распространены на территории России и несомненно относятся к числу языков страны. Это необходимо постоянно помнить и понимать при любом планировании действий в области изучения и сохранения языкового разнообразия России.

Проблема сохранения языкового разнообразия в последние годы вышла на значимое место в российской гуманитарной повестке. Согласно поручению Президента РФ Пр-355 от 1.03.2020 (пункт 1е), Правительство оказывает финансовую, нормативно-правовую и организационную поддержку разработке и реализации Программы Института языкознания РАН по сохранению и возрождению языков. Данная программа в целом разработана (https://iling-ran.ru/languages_of_russia/federal'naja_programma_soxranenija_jazykov_2024.pdf) и ждёт дальнейшей поддержки со стороны государства, особенно в отношении мероприятий по её реализации. Целый ряд центральных методических вопросов, вставших и решённых при разработке этой программы, отражён в коллективной монографии [1]. В последнее время был принят также ряд документов в области государственной языковой политики. По поручению Совета по русскому языку при Президенте

РФ сотрудники четырёх институтов РАН при координации Института языкознания РАН в 2021 г. разработали вариант научно обоснованной Концепции языковой политики [3]. Мы надеемся, что данный вариант концепции будет востребован при дальнейшем развитии и уточнении стратегии Российского государства в отношении языков страны.

К сожалению, порядка 10% языков России находятся на грани исчезновения. Это означает, что у них остались лишь носители самого старшего возраста. В отношении таких языков первоочередной является задача документации, т.е. фиксации реального использования. (Разумеется, документация необходима и для всех остальных миноритарных языков.) В современной лингвистике утвердилось мнение, что документация языков, да и в целом изучение языков, должны опираться на корпусный подход, т.е. на создание электронных размеченных ресурсов, отражающих фактическое употребление того или иного языка – как письменное, так и устное. В статье [2] содержится обзор корпусных ресурсов по языкам России. В мире существуют специализированные архивы для хранения документационных материалов, например ELAR (Endangered Languages Archive)¹, где размещаются аудио- и видеозаписи на исчезающих языках. В российском контексте также развиваются важные платформы для документации языков. В частности, на сайте «Ресурсы Международной лаборатории языковой конвергенции»² доступны корпуса и словари по ряду миноритарных языков России, а также несколько корпусов региональных вариантов русского языка. Кроме того, некоторые корпуса по миноритарным языкам России размещены на сайте проекта «Корпуса»³, созданного в Лаборатории исследования и сохранения малых языков Института языкознания РАН. Для создания

¹ Сайт архива: <https://www.elararchive.org/>.

² Сайт доступен по следующей ссылке: <https://lingconlab.ru/ru/>.

³ Сайт доступен по следующей ссылке: <https://corpora.iling-ran.ru/>.

онлайн-словарей и работы с ними активно развивается платформа OnLex¹.

Статьи данного выпуска журнала разделены на три условные рубрики. Рубрика «Языковая политика и социолингвистика» объединяет четыре статьи. Ключевой термин «языковая политика» обозначает систему принципов, определяющих планирование, использование и развитие языков на том или ином общественном уровне – от целой страны до отдельной семьи. Статьи данного раздела с разных сторон обращаются к вопросам статуса и функционирования языков в России в целом и в отдельных её регионах (Поволжье, Дагестан, Хакасия).

Рубрика «Описание и документирование языков» включает шесть статей. Одна из них посвящена целой группе языков Сибири, другие ориентированы на конкретные языки: уральские языки хантыйский и сето, тунгусо-маньчжурский язык уильта, даргинские идиомы (нахско-дагестанская семья), тюркские идиомы Новосибирской

области. Тематика статей варьирует от чисто описательных задач до практических приложений, связанных с созданием орфографии и цифровизацией.

Наконец, в рубрику «Функционирование языков в полилингвальной среде» входят три статьи, объединённые общей темой эволюции языков меньшинств в контексте доминирования иных языков. В одной из статей раздела в качестве миноритарного языка выступает удмуртский, а в качестве доминирующего языка – русский. Две другие статьи посвящены ситуациям, где, напротив, русские сообщества оказались миноритарными в иноязычном окружении – на Аляске и в Монголии.

Большинство статей настоящего выпуска написаны лингвистами, но среди авторов есть также представители политических и исторических наук. Мы надеемся, что выпуск даст читателям журнала общее представление о том, каким образом современная наука подходит к проблемам изучения и сохранения языкового разнообразия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Груздева Е.Ю., Сюрюн А.А. (ред.). Языковое многообразие России и возможности его сохранения. М.: Языкознание, 2025. 207 с. *(в печати)*.
2. Давидюк Т.И., Кибрик А.А., Мордашова Д.Д. Корпуса и корпусные исследования языков Российской Федерации // Вестник Российской академии наук. 2024. Т. 94, № 9. С. 804–813.
3. Казакевич О.А., Кибрик А.А. Концепция языковой политики Российской Федерации: документ, формирующий будущее // Евразийский ежегодник. 2023. Т. 1. С. 477–512.
4. Коряков Ю.Б., Давидюк Т.И., Харитонов В.С. Языки России: список и современное состояние // М.: Языкознание, 2025. 111 с. *(в печати)*.
5. Krauss M. The indigenous languages of the North: a report on their present state // Shoji H., Janhunen J. (eds.). Northern Minority Languages: Problems of Survival. Osaka: National Museum of Ethnology, 1997. Pp. 1–34.

¹ Подробнее о проекте см.: <https://onlex.online/about>.

ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА И СОЦИОЛИНГВИСТИКА

Индекс УДК 321.01:81'272

Код ГРНТИ 11.15.00

DOI: 10.22204/2587-8956-2025-122-03-10-22

**Н.М. МУХАРЯМОВ,
О.Б. ЯНУШ***

К вопросу о мезополитике культурно-языкового многообразия в российских условиях

Управление культурно-языковым многообразием рассматривается в статье как многоуровневая система, образуемая в виде взаимодействия концептуальных оснований и практической деятельности общенационального, регионального и локального масштаба. Предлагаемый концепт мезополитики подразумевает не только пространственные (территориальные или политико-административные единицы анализа) измерения, но и диверсификацию акторов, которые начинают играть всё более заметную роль в языковых отношениях и языковом функционировании. Особое внимание уделено концептуальному целеполаганию и нормативному закреплению положений о дву- и многоязычии в актах правовой политики, а также возможностям воспроизводства языкового многообразия, возникающим в современном пространстве информационно-коммуникативных технологий в перспективах языковой политики онлайн. Применение способов анализа на мезопроекции управления многообразием, по мнению авторов, будет получать новую актуализацию в связи с предстоящим обновлением регуляторной среды политико-языковых отношений в преддверии принятия новых законодательных актов и решений в области правовой политики.

Ключевые слова: культурно-языковое многообразие, макро- и мезополитика в области языковых отношений, много- и двуязычие как норма законодательства и управленческого планирования, цифровое присутствие и цифровое благополучие языков

* **Мухарямов Наиль Мидхатович** — доктор политических наук, заведующий кафедрой социологии, политологии и права Казанского государственного энергетического университета (КГЭУ), руководитель проекта «Региональная языковая политика в дискурсивных измерениях» (19-011-31465).

E-mail: n.mulharyamov@yandex.ru

Януш Ольга Борисовна — кандидат политических наук, доцент кафедры социологии, политологии и права КГЭУ, исполнитель проекта «Региональная языковая политика в дискурсивных измерениях» (19-011-31465). Работа выполнена при поддержке гранта Академии наук Республики Татарстан, предоставленного молодым кандидатам наук (постдокторантам) с целью защиты докторской диссертации, выполнения научно-исследовательских работ, а также выполнения трудовых функций в научных и образовательных организациях Республики Татарстан в рамках Государственной программы Республики Татарстан «Научно-технологическое развитие Республики Татарстан».

E-mail: yanush_ob@yahoo.com

Многоязычие как одна из самых сложных характеристик социальной реальности ещё с незапамятных времён вызывало разноречивое оценочное восприятие. Ветхозаветный сюжет о вавилонском столпотворении и рассеянии в «Книге бытия» трактовал смешение языков как наказание за человеческое высокомерие. Новозаветное повествование о Пятидесятнице, когда апостолы стали говорить каждый на своём наречии, изображает разделение языков как благодеяние и божий промысел. Контроверзы относительно онтологии языкового многообразия присутствуют и в различных отраслях социально-гуманитарного знания, и в способах концептуализации. В этнологии принято говорить (зачастую, правда, упрощённо-схематично) о конфликте парадигм. Сторонники примордиализма и эссенциализма трактуют связь языка и этничности как нечто сакральное. Приверженцы конструктивизма оперируют либеральными и «рыночными» аргументами в ожидании «постнационального мира» и «мегаязыков», а многоязычие расценивают как свойство домодерных (или «опоздавших») идентичностей [1].

В области философии языка и лингвистики формулируется противостояние теорий гумбольдианства и принципов языкового релятивизма, с одной стороны, и подхода, который иногда определяется как «дискурс-сенситивный», с другой стороны. Первое исходит из постулата об *одной* культуре и *одном* языке, а также «о единых языковых потребностях всех говорящих на этом языке и принадлежащих к этой культуре». Второе ориентируется прежде всего на коммуникативные ситуации и социально-профессиональные контексты, на транскультурность и гибридные формации [2]. Противостояние идейных лагерей — защитников «зелёной»

(лингвоэкологической) модели языкового многообразия и критиков «лингвистического сентиментализма» — обширно освещается в зарубежной литературе [3]. В дискуссии вовлекаются и политико-экономические соображения, когда самодовлеющей ценности и культурному благу языкового многообразия противопоставляются контрдоводы, связанные с социально-коммуникативными и монетарными издержками и с тем, что большинство обществ с наиболее сложным этноязыковым устройством отличаются социально-экономической отсталостью и занимают замыкающие нижние позиции в рейтингах по индексу человеческого развития по классификации ООН [4].

Политико-языковое регулирование как многоуровневая практика

Российские контексты политики по отношению к культурно-языковому многообразию не содержат эксплицитных выражений названных идейных оппозиций. Здесь, скорее, более значимое место принадлежит расстановке и акцентированию смысловых приоритетов политико-идеологического и практико-управленческого плана¹. Принципиальный сдвиг происходит в фундаментальном понимании самого рассматриваемого феномена. Многообразие, понимаемое в коннотациях плюрализма миноритарных — идеоэтнических — кодов, замещается большим вниманием по отношению к культурно-коммуникативной консолидации, в основе которой находится язык государствообразующего народа, а русский язык становится одновременно основой общероссийской гражданской идентичности и системным элементом культурно-языкового многообразия в общенациональных масштабах.

¹ Статья готовилась в преддверии этапных новаций в деле управления этноязыковым многообразием российского общества в контексте меняющихся внешне- и внутриполитических процессов, когда были анонсированы (но публично ещё не обнародованы) важные нормативно-правовые и программно-стратегические акты, связанные с обновляющимися моделями национальной и языковой политики.

Важным событием в оформлении стратегических приоритетов стало утверждение Основ государственной языковой политики Российской Федерации. В этом акте стратегического планирования в качестве стратегической установки закреплено: «Российская Федерация проводит политику сохранения, развития и поддержки существующего языкового многообразия, сочетающего в себе функционирование русского языка как государственного языка Российской Федерации, государственных языков республик Российской Федерации и других языков народов Российской Федерации» (Указ Президента Российской Федерации «Об утверждении Основ государственной языковой политики Российской Федерации» № 474 от 11 июля 2025 г. // <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202507110017> (дата обращения: 17.07.2025)).

В проекте документа «Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2036 года» (опубликован на официальном сайте для размещения информации о подготовке нормативных правовых актов и результатах их обсуждения) среди приоритетных направлений по сохранению и поддержке этнокультурного и языкового многообразия в числе первоочередных задач названы «сохранение и развитие культуры русского народа как государствообразующего народа», а также «создание оптимальных условий для использования, сохранения и развития языков народов Российской Федерации». Один из предполагаемых новых целевых показателей — это доля мероприятий, «направленных на популяризацию русской культуры в общем количестве этнокультурных мероприятий» — не менее 80%¹.

Актуально наблюдаемые и верифицируемые параметры многообразия свиде-

тельствуют: при всей разнонаправленной динамике этноязыковых процессов в России сложная социально-коммуникативная мозаика продолжает сохраняться. По данным федерального мониторинга состояния и развития языков народов Российской Федерации работа с детьми в системе дошкольного образования осуществлялась в 2022 г. на 43 родных языках в 25 субъектах страны, общая численность таких воспитанников составила 673 460 человек.

В рамках начального общего, основного общего и среднего общего образования, согласно тем же данным, в 2022/23 учебном году в 61 субъекте Российской Федерации реализуются образовательные программы по 74 родным языкам в рамках предметных областей «Родной язык и литературное чтение на родном языке» и «Родной язык и родная литература» в общеобразовательных организациях, а также в рамках дополнительного образования и внеурочной деятельности². Общая численность изучающих родные языки народов Российской Федерации в рамках указанных предметных областей составляет 1 863 280 человек (1 774 939 человек в 2021/22 учебном году).

Кроме того, в рамках факультативных занятий родные языки народов нашей страны осваивают 76 635 обучающихся, в рамках дополнительного образования — 10 071 человек. В 16 республиках Российской Федерации изучаются 20 языков в качестве государственных языков республик. Общая численность изучающих государственные языки республик составляет 937 275 человек. В Реестре примерных основных общеобразовательных программ были размещены 239 программ учебных предметов «Родной язык», «Литературное чтение на родном языке», «Родная лите-

¹ Проект Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2036 года. URL: <https://regulation.gov.ru/Regulation/Npa/PublicView?npaID=157502> (дата обращения: 15.06.2025).

² Официальная статистика на начало 2010-х гг. показывала: в системе государственного образования используется 89 языков, из которых 30 — в качестве языка обучения и 59 — в качестве предмета изучения [Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации до 2025 года. Указ Президента РФ от 19 декабря 2012].

ратура» по 38 языкам. В Федеральном перечне учебников представлен 361 учебник по 25 родным языкам¹.

Попутно можно отметить то обстоятельство, что много- и двуязычный «бэкграунд» отнюдь не означает какой бы то ни было неконкурентоспособности индивидов в доступности образования. Так, согласно итогам российской переписи 2021 г., доля лиц с учёной степенью (послевузовским), высшим и неоконченным высшим образованием по отношению к общей численности народа (в том числе — в категории 20 лет и старше): среди евреев — 57,40% (64,56%), калмыков — 31,42% (43,21%), бурят — 28,88% (41,80%), осетин — 27,22% (35,16%), якутов — 24,57% (34,41%), русских — 22,68% (28,46%), татар — 22,70% (28,6%), армян — 19,24% (24,48%), чеченцев — 12,42% (20,14%)².

Вместе с тем реальность языкового многообразия не исчерпывается и, тем более, не гарантируется состоянием образовательной сферы, на предмет чего имеются скептические экспертные суждения [5]. Если бы школьное дело само по себе могло бы обеспечить функционально-коммуникативное благополучие языков, то не было бы оснований для сетований по поводу компетенций выпускников во владении литературными стандартами русского языка, не говоря об английском и других иностранных языках.

В 2023 г. в России, помимо русского, книги были изданы на 57 языках народов страны (в 2022 г. — на 50 языках). Из 1028 названий, вышедших общим тиражом 1496,4 тыс. экземпляров — на татарском языке вышло 23,4% названий и 22% от общего тиража; на якутском — соответственно 15,6% и 19,6%;

на башкирском — 6,8% и 21,5%; на чувашском — 6,3% и 8,6% названий; на бурятском — 3,6% от общего числа изданий³. Эти количественные показатели можно по-разному интерпретировать, но, будучи отдельно взятыми, они каких-то свидетельств по социологии чтения ещё не дают.

Управление культурно-языковым многообразием составляет относительно обособленную и специализированную область публичной политики, что получает оформление как на уровне законодательства, так и в других сегментах правовой политики (актах стратегического планирования, концептуальных документах и проч.) [6]. Языковые отношения и культурно-коммуникативное устройство общества обладают не отдельно взятой «секторальной», но «сквозной» онтологией. Отсюда вытекает множественная природа политикообразующих факторов и соответствующих механизмов регуляции — того, что складывается в виде многоуровневой картины — взаимодействия макро-, мезо- и микроструктурных составляющих.

В аналитических целях исследователи оперируют соответствующими категориями, генетически связанными с экономико-организационным терминологическим аппаратом: «макрополитика» как регулятор отношений между субъектами в масштабах социума в целом, «мезополитика» — как промежуточный контур отношений, «микрополитика» — в локальных условиях и в случае индивидуальных действий. Мезополитическое звено в этой логике играет посредствующую роль во взаимодействии общенациональных институтов и процессов с локально-индивидуальными феноменами.

¹ Ежегодный доклад Правительства о реализации государственной политики в сфере образования в 2023 году. URL: http://government.ru/dep_news/51601/ (дата обращения: 10.06.2025).

² Самые образованные народы Российской Федерации по итогам переписи 2021 г. // Telegraph [Сайт]. URL: <https://telegra.ph/Samye-obrazovannye-narody-Rossijskoj-Federacii-po-itogam-perepisi-2021-g-01-04> (дата обращения: 12.06.2025).

³ Книжный рынок России. Состояние, тенденции и перспективы развития. Год 2023. Отраслевой доклад. Вып. XVI / Под общ. ред. В.В. Григорьева. М.: Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации, 2024. URL: <https://bookunion.ru/upload/news/Bookmarket-2023.pdf> (дата обращения: 13.06.2025).

В литературе по прикладной социолингвистике многоуровневые характеристики политико-языкового регулирования традиционно изучаются в виде территориально-пространственной шкалы «глобальный уровень — континентальный — государственный — региональный — местный» [7]. Такой выбор оснований для структурирования политики культурно-языкового многообразия выглядит как логически обоснованный и самоочевидный. Стратегические установки, правовые нормы и управленческие механизмы, формулируемые от лица общенациональных институтов, не просто получают имплементацию (то есть инкорпорирование в акты регионального уровня), но и практическую реализацию в виде, адаптируемом к конкретным языковым ситуациям.

В условиях российской политической системы осуществление мер, направленных на поддержку, сохранение, развитие и изучение русского языка как государственного языка, языков и культуры народов нашей страны, отнесено к полномочиям субъектов Российской Федерации согласно Федеральному закону «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» (от 21.12.2021 г. № 414-ФЗ, в ред. от 13.12.2024 г.).

Политико-управленческое воздействие на языковое многообразие на макро-, мезо- и микроуровнях в идеале предполагает гармонизацию и в нормативном, и в практическом смыслах. Однако сложнейшая природа самого предмета исключает возможности унификации принимаемых решений и мер. Проблематичность усугубляется здесь не только конкретными обстоятельствами языковых ситуаций, весьма различающихся от региона к региону с их этнодемографическими, культурно-историческими, социально-экономическими и статусными характеристиками, но и моментами рассогласованности концептуальных подходов.

В рамках настоящего изложения уместно привести лишь одно — но показательное — подтверждение сказанному. Речь идёт о регулятивной норме правовой

политики в рассматриваемом контексте, а именно — о много- и двуязычии. Используемые формулы и конструкции в этом случае иллюстрируют тенденции контекстных трансформаций. В преамбуле действующего Закона «О языках народов Российской Федерации» (в ред. от 24.07.1998 № 126-ФЗ) закреплено положение «Государство *на всей территории* Российской Федерации способствует развитию национальных языков, двуязычия и многоязычия» (здесь и далее — курсив О.Я., Н.М.).

Практически одновременно — в середине 1990-х — начале 2000-х гг. — в правительственных актах фигурировала нормативная установка: «Стержнем языковой политики... является стратегия сохранения и упрочения, при котором обеспечивается знание русского языка как *сбалансированного национально-русского и русско-национального двуязычия*, государственного всем населением РФ и поощряется изучение национальных языков *населением её республик*» (Постановление Правительства РФ «Об утверждении федеральной целевой программы «Русский язык»» (от 23 июля 1996 г. № 881); Федеральная целевая программа «Русский язык» на 2002–2005 годы (от 27 июня 2002 г. № 483).

В документах стратегического планирования, принятых в 2020-е гг., — в Основах государственной культурной политики (с изменениями на 25 января 2023 г., Указ Президента Российской Федерации № 35) закрепляется комплекс задач в области русского языка, языков народов Российской Федерации, отечественной литературы и фольклора. Формула-декларация выглядит так: «Ключевая объединяющая роль в историческом сознании многонационального русского народа принадлежит русскому языку, великой русской культуре». Среди задач российской культурной политики отмечено также: «Создание условий для сохранения и развития всех языков народов Российской Федерации, для *сохранения двуязычия и многоязычия граждан, проживающих*

в национальных республиках и регионах, для использования национальных языков в печатных и электронных средствах массовой информации» (Абзац в редакции от 25 января 2023 г.). Это положение воспроизведено также в Стратегии государственной культурной политики до 2030 г. (утв. распоряжением Правительства РФ от 11 сентября 2024 г. № 2501-р). Приведённые нормативные конструкции свидетельствуют о том, что проблематика дву- и многоязычия перемещается на мезоуровень политики и – что принципиально – применительно не ко всем субъектам, но к российским республикам и «национальным регионам» (термин, не имеющий конституционно-правового закрепления).

Наконец, в Концепции государственной языковой политики Российской Федерации (утв. распоряжением Правительства РФ от 12 июня 2024 г. № 1481-р) положение о двуязычии помещено в ещё более узкий контекст – на микроуровне политики, когда в числе задач указывается «воспитание уважительного отношения и популяризация позитивного образа *семей, использующих двуязычие и многоязычие*». Иными словами, владение двумя или несколькими языками *de jure* ограничивается сферой бытового общения, но не рассматривается как естественный атрибут публичного информационного пространства или культурно-языкового ландшафта там, где это выступает в виде естественной составляющей социокультурного наследия и актуального лингвистического состояния.

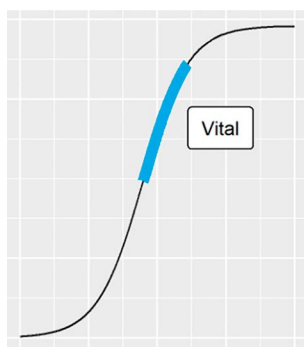
Таким образом, перед мезополитикой культурно-языкового многообразия будут возникать задачи, связанные с целеполаганием на фоне неполноты концептуальной определённости на макроуровне. К этому следует добавить риски перевода публично-политических решений в плоскость бюрократической формализации, аппаратной стилистики – всего, что ориентировано на отчётные картины достигаемого благополучия.

Мезополитика – феномен, не исчерпываемый пространственными (тер-

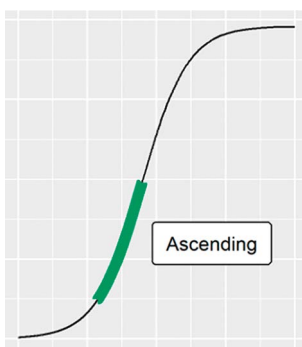
риториальными, региональными) измерениями и уровнями политико-административного управления. Это – ещё и моменты агентивности, участия в политико-языковых отношениях со стороны акторов, не обладающих формальными юридическими полномочиями. В сегодняшних условиях особую значимость приобретает активность самых различных заинтересованных субъектов в цифровой среде.

Цифровые составляющие управления культурно-языковым многообразием

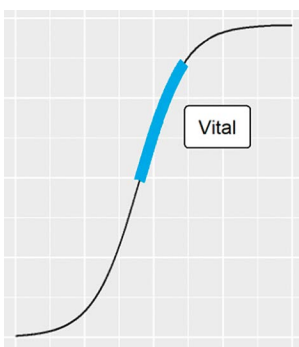
Цифровое благополучие языков является показателем их степени встроенности и интегрированности в новую технологическую среду. Электронный корпус языка, словари, системы проверки орфографии, поисковые системы, голосовые помощники – это элементы цифровой инфраструктуры языка. В ходе работы VIII экспертного форума ФАДН «Языковая политика» приводились данные мониторинга в 36 субъектах РФ: 70 языков в той или иной степени обеспечены электронными словарями; для семи языков разработаны речевые технологии, включая речевые синтезаторы и речевые анализаторы; 36 языков обеспечены языковыми корпусами разного объёма; для 55 языков разработаны цифровые программы, включая мобильные приложения и программы для персональных компьютеров; свободно распространяемые шрифты PT Sans, PT Serif, PT Mono шрифтовой компании «ПараТайп» содержат расширенный набор символов на базе кириллицы из 179 знаков, подходящих для обозначения графической основы (алфавита) 150 языков; 59 языков обеспечены раскладками клавиатуры персонального компьютера; в крупнейшем отечественном сервисе автоматического перевода «Яндекс Переводчик» представлены девять языков, а также 17 языков народов России обеспечены другими системами машинного перевода; для 11 языков разработаны сис-

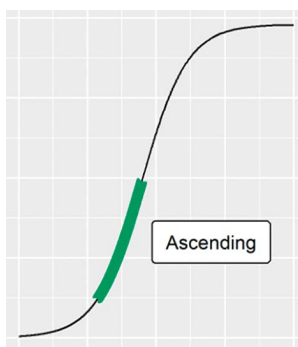
Ил. 1. Уровень цифровой поддержки татарского языка¹

Ил. 2. Уровень цифровой поддержки якутского языка²

Ил. 3. Уровень цифровой поддержки башкирского языка³

Ил. 4. Уровень цифровой поддержки удмуртского языка⁴

темы проверки правописания и грамматики⁵.

С.Н. Бобрышев, оценивая степень внедрения государственных языков субъектов РФ в киберпространство, отмечал, что «исследования и разработки находятся в субъектах Российской Федерации на разных стадиях: для некоторых языков (татарский, марийский, коми) создан весь инструментарий, позволяющий языку активно функционировать в интернет-пространстве: создаются национальные корпуса языков, машинные переводчики и т.д. Но большая часть национальных языков только приближается к базовому уровню, а для некоторых малоресурсных языков народов России пока нет даже элементарной возможности внедряться в электронную сферу...» [8].

Сказанное в некоторой степени подтверждается таким ресурсом, как The Ethnologue, где наряду с традиционными параметрами – демографическими коммуникативными, образовательными – берётся в расчёт также уровень цифровой поддержки языка.

Приведённые графики (ил. 1–4) демонстрируют уровни цифровой поддержки языков народов России. К примеру, для татарского и башкирского языков это множество инструментов, включая средства обработки речи, которые способны повышать уровень витальности (*vital*). Цифровая поддержка якутского и удмуртского языков расценивается как восходящая (*ascending*) или предполагающая сервисы проверки орфографии, локализованные возможности машинного перевода. В целом в основе оценки лежат пять уровней цифровой витальности. Помимо двух, упомянутых ранее, она включает также: неподвижный (*still*), т.е. с отсутствием цифровой поддержки; появляющийся (*emerging*) – имеется некоторый контент на языке в цифровой форме или некоторые инструменты кодирования; и процветающий (*thriving*) – имеются не только базовые языковые ресурсы в виде электронных корпусов сервисов проверки орфографии, но и виртуальные помощники⁶.

Высокие индексы цифровой витальности языков могут свидетельствовать о «продви-

¹ Tatar language // The Ethnologue [Сайт]. URL: <https://www.ethnologue.com/language/tat> (дата обращения: 20.06.2025).

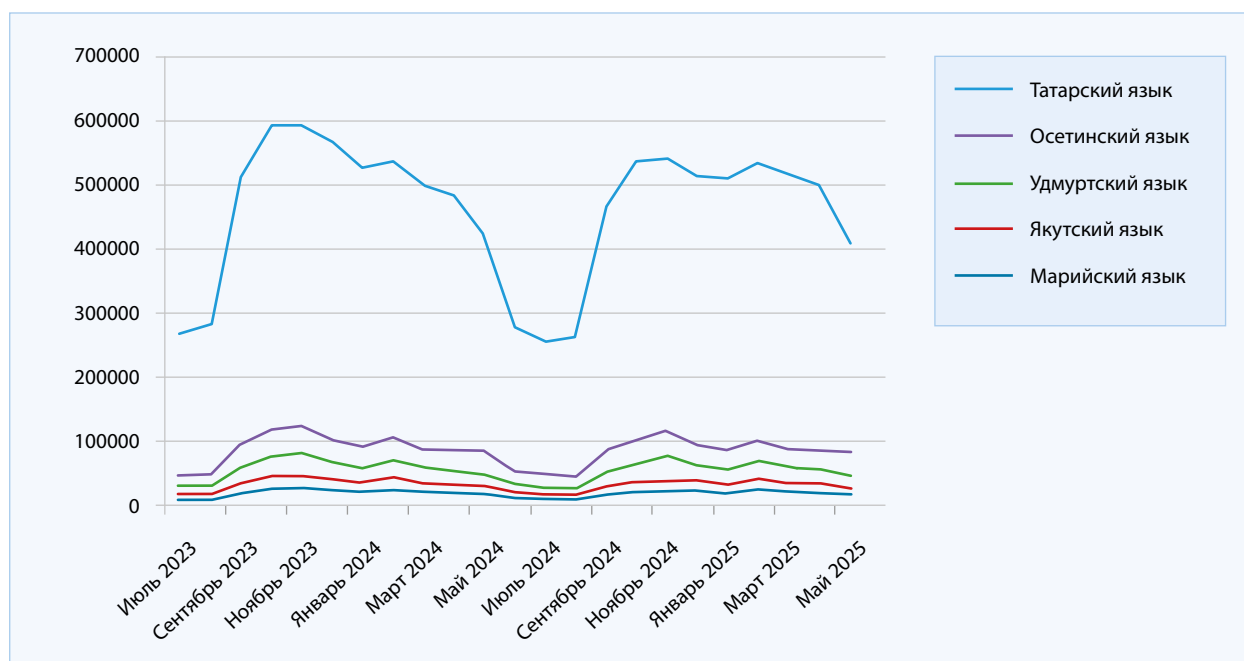
² Yakut language // The Ethnologue [Сайт]. URL: <https://www.ethnologue.com/language/sah> (дата обращения: 20.06.2025).

³ Bashkort language // The Ethnologue [Сайт]. URL: <https://www.ethnologue.com/language/bak> (дата обращения: 30.06.2025).

⁴ Udmurt language // The Ethnologue [Сайт]. URL: <https://www.ethnologue.com/language/udm> (дата обращения: 30.06.2025).

⁵ Телеграм-канал Дома народов России. URL: <https://t.me/domnarodovrf/9572>. 12 декабря 2024 г. (дата обращения: 17.06.2025).

⁶ Methodology // The Ethnologue [Сайт]. URL: <https://www.ethnologue.com/methodology/#DLS> (дата обращения: 30.06.2025).

Ил. 5. Динамика частотности запросов «татарский язык», «осетинский язык», «удмуртский язык», «якутский язык», «марийский язык», по месяцам (01.07.2023 – 31.05.2025)¹

нутости» регионов в вопросах языковой политики онлайн. В ряде российских регионов были созданы структуры — фонды, лаборатории, центры, отделы, специализирующиеся на развитии национальных сегментов сети Интернет. К примеру, в 2013 г. в форме некоммерческой организации был основан Фонд развития Татнета. В 2012 г. при поддержке властей Республики Коми создан Центр инновационных языковых технологий. Примечательно, что ведением официального сайта Республики Коми и сопровождением электронных услуг занимается Бюро официального перевода как структурная единица Центра [9]. В рамках Республиканского центра марийской культуры функционирует отдел по инновационному развитию марийского языка.

Появление подобных структур свидетельствует о признании со стороны региональных властей необходимости и востребованности мер по продвижению языков в цифровом пространстве. Это могут быть

примеры сотрудничества региональных домов дружбы народов и национальных библиотек, направленного на развитие электронных библиотек и создание цифровых копий книжного наследия на языках — всего того, что именуется «новой нефтью» и лежит в основе появления умных колонок, чат-ботов, синхронных переводчиков и других интеллектуальных систем.

Важным показателем реальной функциональной значимости региональных языков является интерес интернет-пользователей к данным темам и их востребованность. На графике (ил. 5) представлена динамика запросов пользователей сети по ключевым словам — «татарский язык», «осетинский язык», «удмуртский язык», «якутский язык», «марийский язык».

Интерес к цифровым аспектам языкового многообразия характеризуется разнонаправленной динамикой. Однако мезополитика в своих культурных и информационных, пропагандистских аспектах способна акти-

¹ Запросы выполнены с помощью онлайн-сервиса Yandex.WordStat глубиной в два последних года (с июля 2023 года по май 2025 года включительно) для упомянутых выше языков. Диаграмма построена по данным сервиса Yandex.WordStat // Яндекс Вордстат [Сайт]. URL: <https://wordstat.yandex.ru> (дата обращения: 29.06.2025).

визировать общественное внимание к многоязычию как культурному и коммуникативному благу и значимой ценности. Общие для всех языков тенденции – это высокие показатели запросов в течение года и снижение в летние месяцы. Примечательно, что ранее проводившиеся исследования в структуре запросов фиксировали рост популярности новогодних поздравлений в ноябре–декабре; высокие запросы, связанные с изучением языков, фиксируются в учебные месяцы и практически отсутствуют в каникулярный период (поиск готовых домашних заданий, учебников, рабочих тетрадей и т.д.)¹.

В таблице представлены наиболее популярные запросы пользователей, зафиксированные в мае–июне 2025 года.

Высокой популярностью отличаются запросы на прослушивание песен на языках. Не менее популярны поисковые запросы, связанные с поздравлениями с днём рождения, переводами и днями языков (табл.). Иными словами, представленные данные интернет-статистики говорят о востребованности региональных языков сразу в нескольких сегментах Интернета: образовательном, познавательном, развлекательном, коммуникативном и т.д.

Региональные программы выступают механизмами реализации языковой политики. Многие из действующих документов содержат мероприятия, направленные на продвижение региональных языков

в интернет-пространстве. К примеру, общий объём финансирования региональной программы Республики Саха (Якутия) в 2023 г. составлял 100 млн рублей, из которых 3 млн были предусмотрены на ведомственный проект «Формирование эффективного информационного пространства и обеспечение паритетного использования государственных и официальных языков Республики Саха (Якутия) во всех сферах общественной жизни» и 3 млн рублей – на мероприятие «Цифровизация и сохранение языкового, литературного и культурного наследия народов Республики Саха (Якутия)»². Программа Северной Осетии – Алании на 2021–2025 гг. предусматривает более 65 млн рублей, из которых более 3 млн выделяется на реализацию проекта по включению осетинского языка в список поддерживаемых языков сервиса «Яндекс.Переводчик»³.

В Программе Удмуртии меры по развитию национального сегмента Интернета включают подготовку кадров, специализирующихся на внедрении ИТ-технологий в сферу филологии (4,5 млн рублей на 2023–2030 гг.); наполнение контентом и техническую поддержку молодёжных интернет-каналов на удмуртском языке (1,5 млн рублей); перевод в цифровой формат документов национального библиотечного фонда (2 млн рублей) и создание архива национальных телепрограмм⁴.

¹ Мухарямов Н.М. Государственная языковая политика в Российской Федерации: институциональные основания и пространственные измерения // Многообразие России и российская идентичность. Отчёт о Программе научных исследований, связанных с изучением этнокультурного многообразия российского общества и направленных на укрепление российской идентичности. М., 2023. С. 80–81.

² Об утверждении государственной программы Республики Саха (Якутия) «Сохранение и развитие государственных и официальных языков в Республике Саха (Якутия) на 2023–2027 годы». Постановление Правительства Республики Саха (Якутия) от 18 июля 2022 г. № 472 // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов [Сайт]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/406203836> (дата обращения: 17.06.2025).

³ Об утверждении государственной программы Республики Северная Осетия – Алания «Национально-культурное развитие осетинского народа» на 2021–2025 годы. Постановление Правительства Республики Северная Осетия – Алания от 24 декабря 2020 г. № 467 // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов [Сайт]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/571090713> (дата обращения: 17.06.2025).

⁴ Об утверждении государственной программы Удмуртской Республики «Сохранение, изучение и развитие государственных языков Удмуртской Республики и иных языков народов Удмуртской Республики на 2023–2030 годы». Постановление Правительства Удмуртской Республики от 27 июня 2022 г. № 330 // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов [Сайт]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/406129507> (дата обращения: 17.06.2025).

Таблица

Десять наиболее популярных запросов на языках народов России¹
(29.05.2025 – 29.06.2025)

№ п/п	Осетинский язык		Марийский язык		Татарский язык	
	Общее количество запросов	19 846	Общее количество запросов	12 759	Общее количество запросов	254 177
1.	Осетинские песни на осетинском языке	1 565	Русско-марийский язык	1 357	Песня на татарском языке	41 437
2.	Перевод на осетинский язык	1 298	Песни на марийском языке	1 284	Татарский язык бесплатно	38 228
3.	Русско-осетинский язык	1 257	День марийского языка	1 155	День татарского языка	38 135
4.	День осетинского языка	1 035	Марийский язык перевод	1 070	День рождения на татарском языке	32 505
5.	Рождение осетинского языка	778	С днём рождения на марийском языке	896	Поздравление на татарском языке	30 506
6.	С днём рождения на осетинском языке	700	Поздравление на марийском языке	873	С днём рождения на татарском языке	30 190
7.	Переводчик на осетинский язык	568	Переводчик на марийский язык	618	Татарский язык слушать	29 514
8.	Осетинский язык слушать	562	Поздравление с днём на марийском языке	598	Слушать бесплатно на татарском языке	26 112
9.	Осетинский язык какой	542	Марийский язык слова	583	Бесплатные песни на татарском языке	23 655
10.	Поздравления на осетинском языке	536	Поздравления с рождением на марийском языке	553	Песни на татарском языке слушать	23 235

Меры по наращиванию цифрового языкового благополучия предусмотрены государственной программой Республики Татарстан «Сохранение, изучение и развитие государственных языков Республики Татарстан и других языков в Республике Татарстан». Документ включает мероприятия, направленные на «создание благоприятной языковой среды в интернет-пространстве и популяризацию родных языков в средствах массовой информации»². При общем объёме финансирования на 2024–2027 гг. 573 млн 793 тыс. рублей программа предусматривает сопровождение официальной страницы Республики Татарстан на татарском языке

в социальной сети «ВКонтакте»; разработку русско-татарского машинного переводчика, современных систем анализа и синтеза речи для татарского языка, локализацию программных продуктов; внедрение неологизмов в электронный справочник, оцифровку страниц памятников письменного наследия и другие мероприятия, без уточнения по выделяемым средствам. В республике действует Институт прикладной семиотики Академии наук Республики Татарстан, чья деятельность связана с внедрением технологий искусственного интеллекта в продвижение позиций татарского языка в цифровом мире. Иными словами, в региональных програм-

¹ Орфография запросов сохранена. Таблица построена по данным сервиса Yandex.WordStat // Яндекс Вордстат [Сайт]. URL: <https://wordstat.yandex.ru> (дата обращения: 29.06.2025).

² Об утверждении государственной программы Республики Татарстан «Сохранение, изучение и развитие государственных языков Республики Татарстан и других языков в Республике Татарстан» на 2023–2030 годы (с изменениями на 11 июля 2024 года). Постановление Кабинета Министров Республики Татарстан от 10 сентября 2020 г. № 821 // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов [Сайт]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/570917803> (дата обращения: 19.06.2025).

мах предусмотрены разноплановые меры и разброс объёмов финансирования.

В процессы цифровизации языков России вовлечены не только органы государственной власти регионального уровня, но и некоммерческие организации, бизнес и местные энтузиасты. Портал «Грамота.ру» собрал множество примеров самых разных инициатив, включая создание корпусов текстов и онлайн-переводчиков, размещение в Интернете словарей, умные колонки и цифровизацию шрифтов [10]. К примеру, очень полезны для журналистов, переводчиков и редакторов сервисы машинного перевода, позволяющие работать с большими текстами. Весной 2020 г. благодаря энтузиасту из Якутии А. Иванову и компании «Яндекс» был запущен сервис Яндекс.Переводчик на якутском языке. По сути, работа по включению языков народов России в названный сервис машинного перевода сегодня координируется Федеральным агентством по делам национальностей совместно с региональными языковыми институтами и активистами

на местах. В сервисе уже есть татарский, башкирский, чувашский, удмуртский, якутский, горномарийский, марийский и осетинский. В течение ближайших трёх лет появятся ещё 20 языков, включая чеченский, ингушский, бурятский, тувинский и многие другие языки.

Таким образом, установки политико-языкового регулирования на общенациональном уровне выполняют функции стратегического целеполагания. Воспроизводство языкового многообразия как социолингвистического состояния достижимо через воплощение макрорешений в сложносоставной практике на уровнях, которые более приближены к повседневному выражениям языкового функционирования и языковых отношений. При этом мезополитика в области культурно-языкового многообразия охватывает не только геолингвистические (региональные, пространственные измерения применительно к субъектам федерации), но и агентивные (применительно к способам политико-языкового общественного участия) составляющие.

ЛИТЕРАТУРА

1. Фишман Дж. Сегодняшние споры между примордиалистами и конструктивистами: связь между языком и этничностью с точки зрения учёных и повседневной жизни // Логос. 2005. № 4 (49). С. 132–140.
2. Куссе Х. Культуроведческая лингвистика. М.: Гнозис, 2022.
3. De Swaan A. Endangered languages, sociolinguistics, and linguistic sentimentalism // European Review. 2004. Vol. 12, № 4. Pp. 467–580.
4. Romanie S. Linguistic Diversity and Poverty: Many Languages and Poor People in Globalizing World // Contemporary Applied Linguistics / Ed. by Li Wei and Vivian Cook. Vol. 2. Linguistics for the Real World. N.-Y.: Continuum, 2011. Pp. 46–64.
5. Баранова В.В. Языковая политика без политиков: языковой активизм и миноритарные языки в России. М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2023.
6. Мухарямов Н.М. Культурно-языковое многообразие российского общества как направление правовой политики // Культурное наследие: исторический опыт и современные интерпретации (к итогам Года культурного наследия народов России): Сборник статей / Под ред. В.А. Тишкова; Сост. Б.А. Синанов, В.В. Тишков. М.: ИЭА РАН, 2023. С. 57–78.
7. Lewis H., Royles E. Governance, complexity, and multi-level language policy and planning // The Routledge Handbook of Language Policy and Planning / Ed. by Michele Gazzola, François Grin, Linda Cardinal, and Kathleen Heugh. L. and N.-Y.: Routledge, 2024. Pp. 272–285.
8. Бобрышев С.Н. Многоязычные шрифты ПараТайп — основной инструмент обеспечения письменности языков народов РФ // ФАДН. Сборник материалов форума «Языковая политика в Российской Федерации». М., 2024. С. 178–185.

9. Нестерова Н.: «Мы сейчас работаем над коми языком для будущих поколений» // Финно-угорский медиацентр [Сайт]. URL: <http://finugor.ru/node/26191/> (дата обращения: 15.06.2025).
10. Солдатов А. Как цифровизация помогает сохранить языки коренных народов России // Грамота.ру [Сайт]. URL: <https://gramota.ru/journal/stati/tekhnologii/kak-tsifrovizatsiya-pomogaet-sokhranit-yazyki-korennykh-narodov-rossii> (дата обращения: 15.06.2025).

On Issue of Mesopolitics of Cultural and Linguistic Diversity in Russian Context

Nail Midkhatovich Mukharyamov – Doctor of Political Science, head of the Department of Social Studies, Political Science and Law at the Kazan State Power Engineering University, head of the project "Regional Language Policy in Discursive Dimensions" (19-011-31465).

E-mail: n.mukharyamov@yandex.ru

Olga Borisovna Yanush – Candidate of Science (Political Studies), associate professor of the Department of Social Studies, Political Science and Law at the Kazan State Power Engineering University, executor of the project "Regional Language Policy in Discursive Dimensions" (19-011-31465). The work was supported by a grant from the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan, provided to young candidates of science (postdoctoral fellows). Grants are provided to academicians for defending their doctoral thesis, research, and work at research and educational organizations of Tatarstan as part of the republican state program for Scientific and Technological Development of the Republic of Tatarstan.

E-mail: yanush_ob@yahoo.com

The management of cultural and linguistic diversity is considered in the article as a multi-level system formed in the form of interaction of conceptual foundations and practical activities of national, regional and local scale. The proposed concept of mesopolitics implies not only spatial (territorial or political and administrative units of analysis) measurement, but also diversification of actors who begin to play an increasingly significant role in language relations and language functioning. Particular attention is paid to the conceptual goal-setting and normative consolidation of provisions on bi- and multilingualism in legal policy acts, as well as the possibilities of reproducing linguistic diversity arising in the modern space of information and communication technologies in the prospects of online language policy. The application of analysis methods on meso-projections of diversity management, according to the authors, will receive a new update in connection with the upcoming update of the regulatory environment of political and linguistic relations in anticipation of the adoption of new legislative acts and decisions in the field of legal policy.

Keywords: cultural and linguistic diversity, macro- and mesopolitics in language relations, multi- and bilingualism as a norm of legislation and management planning, digital presence and digital well-being of languages

REFERENCES

1. Fishman Dzh. Segodnyashnie spory mezhdru primordialistami i konstruktivistami: svyaz' mezhdru yazykom i etnichnost'yu s tochki zreniya uchyonykh i povsednevnoi zhizni // Logos. 2005. № 4 (49). S. 132–140 (in Russian).
2. Kusse Kh. Kul'turovedcheskaya lingvistika. M.: Gnozis, 2022 (in Russian).
3. De Swaan A. Endangered languages, sociolinguistics, and linguistic sentimentalism // European Review. 2004. Vol. 12, № 4. Pp. 467–580.

4. Romanie S. Linguistic Diversity and Poverty: Many Languages and Poor People in Globalizing World // Contemporary Applied Linguistics / Ed. by Li Wei and Vivian Cook. Vol. 2. Linguistics for the Real World. N.-Y.: Continuum, 2011. Pp. 46–64.
5. Baranova V.V. Yazykovaya politika bez politikov: yazykovoï aktivizm i minoritarnye yazyki v Rossii. M.: Izd. Dom Vysshei shkoly ekonomiki, 2023 (in Russian).
6. Mukharyamov N.M. Kul'turno-yazykovoe mnogoobrazie rossiiskogo obshchestva kak napravlenie pravovoi politiki // Kul'turnoe nasledie: istoricheskii opyt i sovremennye interpretatsii (k itogam Goda kul'turnogo naslediya narodov Rossii): Sbornik statei / Pod red. V.A. Tishkova; Sost. B.A. Sinanov, V.V. Tishkov. M.: IEA RAN, 2023. S. 57–78 (in Russian).
7. Lewis H., Royles E. Governance, complexity, and multi-level language policy and planning // The Routledge Handbook of Language Policy and Planning / Ed. by Michele Gazzola, François Grin, Linda Cardinal, and Kathleen Heugh. L. and N.-Y.: Routledge, 2024. Pp. 272–285.
8. Bobryshev S.N. Mnogoyazychnye shrifty ParaTaip – osnovnoi instrument obespecheniya pis'mennosti yazykov narodov RF // FADN. Sbornik materialov foruma «Yazykovaya politika v Rossiiskoi Federatsii». M., 2024. S. 178–185 (in Russian).
9. Nesterova N.: «My seichas rabotaem nad komi yazykom dlya budushchikh pokolenii» // Finno-ugorskii mediatsentr [Sait]. URL: <http://finugor.ru/node/26191/> (data obrashcheniya: 15.06.2025) (in Russian).
10. Soldatov A. Kak tsifrovizatsiya pomogaet sokhranit' yazyki korennykh narodov Rossii // Gramota.ru [Sait]. URL: <https://gramota.ru/journal/stati/tekhnologii/kak-tsifrovizatsiya-pomogaet-sokhranit-yazyki-korennykh-narodov-rossii> (data obrashcheniya: 15.06.2025) (in Russian).

Индекс УДК 323.11

Код ГРНТИ 11.15.37

DOI: 10.22204/2587-8956-2025-122-03-23-32

**Н.В. БОРИСОВА,
Н.С. БЕЛОУСОВА***

Языковая политика в регионах Приволжского федерального округа: факторы общественного запроса

На основе качественного сравнительного анализа эмпирических данных, собранных в рамках проекта «Языковые режимы в современной России: эффекты языковой преференциальной политики в полиэтнических регионах» (18-011-00763), обсуждается вопрос о том, какой набор факторов обуславливает наличие этнических активистов и практики их включённости в инициирование и принятие решений, касающихся языковых и — шире — этнических вопросов в регионах Приволжского федерального округа. Эмпирические данные относятся к периоду с 2017 по 2021 г. Языковая политика рассматривается как: (1) политический курс государства в сфере этноязыковых отношений и (2) борьба за её сохранение или оспаривание. Первое понимание позволяет анализировать то, в какой мере активисты имеют институциональную и ресурсную возможность влиять на неё, а второе — то, насколько они включены в процесс принятия решений в сфере управления этноязыковым многообразием. Метод качественного сравнительного анализа обнаружил сочетание разных факторов. Наиболее интересными решениями являются так называемые экономные решения. Первое решение (доля этнической группы в составе населения региона) подтвердило значимость данного условия как для позитивной и комплексной языковой политики, так и для институциональной и ресурсной силы этнических активистов. Второе решение — институциональная аффилиация консультативно-совещательного органа, в котором представлены этнические активисты, с главой региона и низкий уровень урбанизированности. Это сочетание можно объяснить тем, что в условиях аграрной культуры и сельского образа жизни большее значение имеют сильные социальные связи, основанные на личном доверии и клиентелизме. Представительство в структурах, связанных с главой региона, является ресурсом, позволяющим активистам наращивать свой социальный капитал в условиях плотных этнических социальных связей и высокого уровня внутригрупповой солидарности, характерной для сельских сообществ.

Ключевые слова: языковая политика, этнические активисты, консультативно-совещательные органы, Приволжский федеральный округ

* **Борисова Надежда Владимировна** — доктор политических наук, декан историко-политологического факультета Пермского государственного национального исследовательского университета (ПГНИУ), руководитель проекта «Языковые режимы в современной России: эффекты языковой преференциальной политики в полиэтнических регионах» (18-011-00763).
E-mail: borisova_nv@psu.ru

Белоусова Наталья Сергеевна — студентка магистратуры по направлению подготовки «Политология» историко-политологического факультета ПГНИУ.
E-mail: belousova.n.s@yandex.ru

В 2016 г. на заседании Совета по межнациональным отношениям в Астрахани В.В. Путин одобрил идею принятия закона о российской нации, что в экспертных и академических кругах, особенно в этнических республиках, вызвало острые дискуссии [1]. В 2017 г. на заседании того же Совета в Йошкар-Оле президент особо подчеркнул роль русского языка как нациеобразующего и исключительно добровольный характер изучения миноритарных языков. Это задало смену вектора языковой политики России в сторону большей централизации [2]: в 2018 г. были внесены поправки в ФЗ «Об образовании в РФ», закрепившие норму о добровольности изучения родного языка в средней школе, что «привело к сокращению преподавания миноритарных языков» [3]. В 2020 г. к 68 ст. Конституции была принята поправка о русском языке как языке государствообразующего народа, что обусловило всплеск этноязыкового активизма, который проявился в публичных дискуссиях и митингах в Татарстане, Башкортостане, Ингушетии и других республиках [4].

В данной работе на основе результатов серии исследований сотрудников кафедры политических наук ПГНИУ, включая данные проекта РФФИ «Языковые режимы в современной России: эффекты языковой преференциальной политики в полиэтнических регионах» (18-011-00763), обсуждается вопрос о факторах субъектного измерения языковой политики в регионах Приволжского федерального округа как проявлении практик оспаривания и включённости в языковую политику и планирование разнообразных (не)государственных акторов. Используемые в анализе эмпирические данные относятся к периоду с 2017 по 2021 г.

Теоретическая модель исследования

Классические подходы к исследованию языковой политики, как правило, сфокусированы на её структурных факторах, а также роли государства. Так, например, на связь политики по защите языковых прав миноритарных этнических групп,

типа политического режима и характеристик этнической группы указывает Э. Лю [5]. Размер группы, её территориальная концентрация и степень этнолингвистической гетерогенности общества влияют на масштаб признания языковых прав [6, 7]. Значима и традиция государственного (институционального) регулирования сферы межэтнических отношений в практике использования родных языков их носителями [8–10].

Языковую политику можно рассматривать и как целеполагание, и как целедостижение, субъектом которого выступает государство, и как комплекс политических взаимодействий [11], участниками которых являются органы публичной власти национального и субнационального уровня, а также разнообразные негосударственные акторы. Это позволяет увидеть в языковой политике два измерения — макро- и микрополитическое. В первом случае речь идёт об институциональных решениях, релевантных организационному устройству государства. А во втором — о её субъектном составе: практиках вовлечённости в решение вопросов о языке разнообразных неправительственных коллективных и индивидуальных акторов. Это уточнение представляется важным, поскольку конкретные результаты языковой политики — витальность языков меньшинств, фрагментированность или интегрированность общества, угроза территориальной целостности государства, удовлетворённость граждан уровнем защиты их разнообразных языковых прав — обусловлены не просто решениями государства, но и тем, как они реализуются в доменах образовательной и культурной политик, масс-медиа, а также тем, кто и как фреймирует госполитику, оспаривая или поддерживая её. А потому важным оказываются не просто размер и доля этноязыковой группы, в отношении которой политика реализуется, но её политический (субъектный) потенциал, выражающийся в наличии лидеров — носителей запроса на языковые права и преференции, а также организационных ресурсов и стимулов.

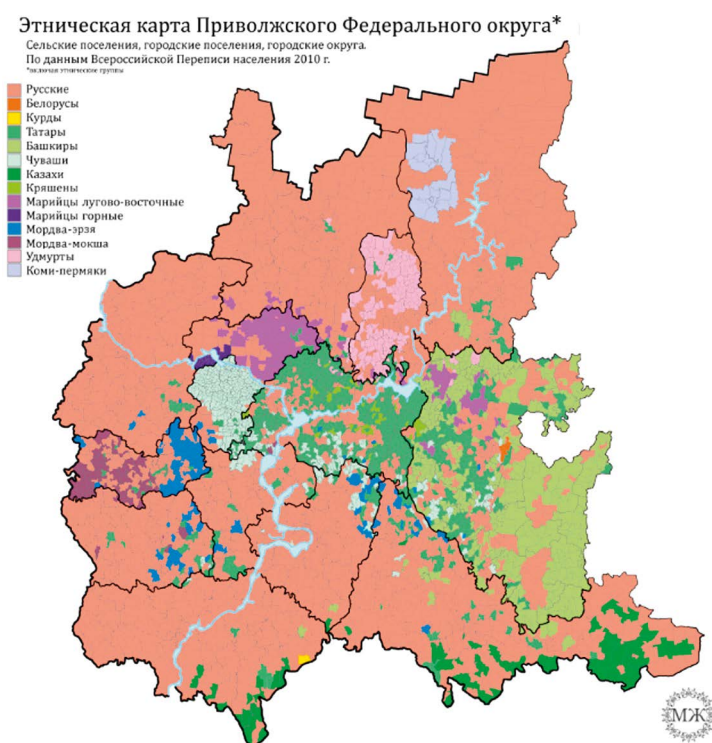
Ж. Шухуи и Р. Балдауф утверждают, что наряду с вопросом о том, какие решения принимает государство в отношении языка, значимым является «вопрос о людях, вовлечённых в политику на стадии её имплементации» [12]. Иными словами, при обсуждении содержания и результатов языковой политики важны ответы не только на вопросы «почему?» «что?» «каким образом?», но и вопрос о том, «кто и как участвует?». Их модель включает три группы агентивных акторов: *эксперты* (лингвисты, этнографы), *активисты* (общественные деятели, писатели, знаменитости), *люди, обладающие властью* (политики и чиновники). Каждая из групп отличается разной степенью представленности на разных её стадиях, разными ресурсными возможностями и стимулами. Функционально их роли (в соответствии со стадиями) можно описать как *инициирование, вовлечение, влияние, вмешательство и реализация*. Эксперты доминируют на стадии инициирования, активисты — влияния, а чиновники и политики — реализации. Также выделены второстепенные и опциональные роли. И если экспертам или политикам/чиновникам свойственны все три типа связей с пятью функциями (одна основная, одна второстепенная и три опциональные), то активисты наряду с «влиянием» на второстепенных позициях вовлечены в языковую политику на стадиях *инициирования, вовлечения, вмешательства и реализации* [12].

Авторы на примере реформы китайской письменности обнаружили, что успех языковых реформ зависит от конкретного вклада активистов на разных стадиях — от инициирования до имплементации, а также реакции и установок общества по отношению к этой политике. Результативность политики зависит от практик легитимации решений посредством работы с общественными установками и запросом, которую осуществляют активисты. Артикулируя общественные интересы, они способны инициировать решение и оказывать влияние при его принятии. Общественный запрос — это выражение потребностей, интересов и ожиданий

социальной группы, обращённое к государству с целью получения конкретных изменений или решений. Общественный запрос включает в себя призыв к действиям, а потому активная позиция его субъектов нуждается в поддержке со стороны членов группы, от имени которой они выступают. Таким образом, языковую политику можно рассматривать (1) как политический курс или набор мер, который государство проводит в сфере этноязыковых отношений, и (2) как деятельность, связанную с борьбой за сохранение или оспаривание текущего политического курса. Первое понимание позволяет анализировать то, в какой мере активисты, особенно на низовом уровне, имеют институциональную и ресурсную возможность влиять на неё, а второе — то, насколько они включены в процесс принятия решений в сфере управления этноязыковым многообразием. В рамках данной работы мы опираемся на обе исследовательские оптики и следующим образом формулируем исследовательский вопрос: что влияет на наличие активистов и практики их включённости в инициирование и принятия решений, касающихся языковых и — шире — этнических вопросов?

В качестве метода исследования выступает метод качественного сравнительного анализа (программный пакет — fsQCA) позволяющий выявить наличие связи между сочетаниями разных характеристик и определить, какие их комбинации способствуют тому или иному исходу. Выборка исследования представлена субъектами Приволжского федерального округа (ПФО) в силу их полиэтничности (с небольшой или ярко выраженной долей этнических меньшинств (ил.1) и вариативности их административного статуса (шесть республик, семь областей и один край (ил. 2))).

Единицей наблюдения выступает этноязыковая группа в регионе (по данным переписи 2010 г.). В каждом из регионов мы берём только две группы (кроме русских), занимающие наибольшую долю в составе населения. В 14 регионах проведены 28 наблюдений.

Ил. 1. Этническая карта ПФО

Источник: КарТоМаН. URL: <https://dzen.ru/>
(дата обращения: 01.07.2025)

Описание и операционализация переменных

Зависимая переменная

В исследовании мы фокусируем своё внимание исключительно на коллективных акторах — официально зарегистрированных моноэтнических некоммерческих организациях (далее — НКО), включая национально-культурные автономии. Они обладают следующими ресурсами: 1) финансовый (через участие в региональных и федеральных грантовых программах и получение субсидий из бюджета региона на реализацию этнокультурных и языковых проектов); 2) институциональный (наличие каналов для взаимодействия с органами публичной власти, в том числе через участие консультативно-совещательных органах (КСО) по межнациональным отношениям. Переменную трудно операционализировать: мы эмпирически измеряем её через такой показатель, как представленность моноэтнических НКО в составе регионального

КСО по межнациональным отношениям (Eg_KSO). Это позволяет отследить включённость активистов в политику и возможность влиять на принятие решений в области языковой политики.

Независимые переменные (условия)

Доля этноязыкового меньшинства в составе населения региона (Share_EG).

H1: Высокая доля этноязыковой группы в составе населения региона способствует высокой включённости активистов, что обусловлено наличием ресурсов и возможностей для коллективного действия.

Урбанизированность территории (Urb). Население сельских территорий, как правило, более этнически гомогенно, что обуславливает высокий уровень социальной солидарности и поддержки этнической идентичности. Население городов чаще этнически гетерогенно, отличается высокой социальной мобильностью и атомизированностью, что может размывать общественный запрос на сохранение языка и культуры.

H2: Низкий уровень урбанизированности территории позитивно влияет на наличие и включённость активистов.

Этническая гетерогенность (Ethn_get) [13]. Предполагается, что более высокий уровень этнической гетерогенности населения повышает возможность возникновения неравенства и чувства депривации, а также становится источником конкуренции между этническими группами за ресурсы и различные привилегии [14].

H3: Чем выше этническая гетерогенность населения, тем больше включены активисты, что обусловлено борьбой за ресурсы.

Политико-институциональный статус субъектов РФ (Status_reg). Республики имеют больше возможностей для сохранения и развития языка и культуры титульной этнической группы. Они обладают правом

устанавливать свои государственные языки, которые могут использоваться наравне с русским – государственным языком (ст. 68, п. 2). Мы исходим из того, что активисты в республиках России обладают большим объёмом институциональных и финансовых ресурсов, что позитивно сказывается на их активности.

Институциональная аффилиация КСО (Inst_aff). КСО могут быть образованы при разных органах публичной власти: главе региона, правительстве, парламенте, главе города и т.д. «Чем выше статус органа, тем больше вероятность, что он действительно может влиять на реализацию государственной национальной политики» [15]. Мы фиксируем два типа КСО: при главе региона и при ведомстве, ответственном за национальную политику. Первые обладают более высоким статусом, а значит, лидеры и представители этнических организаций при прочих равных будут стремиться попасть в их состав для продвижения и защиты интересов своих сообществ.

Анализ данных и результаты

В соответствии с правилами QCA данные были откалиброваны и закодированы в формате нечётких множеств от 0 до 1. Далее мы провели анализ с помощью техники вывода данных по алгоритму Куайна-Маккласка. Обсудим два типа решений: комплексное и экономное (табл. 1–2).

Наибольшую согласованность для включения моноэтнических НКО в консультативно-совещательные органы по межнациональным отношениям даёт вариант из следующих условий: высокая доля этнической группы в составе населения, высокая этническая гетерогенность, республиканский статус региона и институциональная аффилированность КСО с главой региона. Три варианта комплексных реше-

Ил. 2. Политико-административная карта ПФО

Источник: Яндекс. URL: <https://ya.ru/>
(дата обращения: 01.07.2025)

ний с относительно высокой согласованностью ожидаемо связаны с этническими республиками (в разной конфигурации) – Башкортостаном, Чувашией, Мордовией, Марий Эл и Татарстаном.

Первое решение содержит одно условие – доля этнической группы в составе населения региона, что ожидаемо: этот предиктор важен как для позитивной и комплексной языковой политики, так и для силы тех, кто выступает с языковыми требованиями или продвигает и защищает языковые права – этнорегиональные партии, этноорганизации [5, 6] и этнические активисты. Но наибольший интерес вызывает вторая конфигурация условий – институциональная аффилиация КСО с главой региона и низкий уровень урбанизированности. Этот вариант характерен не только для ряда республик, но для двух областей – Саратовской и Оренбургской. О чём говорит сочетание именно этих двух условий? Можно предположить, что

Модель 1: комплексные решения

Комбинация условий	Покрытие	Согласованность
Share_EG*Ethn_get*Status_reg*Inst_aff	0,207692	0,84375
Share_EG*Ethn_get*Status_reg*Urb	0,253846	0,767442
Ethn_get*Status_reg*Inst_aff*Urb	0,246154	0,761905
~Share_EG*~Ethn_get*~Status_reg*Inst_aff*Urb	0,161538	0,552631
Покрытие решений: 0,546154 Согласованность решений: 0,68932		

Таблица 1

что на процесс политизации этничности оказывает влияние доля этнической группы в составе населения региона вкупе с её территориальной концентрацией и степенью сегрегированности относительно других. Смешанный (совпадающий) формат проживания этнических меньшинств потенциально может способствовать деконцентрации организационных ресурсов и «размытию» общественного запроса на сохранение этнической идентичности, в то время как обособленный (сегрегированный) — наоборот. Это позволяет сформулировать дополнительную гипотезу:

H4: Сегрегированный формат локализации этнических групп способствует большей включённости активистов.

Модель 1: экономные решения

Комбинация условий	Покрытие	Согласованность
Share_EG	0,480769	0,833333
Inst_aff*Urb	0,538462	0,7
Покрытие решений: 0,788462 Согласованность решений: 0,732143		

Таблица 2

в условиях аграрной культуры и сельского образа жизни большее значение имеют сильные социальные связи, основанные на личном доверии и клиентелизме. Этнические активисты легитимируют свой статус патронов посредством демонстрации включённости/вовлечённости во властные и околовластные структуры. Иными словами, представительство в структурах, связанных с главой региона, является ресурсом, позволяющим наращивать активистам свой социальный капитал в условиях плотных этнических социальных связей и высокого уровня внутригрупповой солидарности, характерной для аграрного общества.

Поскольку наиболее сильным условием оказывается доля этнической группы в составе населения региона, мы решили его элиминировать, чтобы посмотреть, как и в какой комбинации работают иные условия, добавив дополнительное — формат локализации этнической группы в границах региона. Предполагается,

Далее по той же процедуре получили результаты для комплексных и экономных решений (табл. 3–4).

Из трёх решений наибольший интерес представляет вторая комбинация: высокая этническая гетерогенность, республиканский статус региона вне зависимости от урбанизированности и формата локализации способствуют представительству моноэтнических НКО в региональных КСО. И опять-таки такая конфигурация факторов характерна, прежде всего, для республик.

Высокая урбанизация вкупе со смешанным форматом локализации оказываются значимыми для включённости моноэтнических НКО в КСО. Казалось бы, парадоксальный результат, который, тем не менее, имеет объяснение: смешанный формат локализации и высокий уровень урбанизированности в совокупности могут вызывать у этнических групп чувство депривации, а потому стимулируют их продвигать свои интересы в публичной сфере через представительство во власти. Не менее ин-

тересным в свете обсуждения результатов первой модели является второе решение. Высокий уровень урбанизированности, обуславливая депривацию, также работает на мотивацию моноэтнических НКО быть представленными в тех советах, чей уровень выше.

Собранные эмпирические данные позволили установить, что политико-институциональный статус региона не влияет на представительство этнических меньшинств в КСО. В областях и краях Приволжского федерального округа разнообразные этнокультурно ориентированные организации включены в состав КСО достаточно часто. Но не всегда это НКО, представляющие интересы конкретной этнической группы. Включённость моноэтнических НКО в большей степени характерна для республик, но и там мы обнаруживаем вариативность: в Чувашии и Башкортостане представительство имеют не только НКО титульных групп, но и других этнических меньшинств. В Татарстане и Марий Эл представлены только НКО титульного народа – татар и марийцев соответственно. Впрочем, возможно, это наблюдение и ситуативно, поскольку состав КСО периодически меняется, и возможна ротация представителей от разных моноэтнических организаций в условиях, когда численность совета ограничена, а власти как субъекту формирования этого совещательного органа необходимо обеспечить гармонизацию межнациональных отношений. Это допущение подтверждает наблюдение в Пермском крае, относящееся к ситуации 2016–2017 гг., когда в азербайджанском сообществе в регионе было два авторитетных этнических НКО. И для того, чтобы снизить вероятность конфликта между ними и раскола в общине, власти нашли соломоново решение:

Таблица 3

Модель 2: комплексные решения

Комбинация условий	Покрытие	Согласованность
~Urb*~Ethn_get*~Status_reg*Inst_aff	0,161538	0,552631
~Urb*Ethn_get*Status_reg*~Loc	0,338462	0,814815
Urb*Ethn_get*~Status_reg*~Loc*Inst_aff	0,0692308	0,5
Покрытие решений: 0,569231 Согласованность решений: 0,691589		

Таблица 4

Модель 2: экономные решения

Комбинация условий	Покрытие	Согласованность
~Urb*~Loc	0,538462	0,823529
~Urb*Inst_aff	0,538462	0,7
Ethn_get*~Status_reg*~Loc	0,0923077	0,571429
Покрытие решений: 0,761538 Согласованность решений: 0,733333		

представитель одной организации вошёл в состав КСО при губернаторе, а представитель второй – в состав КСО при главе краевой столицы.

Что ещё поможет потенциально уточнить или даже скорректировать полученные результаты? Опять-таки данные о составе КСО свидетельствуют, что нередко в него входят учёные, преподаватели, журналисты, деятели культуры. При работе со списками членов КСО не всегда есть возможность определить их этническую принадлежность. Вполне вероятно, что они также могут быть неформальными представителями интересов конкретной этнической группы. Фактически выбранный нами жёсткий способ операционализации зависимой переменной – представительство моноэтнической НКО в КСО – потенциально сузил возможности более полного анализа.

Учитывая обозначенные ограничения, можно предложить иной вариант для дальнейших исследований. Он заключается в отказе от работы со средним чис-

лом случаев и обращении к сравнительно-ориентированному case-study с ориентацией на качественные эмпирические методы и стратегию реконструирования

практик представительства этноязыковых меньшинств в консультативных органах и органах публичной власти в динамике до и после 2017 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов Забайкалья: Материалы Международной научно-практической конференции (Чита, 16 мая 2019 г.). Чита: Забайкальский государственный университет, 2019.
2. Борисова Н.В. Языковая политика в регионах современной России: ресурсные возможности, общественный запрос и политические ограничения // Социо- и психолингвистические исследования. 2020. № 8. С. 7–16.
3. Назукина М.В. Маркеры этничности в региональной идентичности республик России // Регионоведение. 2018. Т. 26, № 4 (105). С. 698–717. DOI: 10.15507/2413-1407.105.026.201804.698-717.
4. Ачкасов В.А. Зачем русским статус «государствообразующего народа» // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2022. Т. 18, № 2. С. 215–224. DOI: 10.21638/spbu23.2022.207.
5. Liu A. Democracy and minority language recognition: tyranny of the majority and the conditional effects of group size // Democratization. 2017. № 3. Pp. 544–565.
6. Борисова Н.В. Факторы вариативности языковой политики и языковых режимов в сложнопостроенных политиях: Дисс. ... докт. полит. н. Казанский (Приволжский) федеральный университет, 2021.
7. Борисова Н.В. Языковая преференциальная политика и политика языка в этнических республиках России: представление базы данных // Вестник Пермского университета. Политология. 2019. Т. 13, № 3. С. 99–110. DOI: 10.17072/2218-1067-2019-3-99-110.
8. Замятин К.Ю. Почему у нас не получается сохранять языковое многообразие? (I) сохранение языков России, языковая политика и языковая ревитализация // Там же. 2024. Т. 18, № 3. С. 137–149. DOI: 10.17072/2218-1067-2024-3-137-149.
9. Замятин К.Ю. Почему у нас не получается сохранять языковое многообразие? (II) проблемы практики языковой политики и ревитализации при разработке Программы сохранения языков // Там же. 2024. Т. 18, № 4. С. 6–19. DOI: 10.17072/2218-1067-2024-4-6-19.
10. Cardinal L., Sonntag S. State Traditions and Language Regimes: A Historical Institutionalism Approach to Language Policy // European and regional Studies. 2015. № 8. Pp. 5–21.
11. Борисова Н.В. Регионализм и многоуровневая политика по языковому вопросу в странах Европы / Н.В. Борисова, П.В. Панов // Ars Administrandi (Искусство управления). 2022. Т. 14, № 1. С. 150–173. DOI: 10.17072/2218-9173-2022-1-150-173.
12. Shouhui Z., Baldauf Jr.R.B. Individual agency in language planning: Chinese script reform as a case study // Language Problems and Language Planning. 2012. № 36 (1). Pp. 1–24.
13. Alesina A., Devleeschauwer A., Earterly W., Kurlat S., Wacziarg R. Fractionalization // Journal of Economic Growth. Alesina A., Devleeschauwer A., Earterly W., Kurlat S., Wacziarg, R. Fractionalization // Journal of Economic Growth. 2003. № 5. С. 155–194.
14. Этнические НКО как форма общественно-политической активности меньшинств в современной России / Н.В. Борисова, Э.Ю. Минаева, П.В. Панов, К.А. Сулимов // Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения. 2021. Т. 5, № 3. С. 322–334. DOI: 10.35634/2587-9030-2021-5-3-322-334.
15. Сулимов К.А., Титова С.Р. Консультативно-совещательные органы по межнациональным отношениям в современной России: представление базы данных // Вестник Пермского университета. Политология. 2016. № 4. С. 150–167.

Language Policy in Regions of Volga Federal District: Factors of Public Demand

Nadezhda Vladimirovna Borisova — Doctor of Political Science, Dean of the Faculty of History and Political Science at the Perm State National Research University, head of the project "Language Regimes in Modern Russia: Effects of Language Preferential Policy in Multiethnic Regions" (18-011-00763).

E-mail: borisova_nv@psu.ru

Natalia Sergeevna Belousova — Master's student in Political Science at the Faculty of History and Political Science, Perm State National Research University.

E-mail: belousova.n.s@yandex.ru

Based on a qualitative comparative analysis of empirical data collected within the project "Language Regimes in Contemporary Russia: Effects of Language Preferential Policy in Multiethnic Regions" (No. 18011-00763 A), the study discusses which set of factors determines the presence of ethnic activists and the practice of their involvement in initiating and making decisions related to language and, more broadly, ethnic issues in the regions of the Volga Federal District. The empirical data cover the period from 2017 to 2021. Language policy is considered (1) as the state's political course in the field of ethno-linguistic relations, and (2) as a struggle for its preservation or contestation. The first perspective allows analyzing the extent to which activists have institutional and resource capacity to influence it, while the second focuses on how much they are included in the decision-making process regarding the governance of ethno-linguistic diversity. QCA method revealed a combination of different factors. The most interesting findings are so-called "parsimonious solutions." The first solution (the share of the ethnic group in the region's population) confirmed the significance of this condition both for positive and comprehensive language policy and for the institutional and resource strength of ethnic activists. The second solution involves the institutional affiliation of the consultative-advisory body representing ethnic activists with the regional head and a low level of urbanization. This combination can be explained by the fact that in conditions of agrarian culture and rural lifestyle, strong social ties based on personal trust and clientelism are more important. Representation in structures connected to the regional head is a resource that allows activists to build their social capital within dense ethnic social networks and a high level of intragroup solidarity characteristic of rural communities.

Keywords: language policy, ethnic activists, consultative and advisory bodies, Volga Federal District

REFERENCES

1. Ukreplenie edinstva rossiiskoi natsii i etnokul'turnoe razvitie narodov Zabaikal'ya: Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (Chita, 16 maya 2019 g.). Chita: Zabaikal'skii gosudarstvennyi universitet, 2019 (in Russian).
2. Borisova N.V. Yazykovaya politika v regionakh sovremennoi Rossii: resursnye vozmozhnosti, obshchestvennyi zapros i politicheskie ogranicheniya // Sotsio- i psikhologicheskieskie issledovaniya. 2020. № 8. S. 7–16 (in Russian).
3. Nazukina M.V. Markery etnichnosti v regional'noi identichnosti respublik Rossii // Regionologiya. 2018. T. 26, № 4 (105). S. 698–717. DOI: 10.15507/2413-1407.105.026.201804.698-717 (in Russian).
4. Achkasov V.A. Zachem russkim status «gosudarstvooobrazuyushchego naroda» // Politicheskaya ekspertiza: POLITEKS. 2022. T. 18, № 2. S. 215–224. DOI: 10.21638/spbu23.2022.207 (in Russian).
5. Liu A. Democracy and minority language recognition: tyranny of the majority and the conditional effects of group size // Democratization. 2017. № 3. Pp. 544–565.

6. Borisova N.V. Faktory variativnosti yazykovoi politiki i yazykovykh rezhimov v slozhnoustroennykh politiyakh: Diss. ... dokt. polit. n. Kazanskii (Privolzhskii) federal'nyi universitet, 2021 (in Russian).
7. Borisova N.V. Yazykovaya preferentsial'naya politika i politika yazyka v etnicheskikh respublikakh Rossii: predstavlenie bazy dannykh // Vestnik Permskogo universiteta. Politologiya. 2019. T. 13, № 3. S. 99–110. DOI: 10.17072/2218-1067-2019-3-99-110 (in Russian).
8. Zamyatin K.Yu. Pochemu u nas ne poluchaetsya sokhranyat' yazykovoe mnogoobrazie? (I) sokhraneniye yazykov Rossii, yazykovaya politika i yazykovaya revitalizatsiya // Tam zhe. 2024. T. 18, № 3. S. 137–149. DOI: 10.17072/2218-1067-2024-3-137-149 (in Russian).
9. Zamyatin K.Yu. Pochemu u nas ne poluchaetsya sokhranyat' yazykovoe mnogoobrazie? (II) problemy praktiki yazykovoi politiki i revitalizatsii pri razrabotke Programmy sokhraneniya yazykov // Tam zhe. 2024. T. 18, № 4. S. 6–19. DOI: 10.17072/2218-1067-2024-4-6-19 (in Russian).
10. Cardinal L., Sonntag S. State Traditions and Language Regimes: A Historical Institutionalism Approach to Language Policy // European and regional Studies. 2015. № 8. Pp. 5–21.
11. Borisova N.V. Regionalizm i mnogourovnevaya politika po yazykovomu voprosu v stranakh Evropy / N.V. Borisova, P.V. Panov // Ars Administrandi (Iskusstvo upravleniya). 2022. T. 14, № 1. S. 150–173. DOI: 10.17072/2218-9173-2022-1-150-173 (in Russian).
12. Shouhui Z., Baldauf Jr.R.B. Individual agency in language planning: Chinese script reform as a case study // Language Problems and Language Planning. 2012. № 36 (1). Pp. 1–24.
13. Alesina A., Devleeschauwer A., Earterly W., Kurlat S., Wacziarg R. Fractionalization // Journal of Economic Growth. Alesina A., Devleeschauwer A., Earterly W., Kurlat S., Wacziarg, R. Fractionalization // Journal of Economic Growth. 2003. № 5. S. 155–194.
14. Etnicheskie NKO kak forma obshchestvenno-politicheskoi aktivnosti men'shinstv v sovremennoi Rossii / N.V. Borisova, E.Yu. Minaeva, P.V. Panov, K.A. Sulimov // Vestnik Udmurtskogo universiteta. Sotsiologiya. Politologiya. Mezhdunarodnye otnosheniya. 2021. T. 5, № 3. S. 322–334. DOI: 10.35634/2587-9030-2021-5-3-322-334 (in Russian).
15. Sulimov K.A., Titova S.R. Konsul'tativno-soveshchatel'nye organy po mezhnatsional'nym otnosheniyam v sovremennoi Rossii: predstavlenie bazy dannykh // Vestnik Permskogo universiteta. Politologiya. 2016. № 4. S. 150–167 (in Russian).

Индекс УДК 81.272

Код ГРНТИ 16.21.27

DOI: 10.22204/2587-8956-2025-122-03-33-43

**Б.М. АТАЕВ,
М.О. ИБРАГИМОВА***

Сферы функционирования языков Дагестана в современную эпоху: дистрибуция и тенденции развития**

В статье анализируется языковая ситуация, сложившаяся в Республике Дагестан в XXI в., рассматривается сфера коммуникативной активности в функционировании языков Дагестана как один из важных факторов, влияющих на их витальность в современную эпоху.

С начала 2000-х гг. письменные языки Дагестана постепенно уступают русскому языку сферы функционирования как языки обучения, регионального общения, культуры и др. При этом они остаются предметом изучения в школах (в том числе – для носителей бесписьменных языков и дистантных диалектов), языками фольклора, отчасти – языками общественно-политической жизни и других сфер. Базовой сферой функционирования бесписьменных языков остаётся разговорно-бытовая.

Мониторинг, проведённый в условиях полиэтнического региона, позволяет определить соотношение функций русского и национальных языков, выявить потенциальные зоны уязвимости языков Дагестана и тенденции их развития. Определено, что сужение функций языков Дагестана усугубляет ситуацию с их витальностью и сигнализирует о необходимости проявления повышенного внимания к языкам, находящимся под угрозой постепенного вымирания.

Ключевые слова: языки Дагестана, языковая ситуация, сферы функционирования языков, сохранение языкового многообразия

* **Атаев Борис Махачевич** — доктор филологических наук, главный научный сотрудник Института языка, литературы и искусства Дагестанского федерального исследовательского центра РАН, руководитель проекта «Языковое строительство в Дагестане» (18-012-00089).

E-mail: bm_ataev@mail.ru

Ибрагимова Мариза Оглановна — доктор филологических наук, главный научный сотрудник Института языка, литературы и искусства Дагестанского федерального исследовательского центра РАН.

E-mail: mariza71@mail.ru

** Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 25-28-20170, <https://rscf.ru/project/25-28-20170/>.

Отсутствие специальных социолингвистических исследований по сферам и масштабам функционирования языков Дагестана, научному прогнозированию языковых процессов в республике обусловило актуальность темы исследования. Кроме того, современные социолингвистические исследования, проводимые в условиях дагестанской полилингвальной среды, важны и для выработки оптимального комплекса научно-практических рекомендаций в области планирования языковой политики в Российской Федерации.

Целями настоящего исследования являются анализ сфер функционирования языков Дагестана, выявление тенденций их развития на основе мониторинга современной дистрибуции функций; определение соотношения функций русского и национальных языков.

При написании статьи были использованы статистические данные, полученные Б.М. Атаевым, А.Н. Биткеевой и С.В. Кириленко в ходе полевого исследования в Республике Дагестан в 2021 г., а также результаты социологического анкетирования, данные интервью с лингвистами и языковыми активистами, проведённых авторами статьи весной 2025 года в рамках выполнения проекта РНФ.

Изучению ситуации в современном дагестанском обществе посвящён ряд исследований, аспекты которых весьма разнообразны (ил. 1). Здесь следует выделить труды Н.Р. Добрушиной, в которых разрабатывается методика исследования языковых контактов, использующая обращение к семейной памяти носителей языка, и закладываются основы для типологии контактных ситуаций в Дагестане [1], а также анализируются особенности многоязычия и возникновение лингва франка в Республике Дагестан [2].

А.Н. Биткеева в своих статьях анализирует современную языковую ситуацию в Дагестане, представляет собственную методологию и методику изучения социокультурных и языковых процессов, в том

числе — и в контексте урбанизационных процессов в нескольких регионах Российской Федерации, включая Республику Дагестан, а также предлагает методы социолингвистического прогнозирования на примере нашей многоязычной страны [3–5].

В статье Р.О. Муталова анализируются процессы развития языковой ситуации в Дагестане, предлагаются методы, способные повлиять на решение проблемы сохранения так называемых малых языков [6, с. 1]. Особенности языковой ситуации в Республике Дагестан и некоторые перспективы её развития рассматриваются в статье С.В. Кириленко [7].

Мониторинг языковой ситуации городского населения в условиях многоязычной среды представлен на уровне прогнозирования модели языковой комфортности в коллективных статьях А.Н. Биткеевой, И.С. Хохоловой, В.В. Филипповой [8], Б.М. Атаева, М.О. Ибрагимовой [9].

В работах последних лет Б.М. Атаева и М.О. Ибрагимовой осуществлён анализ языковой ситуации, сложившейся в Дагестане, за пределами республики и Российской Федерации, в тех странах, где компактно проживают носители дагестанской группы языков; определены перспективы развития дагестанских языков [10]; а также проведён мониторинг тенденций развития уникального языкового сообщества на примере отдельного взятого ареала [11]. Социолингвистическая ситуация в исконном ареале распространения андийских языков проанализирована в статье М.А. Магомедова и М.М. Магомедовой [12], в статье З.М. Алиевой рассмотрена языковая ситуация, сложившаяся в Цумадинском районе Дагестана [13].

Некоторые зарубежные авторы, обеспокоенные утратой языков малочисленных народов, также обращались к этой проблеме [14]. Анализ языковой ситуации, сложившейся в современном Дагестане, посвящены работы М. Даниэля и др. [15], Д. Форкер и В. Фридмана [16].

Обзор приведённых выше источников позволяет сделать вывод о практической

Ил. 1. Обложка книги Б.М. Атаева

значимости «дагестанского» материала для типологического моделирования этноязыковой жизни народов РФ и прогнозирования её развития в силу языкового и этнического разнообразия Республики Дагестан.

Обсуждение результатов

Многоязычный Дагестан характеризуется функционированием 14 литературных и 14 бесписьменных языков. Здесь надо отметить, что внутри локальных групп в соответствии с функционированием каждого языка в том или ином ареале расселения его носителей языковая ситуация может значительно отличаться. Различия в характеристиках языковой ситуации в населённых пунктах с компактным и смешанным проживанием этносов не позволяют однозначно определить сферы функционирования некоторых дагестанских языков.

Как правило, «язык жителей горных селений менее подвержен влиянию извне, что связано в первую очередь с труднодоступностью, географической изоляцией, а также с традиционной эндогамией. Для

горного населения (ил. 2–5) характерно многоязычие. Язык в городской среде, напротив, менее консервативен, в том числе в связи с большим количеством межэтнических браков. Для городского населения характерен билингвизм: жители городов владеют родным и русским языками. Всё чаще для молодёжи русский язык становится единственным» [17, с. 20].

В общем виде софункционирование дагестанских и русского языков в основных коммуникативных сферах можно распределить по следующим ниже параметрам.

Средство общения основной массы этнической группы. Языки как письменных, так и бесписьменных народов Дагестана имеют высокий уровень использования в повседневном общении.

В семейно-бытовом общении в Дагестане преимущественно говорят на национальных языках. Как свидетельствуют результаты опросов, на которые указывает А.Н. Биткеева, при общении с друзьями эта цифра в группах коммуникантов уменьшается примерно втрое: с 60 до 20%. Это обусловлено, по мнению исследователя, не снижением лояльности к родному языку

Ил. 2. Горянка в национальном наряде

при дружеском общении, а многонациональным составом республики в целом и языкового сообщества друзей в частности [4, с. 45].

Язык общения с представителями других народностей, проживающих на территории региона. В Республике Дагестан основным языком межнационального общения является государственный язык РФ — русский язык. Кроме того, аварский и даргинский языки также выполняют роль региональных языков общения с представителями других этносов.

Исторически сложившийся уклад жизни носителей некоторых бесписьменных языков обусловил использование ими для общения языков, которые на сегодняшний день кажутся «неожиданными». Так, среди андо-цезких народов, языками межнационального общения у которых служат аварский и русский языки, можно выделить владение чеченским языком значительной

части андийцев; использование годоберинцами ботлихского и чамалинского языков, а жителями селения Зибирхали — чеченского языка; использование хваршинцами двух андийских языков — тиндинского и чамалинского — и использование их при региональном общении; использование в прошлом гинухцами при общении языков соседей — цезов и бежтинцев; общение гунзибцев с ближайшими соседями на их родном бежтинском языке; знание в прошлом цезскими народностями грузинского языка, традиционно использовавшегося при общении с жителями соседней республики, до некоторой степени сохраняющееся у представителей старшего поколения и в современный период.

Исследователи отмечают уникальность ситуации в Цумадинском районе, где соседствуют носители аварско-андийских языков, а аварский язык выполняет функцию языка межэтнического общения [13, с. 45].

Арчинцы — носители одноаульного языка лезгинской группы, языками межнационального общения у которых являются аварский и русский, в прошлом знали и активно использовали при общении с соседями лакский язык.

Кайтагский идиом, входящий в даргинскую группу дагестанских языков, интересен в силу локализации носителей на стыке кумыкского, теркеме-азербайджанского, табасаранского, горско-еврейского языков и муиринского диалекта даргинского языка. Такая лингвогеографическая среда не могла не оказать влияние на сферы его функционирования. Официальными языками массовой коммуникации являются русский и даргинский языки, но кайтагцы, не изучавшие литературный даргинский язык в школе, почти не понимают его. Аналогичная ситуация прослеживается с кубачинским идиомом, относящимся к даргинской группе, но значительно отличающимся от литературного даргинского языка и других диалектов.

Следует отметить также важность азербайджанского языка для цахурцев и рутульцев в прошлом, но «Данные историко-

графических источников и анализ современной лингвистической ситуации позволяют заключить, что в районе за последние полвека произошла смена языка межнационального общения: азербайджанский язык полностью вытеснен русским» [11, с. 110].

Языками радио- и телевидения в республике являются все конституционные языки народов Дагестана. Так, Государственная телевизионная и радиовещательная компания «Дагестан» является единственной на территории РФ телерадиокомпанией, вещающей на 14 языках, а Республиканская государственная вещательная компания «Дагестан» выпускает в эфир программы на семи языках народов Дагестана: аварском, даргинском, кумыкском, лакском, лезгинском, табасаранском и цахурском.

Язык обучения в школах. В школах с моноэтническим составом учащихся процесс обучения и система воспитательных мероприятий в начальных классах до недавнего времени осуществлялись на шести литературных языках Дагестана, а русский язык преподавался как учебный предмет. С 1991 г. введено изучение новописьменных агульского, рутульского и цахурского языков в населённых пунктах с компактным проживанием их носителей, но за треть века изданы только учебники по языкам и чтению для начальной школы. До середины XX в. в рутульских и цахурских школах обучали на азербайджанском языке, позже языком обучения стал русский.

У андо-цезских народностей, не имеющих письменности, с 1930-х гг. обучение в начальной школе осуществлялось на аварском языке. С середины 1950-х гг. языком обучения у некоторых народностей (тиндинцев, ботлихцев, годоберинцев, багвалинцев, каратинцев) стал русский язык. Парадоксальна история с языком обуче-

Ил. 3. Село в горах

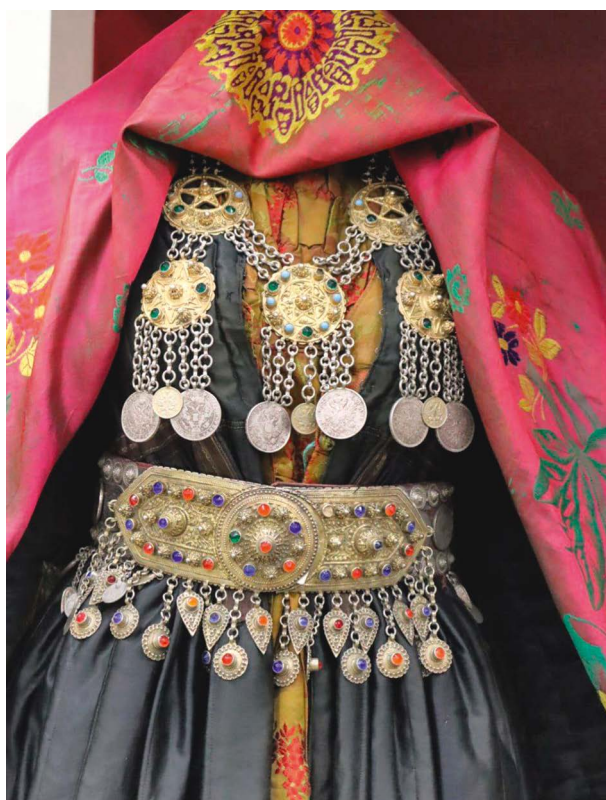

Ил. 4. Национальная одежда горняков Дагестана

ния у арчинцев — носителей одного из языков лезгинской группы: с 1930-х гг. обучение в арчинской начальной школе велось на лакском языке, с 1940-х гг. — на аварском языке. В последнее десятилетие языком обучения стал русский язык, а аварский преподаётся как учебная дисциплина.

Языком обучения в вузах республики является русский язык, а в Дагестанском государственном университете и Дагестанском государственном педагогическом университете, кроме базового русского языка, эту функцию выполняют и письменные языки Дагестана.

В *средних специальных учебных заведениях* педагогического профиля ведётся углублённое изучение некоторых литературных языков Дагестана, например, авар-

Ил. 5. Украшения горянок Дагестана

ского — в Буйнакском, кумыкского — в Хасавюртовском, лезгинского — в Дербентском профессионально-педагогических колледжах.

Языком государственных учреждений, языком делопроизводства и официальной переписки с центральными учреждениями и другими регионами, языком науки и техники в республике является русский язык. В научном плане языки Дагестана выступают как объект изучения.

Языком судопроизводства является русский язык, но по Конституции РФ и Конституции РД каждый участник судебного процесса имеет право использовать родной язык, и ему обязаны предоставить переводчика.

Языками периодической печати являются письменные языки Дагестана (ил. 6) и русский язык. Спорадически выпускаются общественно-политические газеты

и на некоторых бесписьменных языках: «Ашвадо» («Ахвахцы»), публикующая материалы на русском, ахвахском и аварском языках; «Андийцы», публикующая материалы на андийском и русском языках.

Язык художественной литературы. Произведения художественной литературы издаются на всех письменных языках Дагестана. Так, согласно «Статистическим показателям по выпуску печатных изданий», в 2022 г. на аварском языке в РФ было издано девять наименований книжной продукции, на азербайджанском языке — два наименования, на даргинском — семь, на кумыкском — три, на лакском — одно, на лезгинском — два, на ногайском — восемь¹.

Языком научно-общественной жизни преимущественно является русский язык, но ряд письменных языков Дагестана также фрагментарно используется в этой сфере. В качестве примеров можно привести «Гражданский форум кумыкской общности», осуществляющий деятельность на кумыкском языке, и общественную организацию «Ассоциация учителей аварского языка», которая проводит все мероприятия на аварском языке.

В сфере *общественно-политической жизни* превалирует русский язык; языки народов Дагестана функционируют в этой сфере только в местах компактного проживания носителей.

Функцию языка искусства и культурно-просветительских учреждений выполняет русский язык (ил. 7) и отчасти — письменные языки Дагестана. На литературных языках Дагестана ставятся театральные пьесы, функционируют фольклорные коллективы; в библиотеках, клубах, домах культуры (в том числе и в интернет-пространстве) проводятся мероприятия, читаются лекции, издаются научно-популярные статьи по культурологии. В республике работают 12 театров, девять из которых — на национальных

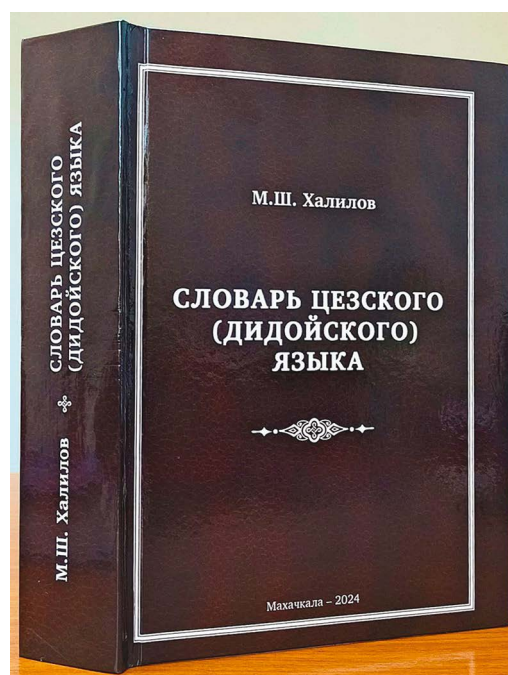
¹ Статистические показатели по выпуску печатных изданий. Сайт РГБ. Российская книжная палата и Российская государственная библиотека. URL: https://www.rsl.ru/photo/!_ORS/7-RKP/3statistics/2022/knigi/god/3.pdf (дата обращения: 16.09.2025).

языках: аварском, азербайджанском, даргинском, кумыкском, лакском, лезгинском, ногойском, табасаранском и татском. Также имеется большое число фольклорных хоровых, танцевальных, эстрадных коллективов, использующих языки Дагестана.

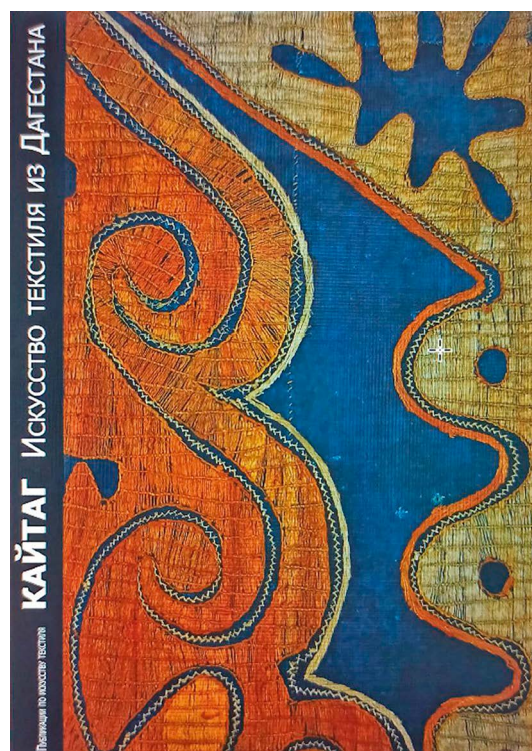
Функция *языка фольклора*, на первый взгляд, предсказуема, так как фольклор — душа народа, следовательно, его жанры должны функционировать на родном для этноса языке. Но анализ этого параметра функционирования языков Дагестана выявил некоторые парадоксы. Так, обрядовая лирика носителей новописьменных языков — агульцев, рутульцев, цахурцев — функционирует либо на лезгинском, либо на азербайджанском языках, на родных языках составлено не более трети единиц обрядовой лирики [18]. При этом детям рассказывают сказки и поют колыбельные песни на родных языках. Небольшая часть паремиологических единиц функционирует на двух языках одновременно или как кальки (агульский — лезгинский, рутульский — азербайджанский, цахурский — азербайджанский), в последние десятилетия в речи народов южного Дагестана активно используются русские пословицы и поговорки.

В районах, где проживают андо-цезские народности, носители 13 бесписьменных языков поют песни (кроме колыбельных) на аварском языке. В подтверждение этого положения можно привести слова известного дагестанского фольклориста А.А. Ахлакова: «у малых этнографических групп или, как их называют условно, у народностей бесписьменных языков (андийцев, дидойцев...) не развивалось сколько-нибудь заметное собственное эпическое творчество ни на одном из этих языков. Для удовлетворения своих художественно-эстетических запросов эти этнические группы пользовались произведениями более крупных народностей, с которыми имели тенденцию к сближению или консолидации» [13, с. 16].

Более парадоксальными являются случаи воздействия аварского фольклора

Ил. 6. Словарь цезского (дидойского) языка

Ил. 7. Искусство текстиля из Дагестана

на даргинские песни. Так, по свидетельству исследовавшего в конце XIX в. эпические и лирические песни цудахарцев (даргинцев — А.Б., И.М.) общественного деятеля и просветителя Б.К. Далгат, «Цудахарцы

Ил. 8. Распределение ответов на вопрос «Как, по Вашему мнению, изменилась ситуация с использованием русского языка в Республике Дагестан после 2000 г.?»

Ил. 9. Распределение ответов на вопрос «Как, по Вашему мнению, изменилась ситуация с использованием национальных языков в Республике Дагестан в период после 2000 г.?»

ствуют данные социологического анкетирования, которые получены в ходе полевого исследования, проведенного в Республике Дагестан в мае 2021 г. Б.М. Атаевым, А.Н. Биткеевой и С.В. Кириленко, а также данные устных интервью с лингвистами и языковыми активистами, занимающимися этой проблематикой. Так, 80% опрошенных полагают, что сфера использования русского языка в республике расширилась значительно или несколько расширилась, затруднились ответить около 10% респондентов, и только единицы полагали, что сферы использования русского языка не изменились или сократились (ил. 8).

Характеризуя перемены с использованием национальных языков в Республике Дагестан в период после 2000-х гг., большая часть респондентов (около 60%) отметила тенденции к сокращению их использования, 27,5% полагают, что сферы использования языков в большей или меньшей степени расширились, остальные не заметили перемен или затруднялись ответить на этот вопрос (ил. 9).

поют все песни на аварском языке, на том будто бы основании, что на аварском языке легче петь и можно короче выражаться...» [20, с. 13].

В качестве языков общения в сфере обслуживания, на транспорте, в учреждениях связи и т.д. функционируют русский и все другие языки народов Дагестана; выбор языка в данном случае обусловлен тем, на каком языке говорит большая часть местного населения.

Прослеживая тенденции в изменении сфер функционирования языков Дагестана, можно отметить планомерное сужение функций всех языков, кроме русского, сферы использования которого поступательно расширяются. Об этом свидетель-

Заключение

Многокомпонентность и разностатусность компонентов языковой ситуации в Республике Дагестан позволяют квалифицировать её как уникальную, характеризующуюся: а) функционированием русского языка в подавляющем большинстве социальных сфер; б) функционированием других письменных языков во многих коммуникативных сферах; в) софункционированием письменных дагестанских языков в нерегламентируемых сферах с большим количеством бесписьменных языков региона; г) функционированием бесписьменных языков как разговорно-бытовых; д) функционированием некоторых бесписьменных языков как языков

коммуникации между соседствующими народами.

Русский язык поступательно расширяет сферы функционирования и в настоящее время является единственным языком обучения в школах. Письменные языки Дагестана постепенно уступают русскому языку сферы влияния в качестве языков обучения, регионального общения, культуры и др. При этом они остаются предметом изучения в школах, языками фольклора, отчасти — языками общественно-политической и других сфер жизни. Базовую сферу функционирования бесписьменных языков — разговорно-бытовую — в условиях глобализации начинает теснить русский язык как

язык мероприятий, проводимых в детских садах, и язык обучения в школе.

Сужение функций языков усугубляет ситуацию с их витальностью и сигнализирует о необходимости проявления повышенного внимания к языкам, находящимся под угрозой постепенного вымирания.

Полагаем, что предпринятый в статье дистрибутивный анализ сфер функционирования 28 языков Дагестана важен не только для выработки оптимального комплекса решений социолингвистических проблем отдельно взятой республики, но и для типологического моделирования параметров этноязыковой жизни в стране в целом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Добрушина Н.Р. Многоязычие в Дагестане конца XIX – начала XXI века: попытка количественной оценки // Вопросы языкознания. 2011. № 4. С. 61–80.
2. Dobrushina N., Kultepina O. The rise of a lingua franca: The case of Russian in Dagestan // International Journal of Bilingualism. 2021. № 25 (1). Pp. 338–358.
3. Биткеева А.Н. Республика Дагестан: современная языковая ситуация и витальность языков. Интервью с экспертами Б.М. Атаевым, М.А. Магомедовым // Социолингвистика. 2021. № 3 (7). С. 121–130.
4. Биткеева А.Н. Модель социолингвистического прогнозирования и актуальные тенденции языковой политики в регионах России // Новые исследования Тувы. 2022. № 4. С. 38–52.
5. Биткеева А.Н. О концепции, методологии и методах социолингвистического прогнозирования (на примере многоязычной Российской Федерации) // Социолингвистика. 2023. № 4 (16). С. 9–34.
6. Муталов Р.О. Социолингвистическая ситуация в современном Дагестане // Мир науки. Социология, филология, культурология. 2021. Т. 12, № 4. С. 1–7.
7. Кириленко С.В. Особенности языковой ситуации в Республике Дагестан и некоторые перспективы её развития // Мир науки, культуры, образования. 2021. № 6 (91). С. 484–486.
8. Биткеева А.Н., Хохолова И.С., Филиппова В.В. Модель языковой комфортности в городском пространстве: новые аспекты и методы исследования // Новые исследования Тувы. 2023. № 3. С. 151–170.
9. Атаев Б.М., Ибрагимова М.О. Мониторинг языковой ситуации в полилингвальной городской среде // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2025. № 2. С. 33–40.
10. Атаев Б.М., Ибрагимова М.О. Перспективы развития дагестанских языков в контексте языковой ситуации на Кавказе // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2021. № 2–2. С. 116–120.
11. Атаев Б.М., Ибрагимова М.О. Специфика языковой ситуации в многоязычном ареале (на примере Рутульского района Республики Дагестан) // Новые исследования Тувы. 2022. № 4. С. 106–113.
12. Магомедов М.А., Магомедова М.М. Социолингвистическая ситуация в исконном ареале распространения андийских языков // Социолингвистика. 2021. № 3 (7). С. 59–68.

13. Алиева З.М. Языковая ситуация в многоязычном ареале (на примере Цумадинского района Республики Дагестан) // Социолингвистика. 2021. № 3 (7). С. 41–50.
14. Ken Hale, Michael Krauss, Lucille J. Watahomigie, Akira Y. Yamamoto, Colette Craig, LaVerne Masayesva Jeanne and Nora C. Endangered Languages. Language // Linguistic Society of America. 1992. Vol. 68, № 1. Pp. 1–42. Available at: <http://www.jstor.org/stable/416368> (access date: 20.04.2025).
15. Daniel Michael, Nina Dobrushina and Sergei Kniazev. Highlander's Russian: Case Study in Bilingualism and Language Interference in Central Daghestan // Instrumentarium of Linguistics: Sociolinguistic Approach to Non-Standard Russian. Slavica Helsingiensia. 2011. № 40. Pp. 65–93.
16. Forker Diana, Victor A. Friedman. Sociolinguistics in the Caucasus // Martin J. Ball, Rajend Mesthrie, Chiara Meluzzi (eds.), The Routledge handbook of sociolinguistics around the world, 2nd edition. 2023. London: Routledge. Pp. 289–299.
17. Казакевич О.А., Будянская Е.М., Евстигнеева А.П., Коряков Ю.Б. и др. Шкалы языковой витальности и их применимость к материалу конкретных языковых ситуаций // Вопросы языкознания. 2022. № 4. С. 7–47.
18. Ибрагимова Ф.М. Устно-поэтическое творчество рутулов, агулов, цахур. Махачкала: Изд-во ИП «Бисултанова П.Ш.», 2018.
19. Ахлаков А.А. Исторические песни народов Дагестана и Северного Кавказа. М.: Наука, 1981.
20. Далгат Б.К. Двенадцать цудахарских песен // Сборник материалов для описания местностей и племён Кавказа. Вып. XIV. Тифлис, 1892. Отд. 2. С. 9–72.

Areas of Functioning of Dagestan Languages in Modern Era: Distribution and Development Trends

Boris Makhachevich Ataev — Doctor of Philology, chief researcher at the Institute of Language, Literature and Art, Dagestan Federal Research Center of RAS, head of the project "Language Construction in Dagestan" (18-012-00089).

E-mail: bm_ataev@mail.ru

Marisa Oglanovna Ibragimova — Doctor of Philology, chief researcher at the Institute of Language, Literature and Art, Dagestan Federal Research Center of RAS.

E-mail: mariza71@mail.ru

The article analyzes the linguistic status in the Republic of Dagestan in the 21st century; examines the communication activity in the functioning of Dagestan languages as one of the important drivers of their vitality in the modern era.

Since the early 2000s, Dagestan's written languages have gradually given way to Russian as languages of instruction, regional communication, culture, etc. However, native languages remain a school (including for speakers of unwritten languages and distant dialects) languages of folklore, and partially the languages of social, political and other areas of life. The basic area of functioning of non-written languages remains colloquial, everyday use.

Monitoring conducted in this multiethnic region allowed to determine the share of functioning of Russian and native languages, identify potential vulnerabilities of Dagestan languages and trends in their development. It was determined that the narrowing functioning of Dagestan languages compromises their vitality and signals the need for increased attention to languages that are under threat of gradual extinction.

Keywords: languages of Dagestan, linguistic status, areas of functioning of languages, preservation of linguistic diversity

REFERENCES

1. Dobrushina N.R. Mnogoyazychie v Dagestane kontsa XIX – nachala XXI veka: popytka kolichestvennoi otsenki // Voprosy yazykoznaniya. 2011. № 4. S. 61–80 (in Russian).
2. Dobrushina N., Kultepina O. The rise of a lingua franca: The case of Russian in Dagestan // International Journal of Bilingualism. 2021. № 25 (1). Pp. 338–358.
3. Bitkeeva A.N. Respublika Dagestan: sovremennaya yazykovaya situatsiya i vital'nost' yazykov. Interv'yu s ekspertami B.M. Ataevym, M.A. Magomedovym // Sotsiolingvistika. 2021. № 3 (7). S. 121–130 (in Russian).
4. Bitkeeva A.N. Model' sotsiolingvisticheskogo prognozirovaniya i aktual'nye tendentsii yazykovoi politiki v regionakh Rossii // Novye issledovaniya Tuvy. 2022. № 4. S. 38–52 (in Russian).
5. Bitkeeva A.N. O kontseptsii, metodologii i metodakh sotsiolingvisticheskogo prognozirovaniya (na primere mnogoyazychnoi Rossiiskoi Federatsii) // Sotsiolingvistika. 2023. № 4 (16). S. 9–34 (in Russian).
6. Mutalov R.O. Sotsiolingvisticheskaya situatsiya v sovremennom Dagestane // Mir nauki. Sotsiologiya, filologiya, kul'turologiya. 2021. T. 12, № 4. S. 1–7 (in Russian).
7. Kirilenko S.V. Osobennosti yazykovoi situatsii v Respublike Dagestan i nekotorye perspektivy eyo razvitiya // Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya. 2021. № 6 (91). S. 484–486 (in Russian).
8. Bitkeeva A.N., Khokholova I.S., Filippova V.V. Model' yazykovoi komfortnosti v gorodskom prostranstve: novye aspekty i metody issledovaniya // Novye issledovaniya Tuvy. 2023. № 3. S. 151–170 (in Russian).
9. Ataev B.M., Ibragimova M.O. Monitoring yazykovoi situatsii v polilingval'noi gorodskoi srede // Filologicheskie nauki. Nauchnye doklady vysshei shkoly. 2025. № 2. S. 33–40 (in Russian).
10. Ataev B.M., Ibragimova M.O. Perspektivy razvitiya dagestanskikh yazykov v kontekste yazykovoi situatsii na Kavkaze // Sovremennaya nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Seriya: Gumanitarnye nauki. 2021. № 2–2. S. 116–120 (in Russian).
11. Ataev B.M., Ibragimova M.O. Spetsifika yazykovoi situatsii v mnogoyazychnom areale (na primere Rutul'skogo raiona Respubliki Dagestan) // Novye issledovaniya Tuvy. 2022. № 4. S. 106–113 (in Russian).
12. Magomedov M.A., Magomedova M.M. Sotsiolingvisticheskaya situatsiya v iskonnom areale rasprostraneniya andiiskikh yazykov // Sotsiolingvistika. 2021. № 3 (7). S. 59–68 (in Russian).
13. Alieva Z.M. Yazykovaya situatsiya v mnogoyazychnom areale (na primere Tsumadinskogo raiona Respubliki Dagestan) // Sotsiolingvistika. 2021. № 3 (7). S. 41–50 (in Russian).
14. Ken Hale, Michael Krauss, Lucille J. Watahomigie, Akira Y. Yamamoto, Colette Craig, LaVerne Masayeva Jeanne and Nora C. Endangered Languages. Language // Linguistic Society of America. 1992. Vol. 68, № 1. Pp. 1–42. Available at: <http://www.jstor.org/stable/416368> (access date: 20.04.2025).
15. Daniel Michael, Nina Dobrushina and Sergei Kniazev. Highlander's Russian: Case Study in Bilingualism and Language Interference in Central Daghestan // Instrumentarium of Linguistics: Sociolinguistic Approach to Non-Standard Russian. Slavica Helsingiensia. 2011. № 40. Pp. 65–93.
16. Forker Diana, Victor A. Friedman. Sociolinguistics in the Caucasus // Martin J. Ball, Rajend Mesthrie, Chiara Meluzzi (eds.), The Routledge handbook of sociolinguistics around the world, 2nd edition. 2023. London: Routledge. Pp. 289–299.
17. Kazakevich O.A., Budyanskaya E.M., Evstigneeva A.P., Koryakov Yu.B. i dr. Shkaly yazykovoi vital'nosti i ikh primenimost' k materialu konkretnykh yazykovykh situatsii // Voprosy yazykoznaniya. 2022. № 4. S. 7–47 (in Russian).
18. Ibragimova F.M. Ustno-poeticheskoe tvorchestvo rutulov, agulov, tsakhur. Makhachkala: Izdvo IP «Bisultanova P.Sh.», 2018 (in Russian).
19. Akhlakov A.A. Istoricheskie pesni narodov Dagestana i Severnogo Kavkaza. M.: Nauka, 1981 (in Russian).
20. Dalgat B.K. Dvenadtsat' tsudakharskikh pesen // Sbornik materialov dlya opisaniya mestnostei i plemen Kavkaza. Vyp. XIV. Tiflis, 1892. Otd. 2. S. 9–72 (in Russian).

Индекс УДК 81'272:314(571.1/5)

Код ГРНТИ 16.21.27

DOI: 10.22204/2587-8956-2025-122-03-44-53

**Т.Г. БОРГОЯКОВА,
А.В. ГУСЕЙНОВА***

Этноязыковая политика и социолингвистическая вариативность языкового сдвига (на примере Республики Хакасия)

Бинаправленность этноязыковой политики Республики Хакасия состоит в обеспечении полноценной коммуникации на русском как общегосударственном языке Российской Федерации и частичном удовлетворении потребности этноязыковой идентичности для титульного хакасского этноса. Этноязыковая идентичность хакасов остаётся стабильно высокой, проявляясь в заметной доле признающих его родным и в относительной активности использования в интернет-пространстве. Институциональная поддержка способствовала повышению престижности и символической значимости хакасского языка. Языковой сдвиг, представленный в хронологии его статистической экспликации, выдвигает на повестку дня неотложные задачи, связанные с необходимостью концептуальной и практической корректировки усилий по его остановке с учётом вариативности носителей и недостаточности присутствия в социальном пространстве региона. Выявлена очевидная необходимость привлечения к обсуждению перспектив витальности хакасского языка более широкого круга субъектов языковой политики и корректировки государственной программы сохранения и развития хакасского языка на период с 2022 до 2029 г.

Ключевые слова: этноязыковая политика, языковой сдвиг, хакасский язык, социолингвистическая вариативность, языковой пуризм

Концептуальные основы этноязыковой политики определяются соотношением языковых и национальных отношений как категорий части и целого — языковые отношения выражают природу целого в силу того,

что язык является одной из главных характеристик национальной общности [8].

Введение

В дефиниции языковой политики полностью или частично включаются такие

* **Боргоякова Тамара Герасимовна** — доктор филологических наук, профессор, директор Института гуманитарных исследований и саяно-алтайской тюркологии Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова, руководитель проекта «Динамика и перспективы языкового взаимодействия в республиках Южной Сибири» (20-012-00426).

E-mail: tamarabee@mail.ru

Гусейнова Аурика Вагифовна — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института гуманитарных исследований и саяно-алтайской тюркологии Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова, исполнитель того же проекта.

E-mail: aurika_guseynova@mail.ru

компоненты, как: а) преднамеренность усилий по влиянию на функции и использование языков; б) субъектность языковой политики в лице государственных организаций, общественных объединений и иных акторов; в) обусловленность социально-политической и культурной динамикой; г) национальное (общегосударственное) единство, языковое разнообразие и (или) защита языков меньшинств (см. [8, 9] и др.).

Последнее соотносится с понятием лингвистической справедливости в контексте этических и политических дилемм, актуализированных угрозами витальности миноритарных языков. Ядро дискуссий о (не)справедливости этноязыковой политики составляет дихотомия отрицания/признания ценностей идентичности [12]. Представители первого (non-identity) подхода считают, что языковая справедливость заключается в возможности коммуникации на одном языке, достаточной для достижения ценностных задач, которые язык ставит перед людьми. Такой логики придерживаются и теоретики лингвистической справедливости, защищающие первостепенную значимость английского языка (особенно его родных вариантов (English as a native language) как глобального инструмента коммуникации [15].

Однако установление одного национального (общегосударственного) языка обычно происходило одновременно с карательными мерами по отношению к другим языкам, которые рассматривались как угроза единству государства, что приводило к угрозам витальности миноритарных языков, сохраняющих ценности идентичности и лояльности для их носителей [14].

Вопросы смягчения или устранения лингвистически обусловленного социального неравенства сохраняют актуальность в исследованиях по теории и практике этноязыковой политики. Учёные утверждают, что язык, помимо своей несомненной прагматической ценности,

имеет ценность для поддержки и продвижения идентичности. К двум основным ценностям идентичности, вытекающим из языка, относятся автономия и достоинство. Первая включает понимание того, что каждый язык содержит уникальный опыт когнитивного и эмоционального освоения мира [11, с. 10]. Вторая связана с пониманием возможности общаться на родном языке как признанием достоинства и статуса говорящих в качестве равноправных членов общества [13, с. 6]. Свобода самовыражения ограничивается и обеспечивается используемым языком, в котором оформлены и обусловлены большинство выразительных (экспрессивных) действий. Они не только эксплицитный инструмент коммуникации, но и способ выразить себя по-своему, своим собственным голосом, как равный. Если это невозможно (т.е. не поощряется, запрещается и т.д.), то это не просто ограничение, а также индикатор того, что есть способы самовыражения, которые не заслуживают равного статуса (достоинства) по отношению к другим [12].

Например, если рассмотреть ситуацию в России, то коммуникация на доминантном русском языке обеспечивает всем её народам эффективность и равные возможности для общения в масштабах всего государства, но она не может выразить их автономию и достоинство как представителей своего этноса.

Следует отметить, что формирование «безопасной и уверенной идентичности» входит в число ожидаемых результатов глобального плана Декады языков коренных народов¹. К намеченным результатам также относится увеличение количества носителей через расширение сфер использования их языков [там же]. План мероприятий по проведению в РФ Международного десятилетия языков коренных народов, утверждённый распоряжением Правительства РФ в 2022 г., содержит рекомендацию по разработке и утверждению соответствующих

¹ Global action plan of the International decade of Indigenous languages (2022–2032) // <https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000383844>.

региональных планов [9]. Данный документ, как и существующий блок законодательных и нормативно-правовых документов как федерального, так и регионального уровней, несомненно, позволяет отнести этноязыковую политику РФ к разряду позитивной. Её базовые положения содержат бинаправленность усилий по обеспечению справедливой языковой политики через поддержку многоязычия её народов в условиях существующего доминирования русского языка как государственного языка федерального уровня. Результаты реализации задач этноязыковой политики в республиках имеют общие черты и специфику, которые включают как позитивные стороны, так и проблемные вопросы. Последнее связано, прежде всего, с продолжающимися процессами языкового сдвига, в разной степени характерными для всех языков народов России, кроме русского языка.

Цель нашей работы — изучение особенностей этноязыковой политики и необходимости корректировки стратегий укрепления витальности хакасского языка в условиях продолжающегося языкового сдвига. Поставленная цель определила задачи исследования:

- рассмотреть динамику языковой лояльности и языкового поведения хакасов с опорой на данные переписей и социолингвистических опросов с привлечением параллелей с соседними республиками;
- выявить социолингвистическую вариативность языкового сдвига, представленную разными категориями носителей хакасского языка с точки зрения уровней их языковых компетенций;
- рассмотреть динамику и содержание отношения к новым носителям языка в плане пуристических и компромиссных подходов;
- определить приоритетные направления работы в сфере лингвистической экологии языкового сдвига.

Актуальность исследования связана с контрастно противоречивым характером развития этноязыковой ситуации в Республике Хакасия (далее — РХ). Контраст заклю-

чается в продолжающемся сокращении количества говорящих на хакасском языке как первом (Я1) и родном языке титульного этноса республики при заметном усилении позитивного внимания к нему со стороны власти и других субъектов языковой политики. Для определения стратегий и механизмов остановки языкового сдвига необходимы уточнение целей языковой ревитализации и поиск более адекватных стратегий и механизмов с учётом динамики социального контекста и вариативности языковых компетенций разных категорий носителей хакасского языка.

Динамика языковой лояльности и языкового поведения хакасов

Для анализа особенностей реализации этноязыковой политики в РХ в контексте языкового сдвига необходимо обратиться к данным последней Всероссийской переписи населения (ВПН) 2020 г., рассмотрев их на фоне результатов предыдущих переписей населения и социолингвистических опросов с привлечением данных по республикам Южной Сибири (далее — РЮС).

Как видно из приведённой таблицы, среди почти 99% хакасов, указавших родной язык, почти 75% отнесли к нему свой этнический язык. Это достаточно высокий показатель этнолингвистической самоидентификации, немного превышающий показатель 1994 г. (73,3%), который, несомненно, следует учитывать при оценке перспектив витальности хакасского языка, принимая во внимание и то, что он ниже средних показателей по РЮС на 11%.

Доля указавших владение хакасским языком как родным продолжает сокращаться, составив лишь немногим более 44%, что на 14% ниже данных переписи 2010 г. (58%) и на 23% меньше средних показателей по РЮС. В связи с вопросом переписей населения о владении языком интерес представляет определение этого понятия, предложенное в Концепции государственной языковой политики РФ, утверждённой в июне 2024 г.: «носитель языка — человек, владеющий данным язы-

Таблица

Этноязыковая характеристика хакасов по данным ВПН 2020¹

Из числа опрошенных	Хакасы (%)	В среднем по РЮС (%)
Указали национальную принадлежность	100% (61,365 чел.)	100
Указали родной язык	98,68	98
Указали родным язык своего этноса	74,60	86
Указали родным русский язык	23,94	12
Указали владение языками	99,48	98
Владеют языком своего этноса	44,33	67
Владеют русским языком	98,44	95

ком, т.е. обладающий способностью говорить на данном языке и (или) понимать смысл сказанного на нём»². Предложенная трактовка включает как активный вид речевой деятельности (говорение), так и его пассивный вид (понимание) с допущением наличия только второго. В этом есть несомненный смысл: многие полагают, что владение языком означает обязательное владение навыком говорения, поэтому при наличии только навыка понимания относят себя к категории невладеющих языком. Однако практический опыт лиц, заговоривших на языке своего этноса не естественным образом дома в семье, а позднее, показывает, что наличие навыка пассивного понимания смысла сказанного содержит существенный и надёжный потенциал для более быстрого овладения и навыком говорения по сравнению с классическими монолингвами. Поэтому можно сказать, что данные о доле владеющих языком своего этноса из числа опрошенных в ходе переписи хакасов не являются точными, хотя отражают реальное положение дел с точки зрения безусловного прогрессирования языкового сдвига, под которым понимается процесс перехода на другой язык с утратой родного языка или с его переходом в пассивную часть билингвизма (см. об этом [3, с. 24]).

Кроме того, исследование особенностей языковой ситуации в республиках Южной Сибири в рамках научного проекта «Динамика и перспективы взаимодействия языков в республиках Южной Сибири» (проект РФФИ) позволило установить, что свободное владение родным языком (хотя бы на уровне понимания) декларирует меньшее число респондентов, чем тех, кто использует его для общения в семье. Возьмём, к примеру, наименее компетентную в родном языке группу населения – городскую молодёжь (17–30 лет). Среди молодых абаканцев только 39,6% указали, что свободно понимают по-хакасски, и только 20,7% – что свободно говорят. При этом общаются с родителями на родном языке 11,3%, на родном и русском – 32% (в совокупности 43,3%). Доля использующих родной язык для общения со старшим поколением ещё выше: 20,7% опрошенных говорят с бабушками и дедушками исключительно на хакасском, 37,7% – на хакасском и русском (в совокупности 58,4%). На наш взгляд, эти расхождения в показателях свидетельствуют о значительном числе пассивных билингвов среди хакасской молодёжи (ил. 1): они не считают, что свободно владеют родным языком, однако достаточно активно используют его для внутрисемейного общения [5, с. 62–63].

¹ Всероссийская перепись населения 2020 года. Режим доступа: <https://web.archive.org/web/20241211003218/https://rosstat.gov.ru/vpn/2020> (дата обращения: 2.06.2025).

² Концепция государственной языковой политики РФ (2024). Режим доступа: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/409100008/?ysclid=m058eokn9r991140512> (дата обращения: 22.04.2025).

Социолингвистическая вариативность языкового сдвига в Республике Хакасия

Для уточнения приоритетов этноязыковой политики в РХ чрезвычайно важной является необходимость изучения и учёта динамики и специфики социолингвистической вариативности языкового сдвига, представленной разнообразием категорий владеющих хакасским языком, включая и новых говорящих, и пассивных билингвов. Возможно, особенно принимая во внимание критичность — ниже 50% — сокращения доли владеющих родным языком, следует понять и признать, что именно с этими социальными акторами в значительной степени связано будущее хакасского языка. Сохранение родного языка даже как второго в вариативной мозаике его носителей — это вынужденный компромисс между необходимостью удовлетворения потребности взаимопонимания на русском языке и хотя бы частичным учётом потребности этнической идентичности [1]. Пока этого не произошло, что связано и с отмеченным Э. Гренобль курсом на приоритизацию описания и документирования языков с фокусом на относительно небольших группах пожилых людей, который привёл к игнорированию более крупных речевых сообществ на ранних этапах языкового сдвига, валоризации «последних» носителей языка, поощрению языкового пуризма и обесцениванию «неполных» носителей, эритажников [6].

Важность выявления и изучения круга носителей хакасского языка в контексте экологии языкового сдвига связана с необходимостью дифференциации задач и методов обучения хакасскому языку с учётом разных групп неполных (частичных) носителей языка и новых носителей языка. Типология *неполных* носителей языка, предложенная Э. Гренобль, применима для дифференциации соответствующих групп носителей хакасского языка. Наиболее заметными в Хакасии являются группы владеющих хакасским языком на уровне второго языка (Я2), эритажники, унаследовавшие

Ил. 1. Хакасская девушка

язык в качестве языка внутрисемейного общения с разной степенью ограниченности языковых компетенций, и новые носители — взрослые, изучающие свой родной язык.

Крайне важно замечание автора о том, что отклонения в речи неполных носителей, отличающиеся от стандартного языка, «следует рассматривать не как “плохой” язык или “ошибки”, а скорее, как варианты в другой языковой системе» [там же]. Данный акцент связан с тем, что в языковых сообществах миноритарных языков новые носители часто сталкиваются с неприятием или отторжением со стороны традиционных носителей языка в связи с неполным владением им. Как отмечается в [2], подобный пуризм старших носителей языка может препятствовать усилиям по ревитализации языка.

Довольно заметная доля языкового пуризма со стороны традиционных носителей хакасского языка выявлена по итогам социолингвистического онлайн-опроса, проведённого в 2024 г. с участием 325 респондентов, в разной степени владеющих хакасским языком. В их отношении к неполным говорящим содержится ироничное пренебрежение, изначально заложенное в семантике выражения *сала хазахтар*

«немного русские», которое применялось по отношению к хакасам, стремившимся к демонстративному использованию русского языка, пренебрегая родным, в период активного хакасско-русского билингвизма в середине прошлого столетия. В настоящее время данное выражение используется реже и всё больше приобретает нейтральную коннотацию, номинируя хакасов с ограниченным уровнем владения родным языком.

В целом большинство респондентов относятся нейтрально или терпимо к языковым ошибкам на хакасском языке, считая, что пусть лучше говорят с ошибками, чем никак. Однако более трети из них отмечают наличие конфликтов по поводу правильности речи, что указывает на имеющееся напряжение между установками на «языковую чистоту» и адаптивными практиками двуязычного общения. В то же время, несмотря на убежденность в необходимости соблюдения нормативных стандартов, общей коммуникативной практикой самих хакасско-русских билингвов является переключение кодов. Так, 32,5% респондентов сообщили, что часто смешивают хакасский и русский языки в речи, а 47,4% — редко, что в итоге составляет 80% [10].

Реализация этноязыковой политики в Республике Хакасия

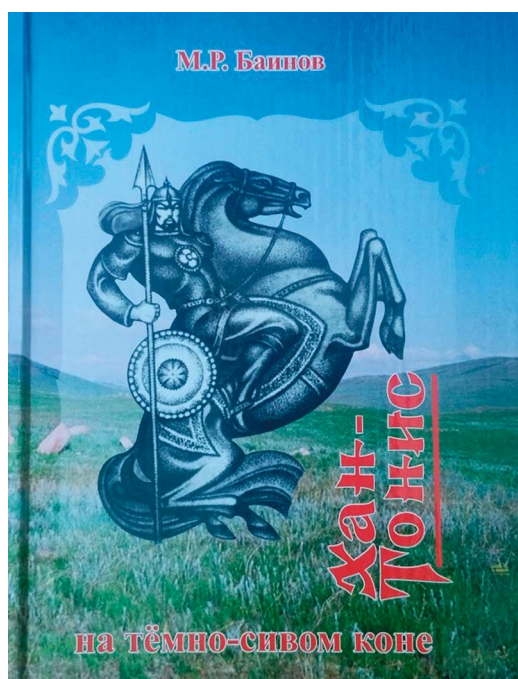
Динамика языкового законодательства РХ, качество его имплементации и выявление причин ослабления коммуникативной мощности хакасского языка являются объектом анализа и обсуждения в академическом, институциональном и массмедийном дискурсе, а также на многих дискуссионных площадках в РХ (ил. 2, 3).

Тем не менее, среди выводов, сделанных по итогам социолингвистических опросов жителей Республики Хакасия в начале 2020 г., неожиданным оказался тот факт, что спустя почти три десятилетия со времени введения государственного статуса двух языков — русского и хакасского — лишь 68% из тысячи респондентов РХ знают об этом, около трети (28,7%) убеждены, что только русский язык обладает таким статусом,

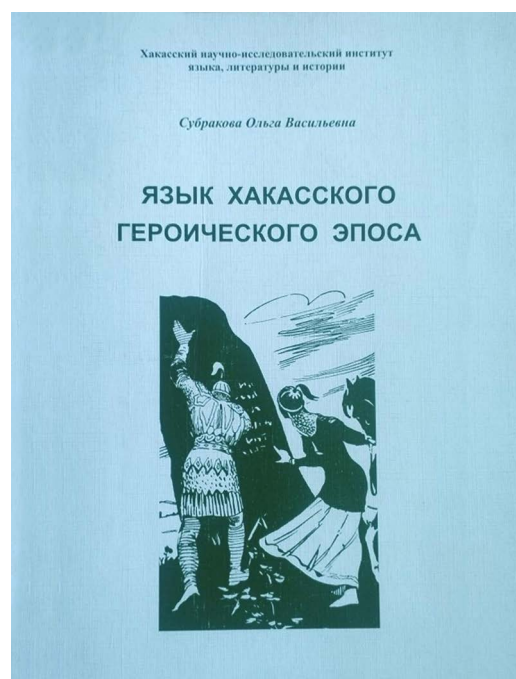
и 1,4% — что это хакасский. Заметной оказалась разница в ответах в разрезе этноязыковой идентичности: осведомленность хакасских респондентов о государственном статусе двух языков на 30% выше, чем у русских жителей, участвовавших в опросе (88% и 58% соответственно). Это, очевидно, связано с безусловным доминированием русского языка в регламентируемых социальных сферах, с одной стороны, и с сохранением негативных стереотипов по отношению к региональному миноритарному языку — с другой. Кроме того, только 63% хакасских респондентов считают, что в республике созданы условия для изучения второго государственного языка, при этом доля русских респондентов, разделяющих такое мнение, оказалась вдвое меньше [5].

Отметим, что за прошедшее пятилетие появились новые возможности для изучения хакасского языка с увеличением количества разнообразных курсов и индивидуальных проектов, которые повышают мотивацию к изучению хакасского языка. Однако практически все они являются платными и, соответственно, далеко не всем доступными. Задачи увеличения количества владеющих хакасским языком в разных категориях носителей решаются в рамках государственной программы РХ «Сохранение и развитие хакасского языка» на 2022–2029 гг. К примеру, Министерство национальной и территориальной политики РХ внедрило в практику проведение конкурсов, направленных на выявление и поощрение лучших знатоков хакасского языка среди представителей нетитульной национальности. Республиканский конкурс на лучшее знание хакасского языка проводится также среди первоклассников и пятиклассников школ РХ.

Широкие возможности общения и получения информации на миноритарном языке заинтересованные лица могут получить в национальном сегменте Интернета. К позитивным особенностям хакасского интернет-пространства следует отнести активность сообществ хакаскоязычных СМИ в самой крупной российской соцсе-

Ил. 2. Хан Тонис (эпос)

Ил. 3. Язык хакасского героического эпоса

ти «ВКонтакте»: на страницу газеты «Хакас чирі» там подписано почти пять тысяч человек (подписка на бумажную версию на данный момент составляет 1500 экземпляров), на новостную страницу «Ах тасхыл» — почти три тысячи, на страницу Хакасского радио — более тысячи. Популяризацией хакасского языка занимается не только государственный сектор, но и отдельные языковые активисты. Так, известный хакасский поэт и блогер Сергей Майнагашев (Сибдей Том) является создателем и ведущим многочисленных курсов изучения хакасского языка (как в онлайн-, так и в оффлайн-режиме), а также сайтов и каналов, на которых пропагандируется региональное двуязычие.

Хакасское сообщество активно пользуется широкими возможностями живого общения на хакасском языке в интерактивном режиме. Дискурс комментариев часто становится дискуссионной площадкой и своего рода языковым *оазисом*, где восполняется дефицит реального общения на родном языке в условиях доминирования русского языка и преимущественно дисперсного проживания хакасов. В популярных мессенджерах существуют районные, сельские и даже родовые группы

(объединяющие представителей определённого сеока — хакасского рода), где хакасский язык часто используется как основное средство общения, что расширяет его социальное пространство и укрепляет перспективы витальности (ил. 4). Об активном освоении цифрового пространства хакасским языком свидетельствует также наличие электронного корпуса хакасского языка, электронного словаря, локализованного интерфейса социальной сети «ВКонтакте», клавиатуры с режимом автодополнения, онлайн-сервиса машинного перевода на основе искусственного интеллекта.

В то же время при наличии определённых усилий по увеличению числа носителей ХЯ остаются не вполне удовлетворительными результаты работы по расширению сфер использования второго государственного языка РХ, который практически полностью отсутствует на официальных сетевых ресурсах: сайтах Правительства и Верховного Совета, государственных учреждений федерального, республиканского и муниципального уровней. Языковой ландшафт остаётся преимущественно русскоязычным, при котором англоязычный сегмент значительно превосходит хакасскую специфику, хотя есть

Ил. 4. Ансамбль «Айланьс»

и положительные изменения, связанные, прежде всего, с появлением в последние несколько лет двуязычных оформлений дорожных знаков и названий населённых пунктов. Можно сказать, что постепенно преодолевается вето на законопроект Верховного Совета РХ о развитии ландшафтного билингвизма в республике, наложенное бывшим Председателем Правительства РХ А.И. Лебедем на основании того, что в федеральном законодательстве отсутствуют «императивные указания» по этому вопросу (см. об этом [4, с. 36–37]).

Выводы

Таким образом, бинаправленность этноязыковой политики РХ выражается в обеспечении полноценной коммуникации на русском как общегосударственном языке

и частичном удовлетворении потребности этноязыковой идентичности титульного хакасского этноса. Отрицательная динамика доли владеющих родным хакасским языком, представленная в хронологии статистической экспликации, выносит на повестку дня неотложные задачи, связанные с концептуальной и практической корректировкой усилий по остановке языкового сдвига с учётом его социолингвистической вариативности через расширение сфер присутствия хакасского языка в реальном и виртуальном пространстве. Очевидна необходимость привлечения к обсуждению перспектив витальности хакасского языка более широкого круга субъектов языковой политики с целью корректировки государственной программы сохранения и развития хакасского языка на период до 2029 г.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алпатов В.М. 150 языков и политика. 1917–2000: социолингвистические проблемы СССР и постсоветского пространства. М.: КРАФТ; ИВ РАН, 2000.
2. Баранова В. «Какая речь может идти об акценте, если речь идёт о сохранении языка?»: отношение к неполной языковой компетенции // Антропологический форум. 2021. № 49. С. 11–29. DOI: 10.31250/1815-8870-2021-17-49-11-29.

3. Боргоякова Т.Г. Развитие социальных функций государственных тюркских языков республик Южной Сибири. М.: АДД., 2002.
4. Боргоякова Т.Г., Гусейнова А.В. Статус и функционирование тюркских языков Южной Сибири. Абакан: Изд-во Хакасского государственного университета им. Н.Ф. Катанова, 2017.
5. Боргоякова Т.Г., Гусейнова А.В., Покоякова К.А. Языки Южной Сибири в динамике социального контекста / Отв. ред. Т.Г. Боргоякова. Абакан, 2022.
6. Гренобль Э. Социоллингвистика и языковой сдвиг: к пониманию процессов сдвига через призму носителей [Электронный ресурс] // Социоллингвистика. 2021. № 2 (6). С. 9–35. DOI: 10.37892/2713-2951-2021-2-6-9-35.
7. Доровских Е.М. Правовые аспекты национально-языковой политики в Российской Федерации // Журнал российского права. 2008. № 11 (143). С. 53–69.
8. Мухарямов Н.М., Януш О.Б. Языковое устройство российского общества: факторы политической динамики / Под ред. Г.Ф. Лутфуллиной. Казань: Отечество, 2022.
9. Словарь социоллингвистических терминов / Отв. ред. В.Ю. Михальченко. М., 2006.
10. Распоряжение Правительства РФ № 204-р от 09.02.2022. Режим доступа: <http://government.ru/docs/all/139242/> (дата обращения: 6.06.2025).
11. Borgoiakova T.G., Kirilenko S.V. Language Attitudes and Code-Switching among Khakass Bilinguals (*in press*).
12. Brando N., Morales-Gálvez S. Capabilities and Linguistic Justice. Political Studies. 2023. № 71 (3). Pp. 676–694. <https://doi.org/10.1177/00323217211033846>.
13. Codó E., Riera-Gil E. Linguistic Justice and Global English: Applied Linguistic and Political Theoretical Intersections // International Journal of the Sociology of Language. 2022. Vol. 2022, № 277. Pp. 95–119.
14. De Schutter H., Robichaud D. Van Parijsian linguistic justice – Context, analysis and critiques // Critical Review of International Social and Political Philosophy. 2015. 18 (2). Pp. 87–112.
15. John Baugh. Sociolinguistic evaluations of inequality // IJSL. 2020; 263: 59–66 <https://doi.org/10.1515/ijsl-2020-2083>.
16. Van Parijs P. Linguistic Justice for Europe and for the World. Oxford: Oxford University Press, 2011.

Ethnic and Linguistic Policy and Sociolinguistic Variability of Language Shift (Example of Republic of Khakassia)

Tamara Gerasimovna Borgoyakova — Doctor of Philology, professor, director of the Institute of Humanitarian Studies and Sayan-Altai Turkology, Khakassian State University named after N. F. Katanov, head of the project "Dynamics and Prospects of Linguistic Interaction in Southern Siberian Republics" (20-012-00426). E-mail: amarabee@mail.ru

Aurika Vagifovna Guseynova — Candidate of Science (Philology), senior researcher at the Institute of Humanitarian Studies and Sayan-Altai Turkology, Khakassian State University named after N. F. Katanov, executor of the same project. E-mail: aurika_guseynova@mail.ru

Binary nature of ethnic and linguistic policy in the Republic of Khakassia aims to ensure full communication in Russian as the national language of the Russian Federation and partially satisfy the need for an ethnic and linguistic identity for the titular Khakassia ethnic group. The ethnic and linguistic identity of the Khakas people remains high. There is a significant share of those who recognize Khakas as their native language. Use of the language on the Internet is also relatively active. Institutional support has helped to increase the prestige and symbolic significance of the Khakas language. The language shift, visible in its statistical dynamics, calls for ur-

gent tasks associated with the need for conceptual and practical adjustments to efforts to stop the shift, based on the diversity of native speakers and inadequate presence of Khakas in the social area of the region. The study points out an obvious need to involve more language policy entities in the discussion of the prospects of vitality of the Khakas language and adjust the state program for the preservation and development of the language in 2022-2029.

Keywords: ethnic and linguistic policy, language shift, Khakas language, sociolinguistic variability, linguistic purism

REFERENCES

1. Alpatov V.M. 150 yazykov i politika. 1917–2000: sotsiolingvisticheskie problemy SSSR i postsovet-skogo prostranstva. M.: KRAFT; IV RAN, 2000 (in Russian).
2. Baranova V. «Kakaya rech' mozhet idti ob aktsente, esli rech' idyot o sokhranении yazyka?»: ot-noshenie k nepolnoi yazykovoі kompetentsii // Antropologicheskii forum. 2021. № 49. S. 11–29. DOI: 10.31250/1815-8870-2021-17-49-11-29 (in Russian).
3. Borgoyakova T.G. Razvitie sotsial'nykh funktsii gosudarstvennykh tyurkskikh yazykov respublik Yuzhnoi Sibiri. M.: ADD., 2002 (in Russian).
4. Borgoyakova T.G., Guseinova A.V. Status i funktsionirovanie tyurkskikh yazykov Yuzhnoi Sibiri. Abakan: Izd-vo Khakasskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.F. Katanova, 2017 (in Russian).
5. Borgoyakova T.G., Guseinova A.V., Pokoyakova K.A. Yazyki Yuzhnoi Sibiri v dinamike sotsial'no-go konteksta / Otv. red. T.G. Borgoyakova. Abakan, 2022 (in Russian).
6. Grenobl' E. Sotsiolingvistika i yazykovoі sdvig: k ponimaniyu protsessov sdviga cherez prizmu nositelei [Elektronnyi resurs] // Sotsiolingvistika. 2021. № 2 (6). S. 9–35. DOI: 10.37892/2713-2951-2021-2-6-9-35 (in Russian).
7. Dorovskikh E.M. Pravovye aspekty natsional'no-yazykovoі politiki v Rossiiskoi Federatsii // Zhurnal rossiiskogo prava. 2008. № 11 (143). S. 53–69 (in Russian).
8. Mukharyamov N.M., Yanush O.B. Yazykovoe ustroystvo rossiiskogo obshchestva: faktory poli-ticheskoi dinamiki / Pod red. G.F. Lutfullinoy. Kazan': Otechestvo, 2022 (in Russian).
9. Slovar' sotsiolingvisticheskikh terminov / Otv. red. V.Yu. Mikhal'chenko. M., 2006 (in Russian).
10. Rasporyazhenie Pravitel'stva RF № 204-r ot 09.02.2022. Rezhim dostupa: <http://government.ru/docs/all/139242/> (data obrashcheniya: 6.06.2025) (in Russian).
11. Borgoiakova T.G., Kirilenko S.V. Language Attitudes and Code-Switching among Khakass Bilin-guals (*in press*).
12. Brando N., Morales-Gálvez S. Capabilities and Linguistic Justice. Political Studies. 2023. № 71 (3). Pp. 676–694. <https://doi.org/10.1177/00323217211033846>.
13. Codó E., Riera-Gil E. Linguistic Justice and Global English: Applied Linguistic and Political Theo-retical Intersections // International Journal of the Sociology of Language. 2022. Vol. 2022, № 277. Pp. 95–119.
14. De Schutter H., Robichaud D. Van Parijsian linguistic justice – Context, analysis and critiques // Critical Review of International Social and Political Philosophy. 2015. 18 (2). Pp. 87–112.
15. John Baugh. Sociolinguistic evaluations of inequality // IJSL. 2020; 263: 59–66 <https://doi.org/10.1515/ijsl-2020-2083>.
16. Van Parijs P. Linguistic Justice for Europe and for the World. Oxford: Oxford University Press, 2011.

ОПИСАНИЕ И ДОКУМЕНТИРОВАНИЕ ЯЗЫКОВ

Индекс УДК 811.51, 811.55

Код ГРНТИ 16.41.25, 16.41.61

DOI: 10.22204/2587-8956-2025-122-03-54-69

В.Ю. ГУСЕВ*

Числительные второго десятка в языках Сибири

В статье рассматриваются модели образования числительных второго десятка (с 11 до 19) в языках Сибири. «Простая» модель, в которой эти числительные образуются соположением слова 'десять' и количества единиц («десять один», «десять два» и т.д.), характерна для языков юга Сибири, но проникает также на север восточнее Енисея и на восток Якутии. Вторая модель, включающая слово типа 'излишек', распространена в северной части Сибири, от западных до восточных её границ. Остальные модели представлены небольшим количеством языков каждая: это локативная («на десяти один»), аблативная («от десяти один»), комитативная («с десятью один») и их комбинации со словом 'излишек', а также конструкции типа «второго десятка один» и «к двадцати один». Последняя модель находит соответствия в языке древних орхоно-енисейских памятников.

Ключевые слова: языки Сибири, числительные, ареальная лингвистика

1. Вводные замечания

Системы числительных обычно строятся на небольшом количестве терминов для малых чисел, основании системы счисления (например, в десятичных системах счисления основание — это 10), произведении и степенях основания.

В общем и целом простыми («atomic», по терминологии, предложенной в [1]), т.е. на синхронном уровне непроеводными,

обычно бывают названия чисел от единицы до основания (в десятичной системе — от 1 до 10). Термины для произведений и степеней основания также могут быть непроеводны (как русские *сорок*, *сто*, *тысяча*) либо образованы нерегулярным образом (как русские названия десятков и сотен *двадцать*, *пятьдесят*, *двести*, *триста* и т.д.). Нерегулярность означает, что производность термина видна носи-

* **Гусев Валентин Юрьевич** — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора типологии Института языкознания РАН.
E-mail: valentin.gusev@iling-ran.ru

телю языка, но форма термина непредсказуема и должна заучиваться наизусть: так, в русском языке нет правила, которое позволило бы образовать из числительных *два*, *десять* и *сто* слова *двадцать* и *двести*. Напротив, названия больших некруглых чисел образуются по регулярным правилам из соответствующих производных числа-основания и простых числительных (например, *сто двадцать два*).

Вполне естественно, что непроеизводными и нерегулярными оказываются названия чисел первого разряда (первого десятка в десятичных системах), поскольку их просто не из чего образовывать, и не очень больших «круглых» чисел, т.е. производных основания, потому что они часто употребляются. Также естественно, что название произвольного большого числа должно строиться по регулярным правилам, потому что таких чисел слишком много и каждое из них по отдельности употребляется весьма редко, чтобы заучивать его название наизусть.

Таковы тенденции, ясно наблюдаемые в системах числительных языков мира (см. подробнее о типологии систем числительных, например, [2] и указанные там работы). Разумеется, бывают и неожиданные исключения, как русское *сорок*, совершенно не имеющее внутренней формы, хотя *двадцать* и *тридцать* её имеют. Также имеет место большое межъязыковое варьирование: например, в славянских языках названия сотен нерегулярны (*двести*, *триста*, *четыреста* и т.д.), а в большинстве романских и германских языков регулярны; но нерегулярные названия тысяч, если где-то и существуют, то, очевидно, очень редки. Во многих языках Сибири нерегулярными, но всё же производными оказываются названия для 8 и 9, при этом нерегулярность их такова, что даже этимологическому анализу они во многих случаях не поддаются.

Названия чисел второго десятка (т.е. 11–19) в системах, основанных на десятичном счислении, представляют собой интересный объект для сравнения, поскольку они занимают промежуточное положение

между терминами первого десятка и названиями для более крупных чисел. С одной стороны, они могут быть образованы способом, аналогичным числам следующих десятков («11» из «10» и «1» как «21» из «20» и «1» и т.д.). С другой стороны, они достаточно часто встречаются, чтобы их названия запоминались наизусть. Сравним приведённые ниже числительные турецкого, русского, английского и французского языков (табл. 1; для сравнения в каждом языке приводятся числительные '21' и '22').

Как видно, в турецком языке названия чисел от 11 до 19 полностью регулярны и строятся по той же модели, что числа остальных десятков. В русском языке они имеют явную внутреннюю структуру «часть, похожая на соответствующее числительное первого десятка + *на* + *дцать*», но эта структура не выводится никакими синхронными правилами русского языка. В английском языке в числительных '11' и '12' не прослеживается никакая внутренняя структура (хотя *twelve* имеет тот же первый звук, что *two*, а в письменном виде – даже две первые буквы); числительные от 13 до 19 строятся в общем и целом по модели «числительное первого десятка + *teen*», где *teen* напоминает *ten* '10'. Наконец, во французском числительные от 11 до 16 имеют первую часть, похожую на числительные первого десятка максимум двумя-тремя первыми звуками, и вторую часть *-ze*, не похожую ни на что; зато числа от 17 до 19 называются по той же регулярной модели, что числа следующих десятков.

При всём разнообразии представленных моделей, которое можно дополнить данными многих других языков, мы можем видеть, что чем меньше число, тем большую степень нерегулярности оно склонно иметь в своём названии. При этом границу разные языки могут проводить в разном месте: английский между 12 и 13, французский – между 16 и 17, а, к примеру, испанский язык имеет систему, сходную с французской, но граница между двумя моделями проходит в нём между 15 и 16.

Таблица 1

Числительные второго десятка в турецком, русском, английском и французском языках

Числительные	Языки			
	турецкий	русский	английский	французский
10	on	десять	ten	dix
11	on bir	одиннадцать	eleven	onze
12	on iki	двенадцать	twelve	douze
13	on üç	тринадцать	thirteen	treize
14	on dört	четыренадцать	fourteen	quatorze
15	on beş	пятнадцать	fifteen	quinze
16	on altı	шестнадцать	sixteen	seize
17	on yedi	семнадцать	seventeen	dix-sept
18	on sekiz	восемнадцать	eighteen	dix-huit
19	on dokuz	девятнадцать	nineteen	dix-neuf
20	yirmi	двадцать	twenty	vingt
21	yirmi bir	двадцать один	twenty-one	vingt-et-un
22	yirmi iki	двадцать два	twenty-two	vingt-deux

Данная статья посвящена числительным второго десятка в языках Сибири и российского Дальнего Востока. Все эти языки имеют десятичную систему счисления, хотя на крайнем Северо-Востоке, в юкагирском и чукотско-камчатских языках, есть очевидные следы пятиричной системы.

Неожиданной особенностью этого ареала является разнообразие способов образования числительных второго десятка даже в близких диалектах, а иногда и внутри одного диалекта; однако всё это разнообразие можно разделить на несколько типов. К первому типу относится «простой» способ образования этих числительных соположением слов '10' и нужного числительного первого десятка; этот способ был продемонстрирован выше на примере турецкого языка. Остальные типы можно назвать «сложными», поскольку они используют какой-то способ соединения этих частей, например, морфемы со значением 'над', 'излишек' и др. Существует также относительно редкий тип, в котором при обра-

зовании числительных от 11 до 19 отсчёт идёт не от десяти, а от двадцати¹.

Эти типы будут последовательно рассмотрены в следующих разделах.

2. «Простой» тип

Рассмотрим сначала идиомы, где представлена простая система. Географически они занимают, прежде всего, юг Сибири. Это бурятский язык и тюркские языки: алтайский, хакасский, телеутский, тувинский, а также литературный якутский язык (в диалектах якутского языка используется другая система, см. ниже).

(1) бурятский [3, с. 128]

арбан	нэгэн	арбан	хоёр
10	1	10	2
'одиннадцать'		'двенадцать'	

(2) хакасский [4, с. 412]

он	nir	он	iki
10	1	10	2
'одиннадцать'		'двенадцать'	

¹ Во многих языках Сибири числительные 18 и 19 образуются вычитанием из 20; эти случаи мы здесь полностью оставляем в стороне.

(3) литературный якутский язык [5, с. 175, 177]

<i>уон</i>	<i>икки</i>	<i>уон</i>	<i>аҕыс</i>
10	2	10	8
‘двенадцать’		‘восемнадцать’	

В Западной Сибири простой тип образования числительных второго десятка представлен в камасинском и маторском языках (самодийская группа уральских языков) и, вероятно, в некоторых южно-енисейских языках, например аринском; проблема с южноенисейскими языками состоит в том, что они, кроме коттского, исчезли ещё в XVIII в., и анализ данных по ним в некоторых отношениях затруднителен:

(4) камасинский [6: PKZ_1964_SU0204. PKZ.159]

<i>b'eʔ</i>	<i>oŋiʔ</i>	<i>b'eʔ</i>	<i>šide</i>
10	1	10	2
‘одиннадцать’		‘двенадцать’	

(5) аринский [7, с. 129]

<i>koa-кyca</i>	<i>koa-кина</i>
10–1	10–2
‘одиннадцать’	‘двенадцать’

Этот же тип представлен в тунгусо-маньчжурских языках Амура: в нанийской (нанайском, ульчском, орокском, уильтинском) и удэгейско-орочской группах:

(6) нанайский [8, с. 233]

<i>дёан</i>	<i>эмун</i>	<i>дёан</i>	<i>дюзр</i>
10	1	10	2
‘одиннадцать’		‘двенадцать’	

(7) уильтинский (орокский) [9, с. 219]

<i>зон</i>	<i>дў</i>	<i>зон</i>	<i>илā(н)</i>
10	2	10	3
‘двенадцать’		‘тринадцать’	

(8) удэгейский [10, с. 91]

<i>зā-омо</i>	<i>зā-зў</i>
10–1	10–2
‘одиннадцать’	‘двенадцать’

В северной группе тунгусо-маньчжурских языков оба диалекта (верховской и низовской) негидальского языка также имеют простой тип:

(9) низовской негидальский [11, с. 22]

<i>жāн</i>	<i>омон</i>	<i>жāн</i>	<i>жўл</i>
10	1	10	3
‘одиннадцать’		‘двенадцать’	

(10) верховской негидальский [12, с. 294]

<i>джан</i>	<i>этән</i>	<i>джан</i>	<i>джу:л</i>
10	1	10	2
‘одиннадцать’		‘двенадцать’	

Эвенские и эвенкийские же диалекты представляют в этом отношении очень пёструю картину. Таблица 2 воспроизводит в сокращённом виде таблицу из «Очерков диалектов эвенкийского языка» Г.М. Василевич, которая закладывает способ образования числительных второго десятка, наряду с рефлексам звуков *s (s ~ h ~ š) в начале и в середине слова, в основу своей классификации диалектов [13, с. 12].

Реальная картина, однако, намного более пёстрая. В таблице 3 приводятся способы образования числительных второго десятка на примере числительного ‘12’ в разных диалектах эвенкийского языка по данным той же книги, а также работ Н.Я. Булатовой [14, 15] (элементы в скобках могут опускаться; примеры даются в орфографии источника; прочерк означает, что по соответствующим диалектам данных нет).

Как видно, распределение моделей числительных второго десятка по говорам очень сложное; во многих говорах разные

Таблица 2

Критерии разграничения эвенкийских диалектов по Г.М. Василевич

Северная диалектная группа	Южная диалектная группа		Восточная диалектная группа	Значение
	свистящая	шипящая		
<i>hā-</i>	<i>cā-</i>	<i>шā-</i>	<i>cā-</i>	‘знать’
<i>ahū</i>	<i>aci</i>	<i>aiš</i>	<i>ahū</i>	‘женщина’
<i>ž'ān-дук ž'ūr</i>	<i>ž'ān ž'ūr</i>	<i>ž'ūr-ž'ā-лэкэ</i>	<i>ž'ān ž'ūr,</i> <i>ž'ān-дук ž'ūr</i>	‘12’

Таблица 3

Образование числительных второго десятка в диалектах эвенкийского языка

Диалект	Говор(ы)	Пример числительного	Структура числительного	Источник
с	илимпийский	<i>ž'ān-дук ž'ūr</i>	10-AVL 2	[13, с. 14, 167]
с	ербогоченский	<i>ž'ān ž'ūr</i>	10 2	[13, с. 14, 189]
юс	подкаменно- тунгусский	<i>ž'ūr-ž'ā-лэкэ ~</i> <i>ž'ūr-ž'ā-лэки</i> (основной вариант) <i>ž'ūr-ž'ā</i> (р-н с. Сталино, совр. Ошарово) <i>ž'ūr-ž'ā-кин ž'ūr</i> (р-н села Баякит; совр. Байкит)	2-10-лишний 2-10 ¹ 2-10-к 2	[13, с. 15, 121–122]
юс	непский	<i>ž'ān ž'ūr</i> <i>ž'ūr-ž'ū (hэлэкэ)</i> <i>ž'ān ž'ūr-ž'ū</i>	10 2 2-INSTR (лишний) 10 2-INSTR	[13, с. 15, 144]
юс	баунтовско-талочский	<i>ž'ān ž'ūr</i>	10 2	[13, с. 15]
юш	сымский	<i>ž'ūr-ž'ā-лэки</i>	2-10-лишний	[13, с. 14, 71]
юш	токминско- верхоленский	<i>ž'ūr-ž'ā-лэкэ</i>	2-10-лишний	[13, с. 14, 97]
юш	северо-байкальский	<i>ž'ān ž'ūr</i>	10 2	[13, с. 14]
в	учурско-зейские	<i>ž'ān ž'ūr</i>	10 2	[13, с. 266]
в	кур-урмийский	—		
в	тунгирский	—		
в	чульманско-гиллойские говоры	<i>ž'ān-дук ž'ūr</i>	10-AVL 2	[13, с. 240]
в	амурский (селемджинский)	<i>ž'ān ž'ūr</i>	10 2	[14, с. 42]
в	амурский (зейский)	<i>ž'ān ž'ūr</i>	10 2	[14, с. 42]
в	амурский (джелтулакский)	<i>ž'ān-дук ž'ūr</i>	10-AVL 2	[14, с. 42]
в	сахалинский	<i>дян дюр</i>	10 2	[15, с. 24]

¹ Необычность этой формы состоит в порядке её составляющих: не «десять-два», как обычно, а «два-десять». Неясно, как в этих идиомах отличаются «двенадцать» от «двадцать», «тринадцать» от «тридцать» и т.д.

способы сосуществуют¹. Распространение простого типа в эвенкийских говорах на самом деле не соответствует принятому их делению на северные, южные и восточные (которое опирается на развитие согласного *s в начале и середине слова, см. табл. 1): так, ербогоченский говор относится к северному диалекту, а сымский, имеющий «сложную» систему, — напротив, к южному. Однако в целом можно заметить, что простой способ охватывает географически более южные говоры к востоку от Байкала, а также образует «язык», уходящий к северу приблизительно в районе верхнего течения Подкаменной Тунгуски (ербогоченский и частично непский говоры).

В эвенском языке способы образования числительных второго десятка также сложным образом распределены по диалектам²; например, В.А. Лебедев, описывая один только момский говор, перечисляет четыре способа [17, с. 58]. Многообразие для эвенского языка в целом отмечают и Л.Д. Ришес и В.И. Цинциус [18, с. 723], но в качестве литературной нормы они утверждают простую систему:

(11) эвенский

<i>мён-умэн</i>	<i>мён-дюр</i>
10–1	10–2
‘одиннадцать’	‘двенадцать’

Эта же модель используется, наряду с локативной (см. раздел 3), в тундровом юкагирском языке [19, с. 37–38]:

(12) тундровый юкагирский

<i>куниль</i>	<i>маарха-дъэн</i>	<i>куниль</i>	<i>маарха-бури-дъэн</i>
10	1-раз	10	1-на-раз
‘одиннадцать раз’			

Наконец, простая модель образования числительных второго десятка составляет небольшой анклав на Таймыре, присутствуя в нганасанском, тундровом энецком и таймырском говоре тундрового ненецкого языка³:

(13) нганасанский

<i>biiʔ</i>	<i>ɲuʔəiʔ</i>	<i>biiʔ</i>	<i>šiti</i>
10	1	10	2
‘одиннадцать’		‘двенадцать’	

(14) тундровый энецкий [20, с. 813]

<i>biuʔ</i>	<i>šize</i>
10	2
‘двенадцать’	

Таким образом, «простой» тип присутствует на всём юге Сибири, имея там очевидно ареальную природу, пересекая границы языковых семей и даже диалектов отдельных языков. За границами Сибири в этот же ареал входят другие тюркские, китайский, маньчжурский, японский языки. Единственный язык в этом регионе, не поддавшийся распространению «простого» типа, — это нивхский (см. о нём в разделе 5.3).

С другой стороны, помимо юга Сибири, эта модель заходит на север восточнее Енисея, в непский и ербогоченский говоры эвенкийского языка, а также возникает в небольшом ареале в самой северной части Сибири, на Таймыре: в нганасанском, тундровом энецком и таймырском говоре ненецкого языка.

3. Локативная и комитативная модели

Различные варианты «сложного типа», напротив, занимают северную часть Сибири. Как было сказано, этот тип отличается от «простого» тем, что использует какой-то

¹ Доступные сегодня материалы показывают, что это распределение было ещё сложнее, чем показано в таблице; так, по данным корпуса [16], сымский диалект активно использовал конструкцию с полным *hələkə*, но с опущением слова для десяти, см. примеры (20).

² Подробное описание распределения моделей образования числительных второго десятка на всей территории эвенкийских и эвенских говоров выходит за рамки настоящей работы и требует отдельного исследования.

³ Мы признательны М.К. Амелиной за тундровые ненецкие данные.

способ связи 'десяти' и того, что к десяти прибавляется. Показатели этой связи могут быть нескольких типов: локативного (конструкции типа «на десяти один»), аблативного («от десяти один»), комитативного («с десятию один»); с помощью единиц со значением типа 'излишек, добавление'; или какие-либо другие. Эти показатели будут последовательно рассмотрены в этом и следующих разделах.

Мы уже видели примеры локативного типа в некоторых эвенкийских говорах, например илимпийском или чульманско-гилюйских: *ǰ'ān-дук ǰ'ūr*, букв. 'от десяти два'; тот же способ используется в южной части охотского говора эвенского языка: *дьаан-дук умэн* [21, с. 55]. В том же охотском и в других эвенских говорах в качестве одного из вариантов может использоваться метафора не движения от десяти, а нахождения поверх десяти:

(15) охотский эвенский [там же]

<i>меен</i>	<i>ой-ду-н</i>	<i>өмэн</i>
10	верх-DAT-3SG	один
	'одиннадцать'	

Этот же способ является единственным в расположенном рядом с упомянутыми выше эвенскими диалектами лесном юкагирском языке, с той лишь разницей, что в нём не единицы находятся поверх десяти, а, наоборот, десять поверх единиц:

(16) колымский юкагирский [22, с. 261], ср. с тундровым юкагирским [23, с. 45]

<i>kuñil-jāl-budie</i>
10-3-на
'тринадцать'

В тундровом юкагирском языке аналогичные конструкции возможны наряду с простой моделью, см. пример (12).

Возможно, аналогичным образом были устроены числительные в коттском языке, где элемент *-l*, добавляющийся к слову *ha:ga* 'десять', можно сравнить с показателем местного падежа у послелогов [24, с. 81–82, 85, 108]:

(17) коттский

<i>ha:ga-l</i>	<i>hu:ča</i>	<i>ha:ga-l</i>	<i>i:na</i>
10-LOC	1	10-LOC	2
'одиннадцать'		'двенадцать'	
<i>eča:</i>	<i>eča:-l</i>	<i>eča:-l-caŋ</i>	
верх	верх-LOC	верх-LOC-ABL	
'вверх'	'вверху'	'сверху'	

В мансийском в качестве одного из способов используется послелог *turum* (с вариантами) [25, с. 631–632]¹:

(18) мансийский

<i>lu-turum-u:χ</i>	<i>lu-turum-kit'</i>
10-на-1	10-на-2
'одиннадцать'	'двенадцать'

Третий возможный вариант локативного типа — движение, т.е. добавление, к десяти представлен в севернохантыйском и в мансийском языках. В северном хантыйском используется соединительный элемент *-xoś-*, который восходит к послелогу *xośa* 'к' [26, с. 19]²:

(19) северный хантыйский

<i>we:t-xoś-ja:ŋ</i>
5-к-10
'пятнадцать'

¹ Правда, в цитируемом словаре указывается, что в форме *turum* и т.п. этот послелог используется только в числительных, а во всех остальных случаях он выглядит как *tarm*, *temër* и т.п. Причины такого варьирования и аргументы в пользу отождествления этих двух слов не указаны. Другой способ образования числительных с 11 до 19 в мансийском языке см. в примере (39).

² Порядок, при котором не единицы прибавляются к десяти, а, наоборот, десять к единицам («десять на пять» в данном примере), что противоречит и универсалии, сформулированной Дж. Гринбергом [1, с. 265], заставляет Л. Хонти [27, с. 169–170] искать иную этимологию для элемента *xoś*, связывая его с глаголом 'лежать', аналогично мансийским формам в примере (39). Однако мы видели, что такой порядок возможен и в юкагирском (см. примеры (12), (16)).

В непском говоре эвенкийского языка представлен, наряду с другими, комитативный тип: *ǰ'ān ǰ'ūr-ǰ'ū* '10 2-INSTR', букв 'десять с двумя' (см. табл. 2).

4. Тип «излишек»

Этот способ образования числительных второго десятка (иногда и последующих десятков) широко распространён в Сибири. Он представлен, например, в некоторых эвенкийских говорах (см. табл. 2), где используется слово *hələkə* (как в непском говоре), иногда в сокращённом виде *-ləkə* (например, в сымском или подкаменно-тунгусском). Корпусные данные [16] показывают, что слово для '10' в такой конструкции может быть и опущено, ср. пример из сымского диалекта¹:

(20) сымский эвенкийский

<i>D'ur</i>	<i>d'aləkə</i>	<i>anyani-wa</i>
два	излишек	год-ACC
<i>ajna-d'ə-ri-l-wi</i>		
помочь-IPFV-PTCP.PRS-PL-RFL.SG		
<i>bu-də</i>		
die-AOR.[3PL]		
'[За] двенадцать лет тринадцать человек, которым я помогал, умерли' [NNR3_1913_ShamanDiseases_nar.008].		

<i>Krup-čatka</i>	<i>kul</i>	<i>tunya</i>	<i>hələkə</i>	<i>hol-kowij,</i>	<i>il-i-tin</i>	<i>sort-il.</i>
крупчатка	куль	пять	излишек	целковый	три-ORD-3PL	сорт-PL
'Куль белой муки [стоит] пятнадцать рублей, третий сорт' [NNR3_1913_HuntingTradePrices_nar.040].						

Также этот способ (с синтаксическими вариациями) имеется в эвенском:

(21) момский эвенский [17, с. 58–59]

<i>миан</i>	<i>өмынь</i>	<i>хулык</i>	<i>миан</i>	<i>ху-лык-ын</i>	(> <i>ми-алху-өмын кун</i>)
10	1	излишек	10	излишек-3SG	1
'одиннадцать'					

Эта же модель используется в чукотско-корякских языках (данных об ительменском языке у нас нет, потому что в нём известны только термины для единиц и десятков):

(22) чукотский [28, с. 302]²

<i>tənyətken</i>	<i>əppen</i>	<i>parol</i>
10	1	излишек
'одиннадцать'		

(23) корякский [29, с. 68]

<i>мынгыткэн</i>	<i>ыннэн</i>	<i>гапатол</i>
10	1	излишек
'одиннадцать'		

В алюторском языке система, очевидно, перестраивается: элемент *ɣapatula* 'излишек' почти вышел из употребления, зато слово для десяти в составных числительных имеет суффикс *-k*, совпадающий с показателем местного падежа [30, с. 79]; таким образом, модель образования числительных второго десятка переходит в «локативный» тип.

Тот же тип присутствует в айнском [31, с. 95–96] и в алеутском [32, с. 65]:

(24) айнский:

<i>shine</i>	<i>ikashima</i>	<i>wa(n)</i>	<i>tu</i>	<i>ikashima</i>	<i>wa(n)</i>
1	излишек	10	2	излишек	10
'одиннадцать'			'двенадцать'		

¹ Собственно, все числительные, которые находятся в упомянутом эвенкийском корпусе со словом *hələkə*, не содержат слова для десяти.

² В чукотском языке для пятнадцати используется непроизводная форма, таким образом данная модель используется для числительных от 11 до 14 и от 16 до 19.

Аналогичный способ используется в «народном разговорном» якутском [5, с. 185] и в долганском языке; он был засвидетельствован и в языке орхоно-енисейских памятников [33, с. 39].

(25) долганский [34, с. 136]

<i>уон</i>	<i>ордуг-а</i>	<i>бишр</i>
10	излишек-3SG	один
‘одиннадцать’		

И ту же модель мы видим в кетском и югском, селькупском и восточнохантыйском:

(26) кетский [35, s.v.]

<i>ipam-əkam-qō</i>
2-излишек-10
‘двенадцать’

(27) селькупский [36, с. 285]

<i>šitty-kəl'-kōt</i>
2-излишек-10
‘двенадцать’

(28) восточный хантыйский [37, с. 185–186]

<i>jōŋ-ərki</i>	<i>kātkan</i>
10-излишек	2
‘двенадцать’	

В казымском (северном) диалекте хантыйского языка в аналогичной функции в старых источниках было зафиксировано заимствование из коми *mōltas* с тем же значением:

(29) казымский хантыйский [38, с. 925]

<i>labūt</i>	<i>moltas</i>	<i>jang,</i>	<i>янг-молтас</i>	<i>л'абыт</i>
7	излишек	10	10-излишек	7
‘семнадцать’				

Конечно, «излишек» — это условный русский перевод; ниже приводятся не-

сколько примеров из упомянутых выше языков, чтобы показать, как используется это слово за пределами составных числительных:

(30) селькупский [39, с. 39]

<i>Тōџылты-мпа-ты,</i>	<i>тōџылты-мпа-ты</i>	<i>и</i>	<i>манны-мпа-ты</i>
считать-PRAET-3SG.O	считать-PRAET-3SG.O	и	увидеть-PRAET-3SG.O
<i>уккыр</i>	<i>џишџая</i>	<i>кџ</i>	<i>э-џа-ны.</i>
один	звезда	лишний	быть-PRAES-3SG.LATENT
‘Посчитал, посчитал и увидел – одна звёздочка лишняя’.			

(31) якутский [40]

<i>ордугун</i>	<i>эн</i>	<i>ылаар</i>
остаток-ACC.3SG	ты	взять-IMP.FUT
‘остаток этого возьмёшь ты’		
<i>сыл-тан</i>		<i>ордук</i>
год-ABL		излишек
‘больше года’		

(32) айнский [31, с. 165]

<i>mungi</i>	<i>a-hok</i>	<i>wa</i>	<i>ikashima</i>	<i>ichen</i>
мука	PASS-купить	из	излишек	деньги
‘деньги, которые остались после покупки муки’				

(33) эвенкийский [16]

<i>Awerin-du</i>	<i>olo</i>	<i>bi-ži</i>	<i>da</i>	<i>uwi:</i>	<i>harus,</i>
Аверина-DAT	рыба	быть-AOR	но	мало	хариус
<i>pejača,</i>	<i>n'akəčan,</i>	<i>gudkan,</i>	<i>hələkə</i>	<i>ačīn.</i>	
сорога	окунь	щука	излишек	нет	
‘В Авериной [реке] рыба есть, но мало: хариус, сорожка, окунь, щука, больше нет’ [NNR4_191X_OnSocharaRiver_nar.017].					

В следующем эвенском примере виден корень глагола ‘быть дополнительным,

быть сверх чего-то', от которого образовано существительное *huləkə/hələkə* в эвенском и эвенкийском языках:

(34) эвенский [41]

<i>digen</i>	<i>mia-r-duk</i>	<i>hul-tse:ji-n</i> ,
четыре	десять-PL-ABL	быть. лишним- PRAES-3SG
<i>ta-la</i>	<i>noŋan</i>	<i>gurgeβtei- deje-n</i>
тот-LOC	он	работать- REM.PT-3SG

‘...наверное, более сорока [лет] там он работает’ [Krivoshapkina_EA_reindeerherd: 005].

Возможно, к классу «излишка» следует отнести и ненецкие (в лесном ненецком, в ямальском и большеземельском диалектах тундрового ненецкого, а также в засвидетельствованном только в XVIII в. юрацком) конструкции со словом *яңня* (тундровый), *дяңня* (лесной), *јага* (юрацкий) — причастием или существительным от глагола со значением ‘быть отдельным’, ‘быть непохожим’, ‘отличаться’:

(35) тундровый ненецкий [42, с. 217–219] (см. о лесном ненецком [43, с. 66], о юрацком [44, с. 55])

<i>ноб"</i>	<i>яңгә-ня</i>
1	быть.отдельным- PT.PRAES

‘одиннадцать’

Собственное значение этого глагола — именно в идее отделения, разъединения, поэтому, возможно, он представляет собой несколько иную метафору, чем «излишек» (глагол с таким значением в ненецком языке тоже есть и также используется в числительных, см. пример (36) ниже).

Две описанные выше модели — «падежная» и со словом «излишек» — не исключают друг друга; во многих языках они могут комбинироваться:

(36) ямальский тундровый ненецкий [42, с. 217–219]

<i>юкад</i>	<i>в́та</i>	<i>ноб"</i>	<i>юкад</i>	<i>яңгәня</i>	<i>ноб"</i>
10-ABL	лишний	1	10-ABL	отдельный	1

‘одиннадцать’

(37) лесной энецкий [20, с. 813]

<i>(biu-koz)</i>	<i>ʃize</i>	<i>(bəza-de)</i>
10-ABL	два	быть.лишний- PT.PRAES

‘двенадцать’

Сочетание «излишка» с инструменталисом используется в непском диалекте эвенкийского языка: *ʒ̣ʊp-ʒ̣i* (*һэлэкэ*) (см. табл. 2).

5. Иные способы

В этом подразделе мы перечислим иные модели образования числительных второго десятка, не вписывающиеся ни в один из рассмотренных выше больших типов.

5.1. В ямальском диалекте тундрового ненецкого языка [42, с. 217–218] и в иртышском (южном) диалекте хантыйского языка [45, с. 49] используется модель «другого/второго десятка X»:

(38) тундровый ненецкий (ямальский диалект)

<i>няби</i>	<i>ют-ё</i>	<i>ноб"</i>
другой	10-3SG	один

‘одиннадцать’

(39) хантыйский (иртышский диалект)

<i>kimət</i>	<i>joŋ</i>	<i>nitə</i>
второй	10	8

‘восемнадцать’

5.2. В мансийском языке, наряду с «локативной» моделью, единицы и десятки могут соединяться с помощью морфемы *хуйпу*, которую принято трактовать как причастие на *-n* от основы *хуй(у)* — ‘лежать’ [46, с. 105; 47, с. 36]:

(40) мансийский

акв-хуйту-лов

1-лежащий-10

‘одиннадцать’

5.3. В нивхском языке после десятков и единиц следует элемент *-урк*, который В.Д. Панфилов [48, с. 187–190] связывает с глаголом *й-ур-д’* ‘следовать по чему-либо, за кем-либо’ (где *-к* — показатель изъявительного наклонения):

(41) нивхский (в примере приводится форма для счёта людей)

мхо

н’и-н-урк

н’ивх

10

1-людей-следующий

человек

‘11 человек’

5.4. Некоторые идиомы используют отсчёт не от предыдущего, а от следующего круглого числа, т.е. в случае чисел второго десятка — от двадцати. Такая система, наряду с другими, есть в ямальском диалекте тундрового ненецкого языка и в подкаменно-тунгусском диалекте эвенкийского языка:

(42) ямальский тундровый ненецкий [42, с. 219]

сиди

юд-’

ня-’

нгоб”

два

десять-GEN

около-LAT

один

‘одиннадцать’, букв. «к двадцати один»

(43) эвенкийский (подкаменно-тунгусский диалект) [13, с. 121–122]

ǰ’ǰр-ǰ’ā-кин

ǰ’ǰр

излишек

2

‘двенадцать’

Насколько известно, такая система существовала в языке орхоно-енисейских надписей [33, с. 38–39], а до нашего вре-

мени сохранилась в сарыг-уйгурском языке [49; 50, с. 21–22]

Заключение

Числительные второго десятка в силу ряда причин оказались удобным инструментом для изучения истории взаимодействия языков Сибири. Наличие разных моделей, которые легко поддаются копированию, даёт возможность проследить древние контакты между идиомами, которые сегодня, возможно, уже не соседствуют друг с другом. Удачным образом русские числительные с 11 до 19, наоборот, морфологически непрозрачны, что позволяет исключить недавнее влияние со стороны русского языка.

Как видно из представленных данных, простая модель образования этих числительных, в которой единицы просто следуют за словом для десятка без каких-либо соединительных элементов, очевидно, распространяется с юга: она представлена в бурятском языке, тюркских языках Сибири, в южных енисейских языках и в саяно-самодийских, в тунгусо-маньчжурских языках Амура и Сахалина. Ареал этой модели распространяется и за южные границы Сибири: она же используется в других монгольских и тюркских языках, в китайском, корейском, японском. Однако она проникает и на Север: во-первых, в эвенкийские говоры восточнее Енисея и на Таймыре, и во-вторых, в якутские и в некоторые эвенские говоры Якутии. Очевидно, во втором случае её распространение связано с якутским языком, который относительно недавно пришёл с юга. Первый случай менее очевиден, но можно предположить, что распространение простой модели на Таймыре (нганасанский, тундровый энецкий, таймырский ненецкий языки) — это продолжение того же ареала, который включает непские и ербогоченские говоры эвенкийского языка, но по какой-то причине был разорван илимпийским диалектом¹.

¹ Впрочем, нельзя исключать и независимое возникновение этой модели, см.: [54, с. 400] о центральноаляскинском юпике.

Вторая «крупная» модель образования числительных первого десятка — это конструкции со словом, означающим «излишек», «то, что сверх». Она распространена практически сплошной полосой от хантыйских диалектов на западе до алеутского и айнского языков на востоке и продолжается на Аляске (ср. [51, с. 400]).

Остальные модели представлены небольшими островками; это локативная («на десяти один» на северо-востоке и в Западной Сибири), аблативная («от десяти один» в некоторых эвенкийских говорах), комитативная («с десятью один», некоторые эвенкийские и эвенские говоры) конструкции, а также модели типа «второго десятка один» (некоторые тундрово-ненецкие и хантыйские идиомы) и «к двадцати один» (в некоторых разновидностях тундрового ненецкого и эвенкийского языка); последняя модель имеет паралле-

ли в языке тюркских орхоно-енисейских памятников.

Хотя одной из задач этой статьи было проследить ареальное распределение различных моделей числительных второго десятка, за её пределами остались детали географического распространения отдельных моделей в таких языках, как эвенкийский, эвенский, тундровый ненецкий или хантыйский: в опубликованных описаниях это распространение зачастую изложено приблизительно и выяснение этих деталей требует отдельного исследования.

Также в настоящей статье совсем не рассматривались способы образования числительных третьего (с 21 до 29) и дальнейших десятков. В целом эти числительные либо повторяют модели второго десятка, либо устроены проще, т.е. используют «простую» конструкцию, притом что во втором десятке используется одна из «сложных»¹.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ABL — аблатив; ACC — винительный падеж; AOR — аорист; DAT — датив; FUT — будущее время; GEN — генитив; IMP — императив; INSTR — инструменталис; LAT — латив; LATENT — латентив; LOC — локатив; O — объектное спряжение; PASS — пассив; PL — множественное число; PRAES — настоящее время; PRAET — прошедшее время; PT — причастие; REM — отдалённое прошедшее время; SG — единственное число

ЛИТЕРАТУРА

1. Greenberg J. Generalizations about Numeral Systems // Universals of Human Language III: Word Structure, ed. by J. Greenberg et al. Stanford (CA), Stanford University Press. 1978. Pp. 249–295.
2. Comrie B. The Arithmetic of Natural Language: Toward a typology of numeral systems // Macrolinguistics. 2022. Vol. 10, № 1 (Serial № 16) Pp. 1–35. DOI: 10.26478/ja2022.10.16.1.
3. Грамматика бурятского языка: Фонетика и морфология. М.: Изд-во восточной литературы, 1962.
4. Баскаков Н.А., Инкижекова-Трекул А.И. Хакасско-русский словарь. С прил. очерка «Хакасский язык». М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1953.
5. Грамматика современного якутского литературного языка: Фонетика и морфология / Л.Н. Харитонов, Н.Д. Дьячковский, С.А., Иванов и др. М.: Наука, 1982.
6. Gusev V., Klooster T., Wagner-Nagy B. INEL Kamas Corpus / Version 2.0. Publication date 2023-12-31. (<http://hdl.handle.net/11022/0000-0007-FC25-4>). Archived at Universität Hamburg 2023 // The INEL corpora of indigenous Northern Eurasian languages. <https://hdl.handle.net/11022/0000-0007-F45A-1>.

¹ Исключение из этого правила представляет низовской диалект негидальского языка, где во втором десятке используется простая модель (см. примеры (9), (10)), а в третьем десятке — аблативная [11, с. 21–22]; эта уникальность специально отмечается в [52, с. 258–259].

7. Дульзон А.П. Кетский язык. Томск: Изд-во Томского университета, 1968.
8. Аврорин В.А. Грамматика нанайского языка. Т. I: Фонетическое введение и морфология именных частей речи. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959.
9. Озолия Л.В. Грамматика орокского языка. Новосибирск: Гео, 2013.
10. Кормушин И.В. Удыхейский язык. М.: Наука, 1998.
11. Цинциус В.И. Негидальский язык: Исследования и материалы. Л.: Наука, 1982.
12. Pakendorf B., Aralova N. Even and the Northern Tungusic languages // The Oxford guide to the Transeurasian languages / Ed. by M. Robbeets, A. Savelyev. Oxford: OUP, 2020. Pp. 288–304.
13. Василевич Г.М. Очерки диалектов эвенкийского (тунгусского) языка. Л.: Учпедгиз, 1948.
14. Булатова Н.Я. Говоры эвенков Амурской области. Л.: Наука, 1987.
15. Булатова Н.Я. Язык сахалинских эвенков. СПб., 1999.
16. Däbritz Chr.L., Gusev V., Stoynova N. INEL Evenki Corpus. Version 2.0. Publication date 2024-12-31. Archived at Universität Hamburg (<https://hdl.handle.net/11022/0000-0007-FE38-D>) // The INEL corpora of indigenous Northern Eurasian languages. (<https://hdl.handle.net/11022/0000-0007-F45A-1>).
17. Лебедев В.Д. Язык эвенов Якутии. Л.: Наука, 1978.
18. Ришес Л.Д., Цинциус В.И. Краткий очерк грамматики эвенского (ламутского) языка // Русско-эвенский словарь / Сост. В.И. Цинциус, Л.Д. Ришес. М.: Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1952. С. 693–777.
19. Курилова Л.Г. Категория количественности в языке тундренных юкагиров. Дис. ... канд. филол. наук. Якутск, 2024.
20. Khanina O., Shluinsky A. // The Uralic languages / Ed. by D. Abondolo, R.-L. Valijärvi / 2nd ed. London, New York: Routledge, 2023. Pp. 793–852.
21. Лебедев В.Д. Охотский диалект эвенского языка. Л.: Наука, 1982.
22. Maslova E. A grammar of Kolyma Yukaghir. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2003.
23. Maslova E. Tundra Yukaghir. München: LINCOM Europa, 2003.
24. Вернер Г.К. Коттский язык. Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского ун-та, 1990.
25. Munkácsi B., Kálmán B. Wogulisches Wörterbuch. Budapest: Akadémiai kiadó, 1986.
26. Nikolaeva I. Ostyak. München: LINCOM Europa, 1999.
27. Honti L. Die Grundzahlwörter der uralischen Sprachen. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1993.
28. Dunn M.J., PhD Thes, Australian National University, 1999.
29. Жукова А.Н. Язык паланских коряков. Л.: Наука, 1980.
30. Нагаяма Ю. Очерк грамматики алюторского языка. Осака, 2003.
31. Batchelor J. An Ainu-English-Japanese dictionary (Including a Grammar of the Ainu Language) / 2nd edition. Tokyo: Methodist Publishing House, 1905.
32. Bergsland K. Aleut grammar. Fairbanks: Alaska Native Language Center, 1997.
33. Насилов В.М. Язык орхоно-енисейских памятников. М.: Восточная литература, 1960.
34. Убрятова Е.И. Язык норильских долган. Новосибирск: Наука, 1985.
35. Большой словарь кетского языка (с переводами на русский, немецкий и английский языки) / Под общим руководством Е.Г. Которовой. Т. I–II. Мюнхен: LINCOM, 2015.
36. Кузнецова А.И., Хелимский Е.А., Грушкина Е.В. Очерки по селькупскому языку. Тазовский диалект. Т. I. М.: МГУ, 1980.
37. Filchenko A. Aspects of the grammar of Eastern Khanty. Tomsk, 2007.
38. Steinitz W. Dialektologisches und etymologisches Wörterbuch der ostjakischen Sprache. Lfg. 1–15. Berlin: Akademie Verlag, 1966–1993.
39. Казакевич О.А., Будянская Е.М. Диалектологический словарь селькупского языка (северное наречие). Екатеринбург, 2010.

40. Sakhatyla.Ru (<https://sakhatyla.ru/>).
41. Pakendorf Br., Dejan M., Aralova N., Lavrillier A. Documentation of the dialectal and cultural diversity among Evens in Siberia. 2007–2012. The Language Archive (<https://Hdl.Handle.Net/1839/00-0000-0000-000F-2DFE-0>).
42. Терещенко Н.М. Материалы и исследования по языку ненцев. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1956.
43. Sammallahti P. Material from Forest Nenets. Helsinki, 1974.
44. Хелимский Е.А. Об одном переходном северносамодийском диалекте // Е.А. Хелимский. Компаративистика. Уралистика. Лекции и статьи. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 50–55.
45. Главан А.А. Структурные типы неэлементарных количественных числительных в хантыйском языке // Вестник Югорского государственного университета. 2006. Вып. 2. С. 48–51.
46. Ромбандеева Е.И. Современный мансийский язык: лексика, фонетика, графика, орфография, морфология, словообразование. Тюмень: Формат, 2017.
47. Riese T. Vogul. München: LINCOM Europa, 2001.
48. Панфилов В.З. Грамматика нивхского языка. Ч. 1. М.; Л.: Изд. АН СССР, 1962.
49. Бартольд В.В. Система счисления орхонских надписей в современном диалекте // Записки Восточного Отделения Императорского Русского Археологического Общества. Том семнадцатый. 1906. СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1907. С. 0171–0173.
50. Тенишев Э.Р., Тодаева Б.Х. Язык жёлтых уйгуров. М.: Наука, 1966.
51. Miyaoka O. A Grammar of Central Alaskan Yupik (CAY). Berlin; Boston: de Gruyter Mouton, 2012.
52. Хасанова М.М., Певнов А.М. Мифы и сказки негидальцев. Осака: Osaka Gakuin University, 2003.

Numerals of Second Ten in Languages of Siberia

Valentin Yurievich Gusev — Candidate of Science (Philology), Senior Researcher at the Typology Sector of the Institute of Linguistics of the Russian Academy of Sciences.

E-mail: valentin.gusev@iling-ran.ru

The article discusses models of formation of second ten numerals (11 to 19) in the languages of Siberia. The "simple" model, where numerals are formed by adding the number of units to "ten" ("ten one", "ten two", etc.), is characteristic of the languages of southern Siberia, and also penetrates to the north, east of the Yenisei and east of Yakutia. The second model, which includes a word like "surplus", is widespread in the northern part of Siberia, from its western to eastern borders. The remaining models are represented by few languages each: these are locative ("at ten one"), ablative ("from ten one"), comitative ("with ten one") and their combinations with the word "surplus", as well as constructions such as "second ten one" and "to twenty one". The latter model corresponds with the language of the ancient Orkhon-Yenisei monuments.

Keywords: languages of Siberia, numerals, areal linguistics

REFERENCES

1. Greenberg J. Generalizations about Numeral Systems // Universals of Human Language III: Word Structure, ed. by J. Greenberg et al. Stanford (CA), Stanford University Press. 1978. Pp. 249–295.
2. Comrie B. The Arithmetic of Natural Language: Toward a typology of numeral systems // Macrolinguistics. 2022. Vol. 10, № 1 (Serial № 16) Pp. 1–35. DOI: 10.26478/ja2022.10.16.1.

3. Grammatika buryatskogo yazyka: Fonetika i morfologiya. M.: Izd-vo vostochnoi literatury, 1962 (in Russian).
4. Baskakov N.A., Inkizhekova-Grekul A.I. Khakassko-russkii slovar'. S pril. ocherka «Khakasskii yazyk». M.: Gos. izd-vo inostr. i nats. slovarei, 1953 (in Russian).
5. Grammatika sovremennogo yakutskogo literaturnogo yazyka: Fonetika i morfologiya / L.N. Khari-tonov, N.D. D'yachkovskii, S.A., Ivanov i dr. M.: Nauka, 1982 (in Russian).
6. Gusev V., Klooster T., Wagner-Nagy B. INEL Kamas Corpus / Version 2.0. Publication date 2023-12-31. (<http://hdl.handle.net/11022/0000-0007-FC25-4>). Archived at Universität Hamburg 2023 // The INEL corpora of indigenous Northern Eurasian languages. <https://hdl.handle.net/11022/0000-0007-F45A-1>.
7. Dul'zon A.P. Ketskii yazyk. Tomsk: Izd-vo Tomskogo universiteta, 1968 (in Russian).
8. Avrorin V.A. Grammatika nanaiskogo yazyka. T. I: Foneticheskoe vvedenie i morfologiya imen-nykh chastei rechi. M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1959 (in Russian).
9. Ozoliny L.V. Grammatika orokskogo yazyka. Novosibirsk: Geo, 2013 (in Russian).
10. Kormushin I.V. Udykheiskii yazyk. M.: Nauka, 1998 (in Russian).
11. Tsintsius V.I. Negidal'skii yazyk: Issledovaniya i materialy. L.: Nauka, 1982 (in Russian).
12. Pakendorf B., Aralova N. Even and the Northern Tungusic languages // The Oxford guide to the Transeurasian languages / Ed. by M. Robbeets, A. Savelyev. Oxford: OUP, 2020. Pp. 288–304.
13. Vasilevich G.M. Ocherki dialektov evenkiiskogo (tungusskogo) yazyka. L.: Uchpedgiz, 1948 (in Russian).
14. Bulatova N.Ya. Govory evenkov Amurskoi oblasti. L.: Nauka, 1987 (in Russian).
15. Bulatova N.Ya. Yazyk sakhalinskikh evenkov. SPb., 1999 (in Russian).
16. Däbritz Chr.L., Gusev V., Stoyanova N. INEL Evenki Corpus. Version 2.0. Publication date 2024-12-31. Archived at Universität Hamburg (<https://hdl.handle.net/11022/0000-0007-FE38-D>) // The INEL corpora of indigenous Northern Eurasian languages. (<https://hdl.handle.net/11022/0000-0007-F45A-1>).
17. Lebedev V.D. Yazyk evenov Yakutii. L.: Nauka, 1978 (in Russian).
18. Rishes L.D., Tsintsius V.I. Kratkii ocherk grammatiki evenskogo (lamutskogo) yazyka // Rus-sko-evenskii slovar' / Sost. V.I. Tsintsius, L.D. Rishes. M.: Gos. izd-vo inostr. i nats. slovarei, 1952. S. 693–777 (in Russian).
19. Kurilova L.G. Kategoriya kolichestvennosti v yazyke tundrennykh yukagirov. Dis. ... kand. filol. nauk. Yakutsk, 2024 (in Russian).
20. Khanina O., Shluinsky A. // The Uralic languages / Ed. by D. Abondolo, R.-L. Valijärvi / 2nd ed. London, New York: Routledge, 2023. Pp. 793–852.
21. Lebedev V.D. Okhotskii dialekt evenskogo yazyka. L.: Nauka, 1982 (in Russian).
22. Maslova E. A grammar of Kolyma Yukaghir. Berlin; New York: Mouton de Gruyter, 2003.
23. Maslova E. Tundra Yukaghir. München: LINCOM Europa, 2003.
24. Verner G.K. Kottskii yazyk. Rostov-na-Donu: Izd-vo Rostovskogo un-ta, 1990 (in Russian).
25. Munkácsi B., Kálmán B. Wogulisches Wörterbuch. Budapest: Akadémiai kiadó, 1986.
26. Nikolaeva I. Ostyak. München: LINCOM Europa, 1999.
27. Honti L. Die Grundzahlwörter der uralischen Sprachen. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1993.
28. Dunn M.J., PhD Thes, Australian National University, 1999.
29. Zhukova A.N. Yazyk palanskikh koryakov. L.: Nauka, 1980 (in Russian).
30. Nagayama Yu. Ocherk grammatiki alyutorskogo yazyka. Osaka, 2003 (in Russian).
31. Batchelor J. An Ainu-English-Japanese dictionary (Including a Grammar of the Ainu Language) / 2nd edition. Tokyo: Methodist Publishing House, 1905.
32. Bergsland K. Aleut grammar. Fairbanks: Alaska Native Language Center, 1997.
33. Nasilov V.M. Yazyk orkhono-eniseiskikh pamyatnikov. M.: Vostochnaya literatura, 1960 (in Russian).
34. Ubryatova E.I. Yazyk noril'skikh dolgan. Novosibirsk: Nauka, 1985 (in Russian).

35. Bol'shoi slovar' ketskogo yazyka (s perevodami na russkii, nemetskii i angliiskii yazyki) / Pod obshchim rukovodstvom E.G. Kotorovoi. T. I–II. Myunkhen: LINCOM, 2015 (in Russian).
36. Kuznetsova A.I., Khelimskii E.A., Grushkina E.V. Ocherki po sel'kupskomu yazyku. Tazovskii dialekt. T. I. M.: MGU, 1980 (in Russian).
37. Filchenko A. Aspects of the grammar of Eastern Khanty. Tomsk, 2007.
38. Steinitz W. Dialektologisches und etymologisches Wörterbuch der ostjakischen Sprache. Lfg. 1–15. Berlin: Akademie Verlag, 1966–1993.
39. Kazakevich O.A., Budyanskaya E.M. Dialektologicheskii slovar' sel'kupskogo yazyka (severnoe narechie). Ekaterinburg, 2010 (in Russian).
40. SakhaTyla.Ru (<https://sakhatyla.ru/>).
41. Pakendorf Br., Dejan M., Aralova N., Lavrillier A. Documentation of the dialectal and cultural diversity among Evens in Siberia. 2007–2012. The Language Archive (<https://hdl.handle.net/1839/00-0000-0000F-2DFE-0>).
42. Tereshchenko N.M. Materialy i issledovaniya po yazyku nentsev. M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1956 (in Russian).
43. Sammallahti P. Material from Forest Nenets. Helsinki, 1974.
44. Khelimskii E.A. Ob odnom perekhodnom severnosamodiiskom dialekte // E.A. Khelimskii. Komparativistika. Uralistika. Lektsii i stat'i. M.: Yazyki russkoi kul'tury, 2000. С. 50–55 (in Russian).
45. Glavan A.A. Strukturnye tipy neelementarnykh kolichestvennykh chislitel'nykh v khantyiskom yazyke // Vestnik Yugorskogo gosudarstvennogo universiteta. 2006. Vyp. 2. S. 48–51 (in Russian).
46. Rombandeeva E.I. Sovremennyi mansiiskii yazyk: leksika, fonetika, grafika, orfografiya, morfologiya, slovoobrazovanie. Tyumen': Format, 2017 (in Russian).
47. Riese T. Vogul. München: LINCOM Europa, 2001.
48. Panfilov V.Z. Grammatika nivkhsкого yazyka. Ch. 1. M.; L.: Izd. AN SSSR, 1962 (in Russian).
49. Bartol'd V.V. Sistema schisleniya orkhonskikh nadpisei v sovremennom dialekte // Zapiski Vostochnogo Otdeleniya Imperatorskogo Russkogo Arkheologicheskogo Obshchestva. Tom semnadtsatyi. 1906. SPb.: Tipografiya Imperatorskoi Akademii Nauk, 1907. S. 0171–0173 (in Russian).
50. Tenishev E.R., Todaeva B.Kh. Yazyk zhyoltykh uigurov. M.: Nauka, 1966 (in Russian).
51. Miyaoka O. A Grammar of Central Alaskan Yupik (CAY). Berlin; Boston: de Gruyter Mouton, 2012.
52. Khasanova M.M., Pevnov A.M. Mify i skazki negidal'tsev. Osaka: Osaka Gakuin University, 2003 (in Russian).

Индекс УДК 811.511.142

Код ГРНТИ 16.41.25

DOI: 10.22204/2587-8956-2025-122-03-70-79

А.Д. КАКСИН*

Образ рыбака в рассказе на хантыйском языке: разговорные средства в структуре художественного текста

Статья посвящена одной из сторон когнитивного аспекта реконструкции образа человека в хантыйском языке. Основная задача — выявление того, каким представляется в сознании человек-ханты и как достигается адекватное описание этого человека в тексте. Выполнение данной задачи предполагает рассмотрение языковых средств в двух аспектах: парадигматическом (или статическом) и синтагматическом (или динамическом). После определения ключевого понятия (ханты = рыбак) проводится поиск ключевых слов, определяющих человека, укоренённого на родной земле. По материалам диалектологических словарей хантыйского языка составлены их список (включающий шесть лексических единиц), а также перечень лексико-семантических вариантов, подходящих для характеристики и оценки человека. Сделан вывод о том, что структурно-семантические особенности этих единиц, заложенные в словаре как потенциальные, в полной мере проявляются в тексте, способствуя полной объективации (вербализации) того или иного понятия. За основу текстуального анализа взят рассказ основоположника хантыйской литературы Г.Д. Лазарева «Сорненг тов» («Золотой конь»). В этом произведении описывается жизнь в небольшой рыбацкой деревушке, и главными героями являются представители трёх поколений одной семьи: старый рыбак, его сын и внук. Внимательное прочтение позволяет выявить те средства, с помощью которых автор раскрывает образ персонажей максимально полно. Отчётливо видно, что в описании этих людей (главных героев) автор стремится быть предельно точным. В основном это удаётся, и особенно в тех местах, где приводится прямая речь персонажей. Удачные слова и обороты для характеристики и оценки встречаются также в повествовательных и описательных фрагментах рассказа. При этом отмечается наличие и «общих мест», т.е. фраз и выражений, не свойственных хантыйскому языку. Объяснением их появления в тексте рассказа признаётся несовершенство хантыйского языка в его письменной форме (недостаточная разработанность хантыйского литературного языка).

Ключевые слова: лексические единицы, дискурсивные средства, контекст употребления, характеристика, оценка, хантыйский язык

* **Каксин Андрей Данилович** — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института гуманитарных исследований и саяно-алтайской тюркологии, Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова.

E-mail: adkaksin@yandex.ru

Основой нашего подхода является логико-семантический анализ, направленный на установление способов и средств языковой репрезентации тех или иных явлений объективной реальности. Самая сложная субстанция окружающего мира — человек, и в этом своём качестве он является предметом изучения большого числа научных дисциплин. Лингвистический подход, возможно, чуть более специфичен, поскольку ориентирован на изучение такого неординарного качества человека, как способность претворять мыслительную деятельность в речевую (языковую) форму. Поскольку языков много, наша задача состоит в выявлении способов и средств определённого языка, способствующих адекватному представлению разных сторон человеческой личности.

Наш подход к теме обусловлен также интересом к когнитивной стороне языка, к той сфере, которая является предметом когнитивной лингвистики. В этом случае язык понимается «...как инструмент для организации, обработки и передачи информации и при этом как разновидность способности человека к познанию (наряду с другими способностями). Формальная структура языка рассматривается как отражение законов категоризации и общей понятийной организации» [8, с. 313].

Указанные законы (в сочетании с принципом антропоцентризма) были в центре внимания авторов многих работ по общей лингвистике и отдельным языкам [1, 10, 12, 13, 17].

Среди работ, посвящённых конкретным языкам, выделяются те, где анализируются единицы образно-метафорического плана [2, 6, 7, 11, 3].

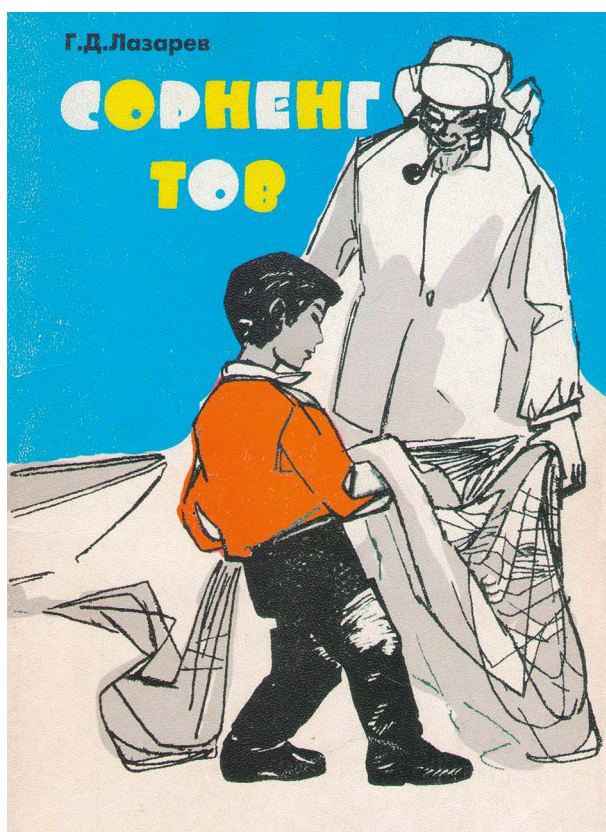
Однако, на наш взгляд, небезынтересными представляются и работы, посвящённые нелексическим явлениям: выясняется, в частности, что многие из грамматических средств опосредованно также могут быть использованы для характеристики и оценки человека [15, 19, 18, 16].

М.И. Черемисина сформулировала свой подход к лексическим/семантическим средствам языка следующим образом: «Алтайским языкам... чужды многие стороны той образности, которая присуща русскому и другим европейским. Например, здесь не принята метафоризация образов животных: людей не называют ослами, медведями, коровами, божьими коровками, змеями и т.д., хотя иногда и сравнивают с животными. Зато для этих языков характерен другой тип образности: специфические образные (но не метафорические!) и звукоподражательные слова... С типологической точки зрения важны такие органические характеристики, как гибкость категориальной семантики слова, способность основы двигаться по разным грамматическим классам, как “открытость” лексических единиц для семантической деривации» [12, с. 76–77].

В системе языка — ещё на парадигматическом уровне — имеется большое число лексических единиц, ориентированных на объективацию (вербализацию) образа человека. Поэтому, прежде чем описывать текстовую семантику, необходимо определить, хотя бы приблизительно, основной состав и характер искомой лексики. Если понимать слово как номинативную единицу, можно заметить, что языки не-много по-разному представляют «устройство» живого и предметного (вещного) мира, окружающего человека. По-разному «отражается в языке» и сам человек — эта многомерная, бесконечно разнообразная субстанция. Лексика любого языка системна, но эта системность проявляется по-разному. Прежде чем обратиться к текстовому воплощению образа рыбака, укажем на имеющийся словарный материал.

В речевых высказываниях и текстах должны быть употребительны слова, характеризующие человека-рыбака: предположительно, со значениями ‘сила’, ‘сильный’, ‘мощь’, ‘мощный’, ‘крепкий’, ‘здоровый’. Такие слова имеются:

jur ... Kraft, Stärke / сила; — Fähigkeit, Möglichkeit ...; Macht, Gewalt (z. B. des Beamten); Tragfähigkeit ...

Ил. 1. Обложка книги Г.Д. Лазарева «Сорненг тов» («Золотой конь»)

jurəŋ ... stark [20, с. 403].

ЙУР *суц.* сила: *Муй арат йур тайсэм, муй арат щом тайсэм* — Сколько у меня было сил, сколько у меня было мощи [5, с. 48].

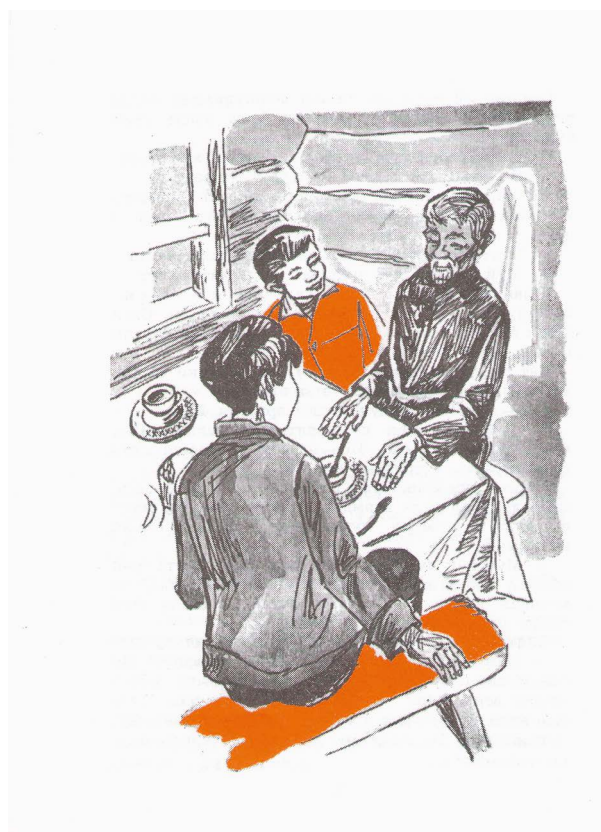
ЩОМ *суц.* сила: *Щом айн тайэл* — Нет сил; *Щомэл айтэм* — Нет сил; *Муй арат йур тайсэм, муй арат щом тайсэм... ин нэмэлт айтэм* — Сколько у меня было сил, сколько у меня было мощи... сейчас ничего нет. ...

ЩОМЭН *прил.* сильный [Там же, с. 154].

ВЕВ *суц.* сила, мощь: *Вевэл айтэм* — Сил у него нет; *Вев айт тайэл* — Сил не имеет. ...

ВЕВЭН *прил.* мощный, могучий, значительный, сильный [Там же, с. 28].

ТАКСЭР *прил.* крепкий, здоровый: *Лүв сэң таксэр нэңхуй, нэмаса порайна кәсаң айт уллийэл* — У него очень крепкий организм, он никогда не болеет; *Нэврэмлам тумтака па таксэра энэмлэт* — Дети растут сильными и здоровыми [Там же, с. 123].

Ил. 2. Рисунок Г. Кетова к книге Г.Д. Лазарева «Сорненг тов» [9, с. 8]

В тексте (ил. 1) эти слова встречаются, но спорадически. Очевидно, автор интуитивно угадывает, что не прямое употребление этих слов точно характеризует рыбака. Человека, всецело занятого делом всей жизни, лучше всего характеризуют слова, посвященные его трудолюбию, терпению, упорству, азартности, преданности избранному пути. Также хорошо характеризует героя его речь.

Таты артны иси па кенышик тувета хут ветпыса янгхта: товны янгхыт. Сютны шенгк ант туймийтл. Интам, тунгын! Иса тувы **юрытны** янгхыт [9, с. 23] 'Зимой всё же легче ему ездить на рыбный промысел: на лошади ездит. Поэтому сильно не устаёт. Теперь-то, летом! Все своими силами ездит'.

Хун хоят **семыт кемны** мотты вертл, сиртны самыта амыт йит па ухыта арсыр атым номсыт ант ёхыттыт [Там же] 'Кто сообразно своим силам что-то делает, у того и сердце радуется, и в голову разные дурные мысли не приходят' (ил. 2).

Нонгат Шовыр посл унта тутэв, сита еты нонг **нонгы юрены** мантытн [Там же, с. 25] ‘Довезём тебя до Заячьей протоки, оттуда дальше ты **своими силами** поедешь’.

Далее рассмотрим примеры употребления искомых слов и словосочетаний в контексте выражения отношения человека к своему делу (труду). В следующих предложениях речь идёт о рыбаках и занятии рыболовством:

— Нонг сирены ма тутн етын ат омсым? Ма **самем сит пета ант утл**. Хун хоят **семьт кемны мотты вертл**, **сиртны самыта амыт йит** па ухыта **арсыр атым номсыт ант ёхыт-тыт** [Там же, с. 23] ‘По-твоему, я дома должен сидеть? Моё **сердце** к этому **не лежит**. Когда человек, по своим возможностям, что-то делает, тогда его **сердце радуется**, и в голову разные плохие мысли не приходят’.

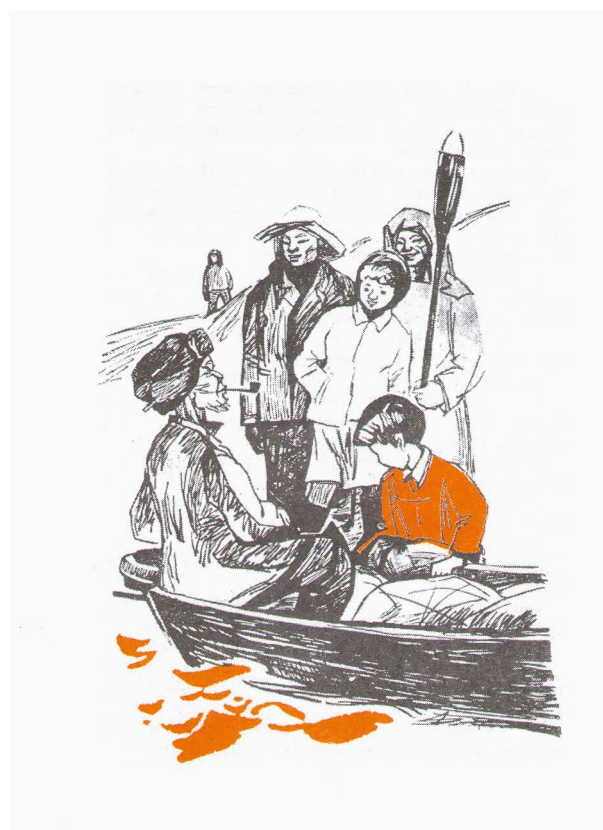
— Рутситыт па ситта еты мантыт. Ситы, **пох, верыт си уттитыт** [Там же, с. 25] ‘Отдохнут и потом дальше идут. Так вот, **сын-ок, дела и бывают**’.

— Ма вантэмны, нын ма тохытпем **вер-тын яма мйантыт**, — ай няха восилман, **лопыс Пётр** [Там же, с. 31] ‘Я смотрю, у вас и без меня дела хорошо идут, — **добродушно посмеиваясь**, сказал Пётр’.

— Нонг иси па нэпекынг хо, сютны си та-вырт, уны **верыт, сора ухена вуйтан**. Сит **ям вер** [Там же, с. 33] ‘Ты, однако, грамотный человек, эти сложные дела **быстро позна-ешь** (букв.: в голову берёшь). Это хорошо (букв.: хорошее дело)’.

— Ма нумыстым, нонг мотор манэма оша павыттэн. Там **вер ухтыны номысны матэн**. Па ситта моторны туттиты **верен номыса анта рахыт...** [Там же] ‘Я думаю, что ты на-учишь меня обращаться с мотором. Этому делу **обучишь** меня. А если (у меня) ездить на моторе дело **не пойдёт...**’

Конечно, кроме приведённых образцов в хантыйском языке представлено много других слов и оборотов, употребление которых позволяет рассказать о приверженности человека делу жизни, о его трудолюбии, целеустремлённости, добросовестности. Например, о своём призвании можно сказать так:

Ил. 3. Рисунок Г. Кетова к книге Г.Д. Лазарева «Сорненг тов» [9, с. 16]

— Па ситта ма **хут ветты хоят тывсым**. Йингк — там ма **тытэм** [Там же, с. 25] ‘И потом, я ведь **родился рыбаком**. Вода — это моя жизнь’.

Синонимичной приведённой является следующая фраза:

Аты омыста там ики ант хантл [Там же, с. 35] ‘**Просто так сидеть** этот человек **не умеет**’.

Преимственность поколений людей, желающих трудиться, быть полезными обществу именно в этом качестве (ил. 3), ярко выражена в заключительном диалоге книги, посвящённой рыбакам:

— Сантыр, нонг па муя нонг **вотанген пирысь** ики омысыптысэн рупитта? Сыры нонг **туват тутисэн**, а интам **пирысь** ики мотор **туттита тэсятсэн**.

Сантыр еты **няхман лопыс**:

— Ма хун **омсыптысэм**. Тув тувы **номыс вермат моториста утта**. А ма **космонавта питтым** [Там же, с. 19] ‘Сантыр, а почему ты вместо себя старика заставил работать?’

Раньше ты его возил на лодке, а теперь старого человека посадил за руль.

Сантыр со смехом отвечал:

— Я не заставлял его. Он сам решил быть мотористом. А я космонавтом буду'.

По этим фрагментам текста видно, что каждый признак значимой единицы хантыйского языка находится в сложной взаимозависимости с другими соотносящимися признаками. Концептуальность текста, его «внутренняя форма», его сущность проявляются в изоморфизме: в том, что общие свойства и закономерности объединяют единицы разной сложности. Другими словами, слова в тексте «подогнаны» друг к другу.

В своём функционировании человеческая речь не всегда должна быть образной и выразительной, поскольку она всегда прагматична. Языки Севера — языки народов, небольших по численности. Но и в этом случае, для небольшого коллектива, язык исправно выполняет свою главную функцию — быть средством коммуникации, давать возможность людям действовать сообща [14, с. 6–7].

При этом в каждом отдельном случае проявляется одно из основных свойств любого языка — наиболее подходящими средствами реализовывать заключённую внутри языка энергию (или экспрессию). Энергия языка сосредоточена и проявляется в материальности (многие элементы языка изучаются с привлечением данных биологии и физики), в краткости (экономности), в точности, проистекающей из ясности цели (каждого высказывания). В качестве примера можно привести небольшой устный рассказ (моего отца): человек говорит достаточно медленно, не особо эмоционально, но, на самом деле, его незамысловатая речь — это сгусток энергии. И во многом это внутреннее напряжение создаётся именно желанием высказать свою любимую мысль (о преемственности между поколениями). За этими простыми словами отчётливо видно также его внутреннее любование теми картинками, которые вспоминаются ему, проходят пе-

ред его глазами (с дедом на рыбной ловле, в окружении близких людей в родной деревне и т.д.).

Языки народов Севера по большей части бесписьменные или младописьменные. Конечно, нужно стремиться к увеличению числа авторских (литературных, художественных, переводных) текстов, но также важно сохранять речевые образцы (устные рассказы, воспоминания). Именно в этих образцах могут встретиться яркие примеры точных и экспрессивных высказываний.

Современный хантыйский язык, как и многие другие, точнее всего определяется как *разговорный*. Безусловно, он давно уже письменный, на нём создано значительное число текстов (и тот рассказ, который мы ниже будем разбирать, предстаёт, конечно, в письменном виде), но при этом хантыйский язык воспринимается прежде всего как выполняющий первую функцию языка — коммуникативную. Именно эту сторону языка детально рассматривал в одной из своих работ Н.Б. Вахтин, предваряя свой анализ вопросом, суть которого сводится к следующему: что является залогом успешной коммуникации двух людей, говорящих на одном языке, но различающихся по другим возможным «параметрам» (полу, возрасту, социальному положению и т.п.)?» Ответ: результативность коммуникации обеспечивают «разнообразные механизмы, позволяющие гасить... расхождения, механизмы обратной связи между говорящим и слушающим, способы переспросов и перепроверок, да и чисто языковые механизмы компенсации, снижения различий, достижения понимания» [4, с. 164–165].

Далее в статье Н.Б. Вахтин называет и некоторые эффективные детали «механизма обратной связи», наиболее яркие языковые средства «достижения понимания»: различные виды синонимии, повторы, переспросы, цитаты, аллюзии. Безусловно, такие средства в тексте разбираемого рассказа встречаются (в дальнейшем изложении обратим на них внима-

ние), но мы бы добавили к ним и другие: разнообразные эвиденциальные формы (и маркеры), риторические вопросы, специальные синтаксические конструкции: восклицания, образные слова и выражения (в том числе юмористического характера).

Как, например, в известном рассказе Г.Д. Лазарева «Золотой конь», в котором именно речь персонажей очень убедительно (и красочно) передаёт все неповторимые нюансы жизни на рыбацком стойбище. Один эпизод в нём особенно красноречив, и сначала представим его весь целиком.

Хун хувын утты сумтынг пай нумпины хатл нох катыс, Микай Ойка тыштыта питыс:

— Хув, хотты, Петр си янгхыт, хутыт антат шактыт.

Пирысь ики самыт ѡнт пакыс: ѡнтом па тув хопа тэтымтыйтмат, па торын эвыт верым хут лангкып айтта ий отнгыт эвыт катылман, нохтышик атмыйтсытэ па хутта нох вантмат. Антом па Пётр маным пант хуват сэмнгыт поныйттэ па хув ситы ватмат, па еты потыртмат:

— Хув си янгхыт, муйтат вертл? [9, с. 30] 'Когда солнце поднялось уже над дальним березняком, Микай Ойка забеспокоился:

— Долго, однако же, Пётр ездит! Как бы рыба не испортилась!

У старика сердце не выдерживало: он то и дело залезал в лодку, ухватывая за один конец сделанную из травы накидку, приподнимал её и осматривал рыбу. Потом устремлял взгляд в ту сторону, куда уехал Пётр, долго всматривался и снова повторял:

— Долго же ездит! И что там делает?

А теперь обратим внимание именно на речь человека, о котором мы выносим суждение. Всего две реплики старого рыбака, следующие друг за другом с небольшим интервалом, — и мы уже воочию видим всю картину, представляем персонажа как реального, живого человека.

— Хув, хотты, Пётр си янгхыт, хутыт антат шактыт! 'Долго, однако же, Петр ездит! Как бы рыба не испортилась!' —

Хув си янгхыт, муйтат вертл? 'Долго же ездит! И что там делает?'

Нет сомнений, что по мере усложнения системы языка требуется семантическое развитие, имеющее основанием не только аффиксацию, но и другие способы «расширения семантики», в том числе за счёт многозначности и метафоризации. Думаем, что каждый из языков народов Севера вполне адекватно реализует те возможности, которые даются любому естественному языку.

Основа системности языка, её «внутренняя форма», её сущность проявляются в изоморфизме: в том, что общие свойства и закономерности объединяют единицы разной сложности.

Рассматривая типологические черты (общие и отличительные) языков мира, можно проследживать и такие типологические характеристики, которые касаются также и общих закономерностей семантической организации словарного состава. Заметно, что слова в разных языках не одинаковым образом объединяются в классы, соотносящиеся с морфологическими категориями или синтаксическими функциями. Имеются в виду не только классы того ранга, которому соответствует понятие о частях речи, но и более частные группировки, а также и группировки, основанные на иных принципах. Например, в китайском языке имена, для того чтобы стать счётными, должны получить индивидуализатор — счётное слово, и имена группируются в соответствии с этими счётными словами.

В хантыйском языке нет такого явления, как организация (группировка) имён по семантическим классам, имеющая далее выход в какую-либо морфологическую категорию, но есть другие интересные семантические явления, сопоставимые с аналогичными явлениями в других языках. Такие элементы часто встречаются в рассматриваемом рассказе, и они легко обнаруживаются, если последовательно придерживаться того взгляда, что хантыйский язык, прежде всего, — разговорный. Наиболее интересными оказываются те места, где

автор в своём письменном тексте попадает в стилистику простой, но точной и правильной хантыйской речи.

Вот как в самом начале представлен старый рыбак Михаил Остин, вернувшийся с длительного промысла.

Веншл ий мормынга ёвмат, пухтымнгыт ёхи рохынсыннгын, венш сохыт хатл ешит эвыт пивта сермат, катра ёхымьюх кар хорасыпа. Порти хорасып туш пунтат ий нова хатсимет [9, с. 23] 'Лицо его всё сморщилось, щеки ввалились внутрь, кожа на лице под лучами солнца обуглилась, (стала) как старая древесная кора. Острые пики усов и бородки совсем белёсыми стали'.

Как видим, для точной характеристики внешнего вида много работавшего старого человека выбраны формы так называемого неочевидного наклонения и развёрнутое сравнение. В повествовательной части рассказа отметим и другие выразительные средства.

В исследование вовлекаются все части речи, прежде всего имена существительные и прилагательные (в том числе — в составе связанных сочетаний). Глаголы разных лексико-семантических групп рассматриваются только в случае их вхождения в глагольно-именные сочетания и фразеологические обороты. Языковая рекон-

струкция образа человека предполагает выявление многомерных структур, представляющих сочетание элементов, которые указывают на коммуникативную, прагматическую, когнитивную их значимость.

Ещё раз можно убедиться в правильности суждения: ничто так точно не характеризует человека, как его речь.

Итак, перед нами вполне определённые семантические группы. Разную функцию в организации таких семантических групп выполняют и такие «привычные», казалось бы, отношения, как полисемия, синонимия, антонимия, омонимия, паронимия. Речь идёт не о таких «прямых» характеристиках, как богатство синонимии или, скажем, абстрактной лексики, — эти признаки связаны не с типом языка, а с уровнем его культурно-исторического развития [12, с. 76–77].

Эти отношения в хантыйском языке (в том числе и внутри приведённой группы) будут предметом нашего внимания в дальнейшем. Пока же в заключение выскажем следующее: кроме семантико-грамматической деривации, есть много способов, возможностей, которыми располагают человеческие языки для своего развития и совершенствования в лексико-семантической сфере.

ЛИТЕРАТУРА

1. Апресян Ю.Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Вопросы языкознания. 1995. № 1. С. 37–67. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=18801389>.
2. Байдак А.В. Метафоры и образные схемы в селькупском языке // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2013. Вып. 2 (2). С. 9–15. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=20191623>.
3. Бурькин А.А. Из опыта изучения парадигматики фразеологических единиц русского языка (*вставить свои пять копеек*) // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2018. Т. 4, № 1. С. 5–14. DOI: http://dx.doi.org/10.22250/2410-7190_2018_4_1_5_14.
4. Вахтин Н.Б. Заметки об одной особенности акта коммуникации // Антропологический форум. 2005. № 3. С. 148–166. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=11990691>.
5. Диалектологический словарь хантыйского языка (шурышкарский и приуральский диалекты) / С.И. Вальгамова, Н.Б. Кошкарева, С.В. Онина, А.А. Шиянова / Под ред. Н.Б. Кошкаревой. Екатеринбург: Издательство «Баско», 2011. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21200425>.
6. Каксин А.Д. О вводных средствах выражения модальности в хантыйском языке // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2014. Вып. 2 (4). С. 9–16. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21611178>.

7. Каксин А.Д. О табу и подставных названиях в хантыйском и хакасском языках // Там же. 2016. Вып. 1 (11). С. 45–52. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=26166429>.
8. Кронгауз М.А. Семантика: Учебник для вузов. М.: Издательский центр РГГУ, 2001. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=18741917>.
9. Лазарев Г.Д. Сорненг тов. Рассказ на языке ханты. Ханты-Мансийск: Полиграфист, 1999.
10. Рахилина Е.В. Основные идеи когнитивной лингвистики // Фундаментальные направления современной американской лингвистики. М.: Изд-во МГУ им. М.В. Ломоносова, 1997. С. 370–389.
11. Цыпанов Е.А. Метафорический перенос *название предмета* → *пейоратив* в коми языке // Филологические исследования — 2017: Фольклор, литературы и языки народов Европейской части России: формы, модели, механизмы взаимодействия. Сборник статей по итогам Всероссийской научной конференции / Институт языка, литературы и истории Коми НЦ УрО РАН. Сыктывкар, 2017. С. 101–105. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=32460141>.
12. Черемисина М.И. Языки коренных народов Сибири: Учебное пособие / Новосибирский государственный университет. Новосибирск, 1992. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23076314>.
13. Черемисина М.И. Язык как явление действительности и объект лингвистики: Учебное пособие / Новосибирский государственный университет. Новосибирск, 1998. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23077041>.
14. Черемисина М.И. Состояние языка как показатель состояния духовной культуры народности // Предложение как единица языка и речи: Материалы Всероссийского научного симпозиума с международным участием, посвящённого 95-летию со дня рождения М.И. Черемисиной / Отв. ред. Е.В. Тюттешева. Новосибирск: Академиздат, 2019. С. 4–11.
15. Чертыкова М.Д. Концептуальное пространство *уйам* «стыд, стыдиться» в хакасской языковой картине мира // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2017. Вып. 1 (15). С. 44–51. DOI: <http://dx.doi.org/10.23951/2307-6119-2017-1-44-51>.
16. Csepregi M. Evidentiality in Dialects of Khanty // *Linguistica Uralica*. 2014. Vol. 50. Issue 3. Pp. 199–211. DOI: <http://dx.doi.org/10.3176/lu.2014.3.04>.
17. Potanina O., Filchenko A. A theory and typology of possession in Ob-Yenisei languages // *Procedia-Social and Behavioral Sciences*. 2015. Vol. 206. Pp. 76–84. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.sbspro.2015.10.031>.
18. Salo M. Mordvin *t*-derivatives — the semantic equivalent for the impersonal // Урал-алтайские исследования. 2010. № 2 (3). С. 72–87.
19. Söder T. «Walk This Way»: Verbs of Motion in Three Finno-Ugric Languages / *Acta Universitatis Upsaliensis. Studia Uralica Upsaliensia* 33. Uppsala, 2001.
20. Steinitz W. *Dialektologisches und etymologisches Wörterbuch der Ostjakischen Sprache*. Berlin: Akademie Verlag, 1966–1991.

Image of Fisherman in Khanty Narrative: Colloquial Means in Structure of Fictional Text

Andrey Danilovich Kaksin — Doctor of Philology, leading researcher at the Institute of Humanitarian Studies and Sayan-Altai Turkology, Khakassian State University named after N. F. Katanov.
E-mail: adkaksin@yandex.ru

The article is devoted to one of the aspects of the cognitive part of reconstruction of the human image in the Khanty language. The key task was to identify a mental image of a Khanty person and an adequate description of this person in a text. This task required studying the linguistic means in two aspects: paradigmatic (or static) and syntagmatic (or dynamic). After defining the key concept (Khanty = fisherman), the author conducted a search for

keywords defining a person rooted in the native land. Based on the dialectological dictionaries of the Khanty language, the author compiled a list of these definitions, including six lexical units, as well as a list of lexical-semantic variants for defining and evaluating a person. The study concluded that the structural and semantic features of these units, embedded in the dictionary as potential, are fully manifested in a text, contributing to the complete realization (verbalization) of the concept. The textual analysis is based on the story of the founder of Khanty literature, Grigory Lazarev, "Sorneng tov" ("The Golden Horse"). The story describes life in a small fishermen's village; the main characters are three generations of one family: an old fisherman, his son and grandson. Careful reading allows identification of means employed by the author to develop the characters as fully as possible. It is clear that the author, Lazarev, strives to describe the characters extremely accurately. He succeeds, especially with the direct speech of the characters. The words and phrases that describe and evaluate a person are also found in the story's narrative and descriptive fragments. There are also commonplace phrases and expressions that are not typical of the Khanty language. This is explained by the imperfection of the Khanty language in its written form (insufficient development of the Khanty literary language).

Keywords: lexical units, discursive means, context of use, characterization, evaluation, Khanty language

REFERENCES

1. Apresyan Yu.D. Obraz cheloveka po dannym yazyka: popytka sistemnogo opisaniya // Voprosy yazykoznaniiya. 1995. № 1. S. 37–67. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=18801389> (in Russian).
2. Baidak A.V. Metaforiy i obraznye skhemy v sel'kupskom yazyke // Tomskii zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovaniy. 2013. Vyp. 2 (2). S. 9–15. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=20191623> (in Russian).
3. Burykin A.A. Iz opyta izucheniya paradigmاتي frazeologicheskikh edinit russkogo yazyka (vstavit' svoi pyat' kopeek) // Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika. 2018. T. 4, № 1. S. 5–14. DOI: http://dx.doi.org/10.22250/2410-7190_2018_4_1_5_14 (in Russian).
4. Vakhtin N.B. Zametki ob odnoi osobennosti akta kommunikatsii // Antropologicheskii forum. 2005. № 3. S. 148–166. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=11990691> (in Russian).
5. Dialektologicheskii slovar' khantyiskogo yazyka (shuryshkarskii i priural'skii dialekty) / S.I. Val'gama, N.B. Koshkareva, S.V. Onina, A.A. Shiyanova / Pod red. N.B. Koshkarevoi. Ekaterinburg: Izdatel'stvo «Basko», 2011. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21200425> (in Russian).
6. Kaksin A.D. O vvodnykh sredstvakh vyrazheniya modal'nosti v khantyiskom yazyke // Tomskii zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovaniy. 2014. Vyp. 2 (4). S. 9–16. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=21611178> (in Russian).
7. Kaksin A.D. O tabu i podstavnykh nazvaniyakh v khantyiskom i khakasskom yazykakh // Tam zhe. 2016. Vyp. 1 (11). S. 45–52. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=26166429> (in Russian).
8. Krongauz M.A. Semantika: Uchebnik dlya vuzov. M.: Izdatel'skii tsentr RGGU, 2001. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=18741917> (in Russian).
9. Lazarev G.D. Sorneng tov. Rasskaz na yazyke khanty. Khanty-Mansiisk: Poligrafist, 1999 (in Russian).
10. Rakhilina E.V. Osnovnye idei kognitivnoi lingvistiki // Fundamental'nye napravleniya sovremennoi amerikanskoi lingvistiki. M.: Izd-vo MGU im. M.V. Lomonosova, 1997. S. 370–389 (in Russian).
11. Tsypanov E.A. Metaforicheskii perenos *nazvanie predmeta* → *peiorativ* v komi yazyke // Filologicheskie issledovaniya — 2017: Fol'klor, literatury i yazyki narodov Evropeiskoi chasti Rossii:

- formy, modeli, mekhanizmy vzaimodeistviya. Sbornik statei po itogam Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii / Institut yazyka, literatury i istorii Komi NTS UrO RAN. Syktyvkar, 2017. S. 101–105. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=32460141> (in Russian).
12. Cheremisina M.I. Yazyki korennykh narodov Sibiri: Uchebnoe posobie / Novosibirskii gosudarstvennyi universitet. Novosibirsk, 1992. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23076314> (in Russian).
 13. Cheremisina M.I. Yazyk kak yavlenie deistvitel'nosti i ob"ekt lingvistiki: Uchebnoe posobie / Novosibirskii gosudarstvennyi universitet. Novosibirsk, 1998. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=23077041> (in Russian).
 14. Cheremisina M.I. Sostoyanie yazyka kak pokazatel' sostoyaniya dukhovnoi kul'tury narodnosti // Predlozhenie kak edinita yazyka i rechi: Materialy Vserossiiskogo nauchnogo simpoziuma s mezhdunarodnym uchastiem, posvyashchyonnogo 95-letiyu so dnya rozhdeniya M.I. Cheremisinoy / Otv. red. E.V. Tyuntesheva. Novosibirsk: Akademizdat, 2019. S. 4–11 (in Russian).
 15. Chertykova M.D. Kontseptual'noe prostranstvo *uiat* «styd, stydit'sya» v khakasskoi yazykovoi kartine mira // Tomskii zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovaniy. 2017. Vyp. 1 (15). S. 44–51. DOI: <http://dx.doi.org/10.23951/2307-6119-2017-1-44-51> (in Russian).
 16. Csepregi M. Evidentiality in Dialects of Khanty // *Linguistica Uralica*. 2014. Vol. 50. Issue 3. Pp. 199–211. DOI: <http://dx.doi.org/10.3176/lu.2014.3.04>.
 17. Potanina O., Filchenko A. A theory and typology of possession in Ob-Yenisei languages // *Procedia-Social and Behavioral Sciences*. 2015. Vol. 206. Pp. 76–84. DOI: <http://dx.doi.org/10.1016/j.sbspro.2015.10.031>.
 18. Salo M. Mordvin t-derivatives – the semantic equivalent for the impersonal // *Uralo-altaiskie issledovaniya*. 2010. № 2 (3). S. 72–87.
 19. Söder T. «Walk This Way»: Verbs of Motion in Three Finno-Ugric Languages / *Acta Universitatis Upsaliensis. Studia Uralica Upsaliensia* 33. Uppsala, 2001.
 20. Steinitz W. *Dialektologisches und etymologisches Wörterbuch der Ostjakischen Sprache*. Berlin: Akademie Verlag, 1966–1991.

Индекс УДК 811.351.22

Код ГРНТИ 16.41.29

DOI: 10.22204/2587-8956-2025-122-03-80-92

Р.О. МУТАЛОВ*

Сравнительный анализ кадарского и мегебского: сходства и различия в даргинской ветви нахско-дагестанских языков

Статья посвящена выявлению общих языковых черт и различий, которые имеются между кадарским диалектом севернодаргинского языка и мегебским языком. Рассмотрены различные аспекты звуковой системы и морфологической структуры сравниваемых идиом. Несмотря на то, что они распространены на значительном расстоянии друг от друга и не имеют прямых контактов, в них обнаруживается множество общих явлений; часто данные явления не встречаются в других даргинских языках и диалектах, в том числе и близких кадарскому мекегинскому и губденскому. В ходе работы над проектом выявлено, что наиболее близким мегебскому языку является кадарский идиом. Ранее же в работах даргиноведов предполагалось его родство с мугинским, урахинским, дибгашинским либо мюрего-губденским диалектами. Проведённый в статье анализ материала даёт возможность говорить и о причинах того, почему сравниваемые идиомы имеют столь большое число лингвистических общностей. Предполагается, что много веков назад предки кадарцев и мегебцев жили компактно, примерно в центре даргиноязычного ареала, и говорили на одном диалекте, близком к мекегинскому. В результате многочисленных иноземных нашествий им пришлось мигрировать: мегебцы переместились в западную сторону, кадарцы – в северную. Кадарский диалект, хотя и имеет немало своеобразных черт, остаётся более или менее понятным для других даргинцев. Мегебский же идиом, который довольно долго развивается в иноязычном окружении, обладает значительным числом специфических особенностей, присущих лишь данной речи, что даёт возможность выделить его в качестве самостоятельного языка.

Ключевые слова: нахско-дагестанские языки, даргинские языки, лингвистическая классификация, мегебский язык, кадарский диалект, звуковые процессы, именные части речи, категория числа, склонение, глагол

Дагестан, издревле известный как «страна гор» и «гора языков», по праву считается самым многоязычным регионом России: на срав-

нительно небольшой территории сосредоточено множество языков и диалектов, однако пока не установлено их точное количество. Проблема разграничения

* **Муталов Расул Османович** — доктор филологических наук, главный научный сотрудник отдела кавказских языков Института языкознания РАН, руководитель проекта «Документирование кадарского языка: грамматический очерк, тексты, словари» (18-012-00718).
E-mail: mutalovr@mail.ru

языков и диалектов особенно остро стоит в даргиноязычном ареале Центральной части горного Дагестана: пока нет однозначного решения относительно классификации даргинских идиом. В классификациях 20–30-х гг. прошлого века выделялись три даргинских языка: даргинский, кубачинский и кайтагский. Затем, исходя из экстралингвистических соображений, властями было принято решение считать даргинские идиомы одним языком, хотя лингвисты всегда говорили о наличии существенных различий между даргинскими диалектами.

В 1985 г. вышла книга С.М. Хайдакова под названием «Даргинский и мегебский языки: принципы словоизменения» [1], где он разграничил эти языки. В классификации Ю.Б. Корякова выделены 17 языков даргинской группы; кадарский и мегебский автор считает самостоятельными языками [2, с. 33–36]. Д. Форкер выделила 18 даргинских языков [3, с. 8]. В предложенной нами классификации, ставшей основой разграничения даргинских языков и диалектов в списке языков России (<http://jazykirf.iling-ran.ru/>), выделены шесть языков даргинской группы: севернодаргинский, мегебский, цудахарско-сирхинский, кубачинский, кайтагский, чирагский [4, с. 20]. Учитывая множество специфических черт, выявленных в мегебском, он рассматривается в качестве отдельного языка, а кадарский выделен в качестве диалекта севернодаргинского языка.

Методика исследования

Изучение особенностей кадарского идиома началось в рамках проекта РФФИ «Документирование кадарского языка: грамматический очерк, тексты, словари» (18-012-00718) (ил. 1); до этого о нём имелись лишь отрывочные сведения [5]. В ходе работы над проектом были исследованы фонетическая система, морфология и синтаксические конструкции кадарского диалекта. Лексика и фразеология диалекта получили освещение в работе Н.А. Вагизиевой [6]. Кадарский диалект близок к диалектам ме-

кегинского типа, входящим в севернодаргинский язык: мекегинскому, губденскому, мюрегинскому [5], но в то же время обладает значительным числом особенностей как в звуковой системе, так и в грамматическом строе.

Мегебский идиом в даргиноведческой литературе получил относительно неплохое освещение. Данные о нём приведены в работе С.М. Гасановой [5]; А.А. Магометов издал монографию «Мегебский диалект даргинского языка» [7]; С.М. Хайдаков исследовал систему мегебского словоизменения в сравнении с другими даргинскими идиомами [1]. Относительно недавно московские лингвисты издали на английском языке «Очерки по мегебскому языку» [8]. Лексический материал кадарского и мегебского идиомов приведён в диалектологическом словаре даргинского языка [9].

До недавнего времени оставался спорным вопрос о родстве мегебского языка с другими даргинскими языками и диалектами. Мегебцы, проживающие ныне вдали от других даргинцев, в Гунибском районе Дагестана, считаются выходцами из села Муги Акушинского района, переселившимися из-за войн. Но жители двух этих селений языка друг друга не понимают. П.К. Услар, первый исследователь даргинских языков, пишет, что «жители Миамухли (Мегеб) говорят на речи Мухли (Муги), но весьма испорченным» [10, с. 4]. А.А. Магометов считает, что звуковую систему мегебского можно уподобить звуковой системе урахинского диалекта [7, с. 8]. По мнению С.М. Хайдакова, мегебский язык является близким к дибгашинскому [1, с. 13]. По результатам лексико-статистического анализа, проведённого Ю.Б. Коряковым, данный язык имеет сходство с диалектами мюрего-губденского типа. При подобном разбросе мнений важно было установить место мегебской речи в системе даргинских языков и диалектов.

Проведённый в ходе работы над проектом анализ кадарского материала даёт нам возможность предположить, что

Ил. 1. Фото участников проекта.
Слева направо: Н.А. Вагизиева, У.У. Гасанова и Р.О. Муталов

Ил. 2. Кадарское село Карамахи

по своим характеристикам мегебский всё же наиболее близок к кадарскому идиому [4]. Однако до сих пор не было исследований, подтверждающих данную гипотезу. Интерес вызывают также причины подобного родства — казус заключается в том, что селения Кадар (ил. 2) и Мегеб (ил. 3) находятся на расстоянии более 120 км друг от друга (ил. 4). Кадарский идиом распространён в крайней северной части даргинского ареала, в Буйнакском районе РД, в тюркоязычном окружении; мегебский также находится вне зоны даргинцев, в западной стороне, соседствуя с аварским и лакским языками. Следовательно, языковые контакты между ними исключены полностью. В качестве объяснения данного факта была выдвинута гипотеза, согласно которой некогда предки кадарцев и ме-

гебцев жили компактно, в центре даргиноязычного ареала, и говорили на одном языке; впоследствии произошли их миграции на запад и на север [11, с. 343].

Основной целью данной статьи является сравнение материала кадарского и мегебского идиомов, а также выявление имеющихся лингвистических общностей и различий. Актуальность темы статьи заключается, с одной стороны, в том, что до сих пор в даргиноведении не проводились системные исследования, в которых сравнивался бы материал разных даргинских диалектов и языков, что создаёт сложности в установлении степени родства между ними и в определении их места в лингвистических классификациях. С другой стороны, в век глобализации налицо процессы языкового сдвига и исчезновения малых языков — даже в самых отдалённых горских селениях дети между собой говорят уже только на русском языке. И задача сохранения малых языков, срочной паспортизации и исследования их материала остаётся крайне важной.

Основными методами исследования являются методы полевой лингвистики, метод синхронного анализа и сравнительно-исторический метод. В ходе исследования использовались имеющиеся грамматические описания и отдельные статьи, посвящённые кадарскому и мегебскому идиомам [1, 5–8, 13, 15, 16]. Кадарский материал сравнивается также с материалом мекегинского, губденского, акушинского диалектов.

Результаты и обсуждение

В большинстве даргинских языков и диалектов функционируют геминированные (напряжённые, интенсивные) согласные. Они встречаются во всех южнодаргинских и некоторых севернодаргинских идиомах (мугинском, муиринском, гапшиминском).

В большинстве севернодаргинских диалектов геминированным смычным соответствуют звонкие смычные и аффрикаты, а геминированным спирантам – простые фрикативные: *ккуртта* «лиса» (южнодарг.) – *гурда* (севернодарг.), *иши* «село» – *ши*. Предполагается, что геминированные звуки существовали ещё в прадаргинском языке [12], но впоследствии исчезли в севернодаргинских языках.

В современной речи кадарцев (ил. 5) и мегебцев геминированные звуки не функционируют [8, с. 23]. Тем не менее в мегебских материалах А.А. Магометова, собранных в 40–50-е гг. прошлого века, зафиксировано значительное количество слов, в которых отмечены геминированные звуки: «В мегебском, в отличие от урахинского, на наш слух, мы различаем и интенсивные звуки (хотя, быть может, и не так ярко), характерные для диалектов типа цудахарского. Например, в словах *ссинка* «медведь», *ттагда* «петух», *ккату* «кошка» и т.д.» [7, с. 8]. Щелевой звук *ш* в кадарском, по данным информантов, также произносится напряжённо – *иш*; в ряде случаев для его отображения используется графема *щ* [13]: *даршкьящ* *милякь* «сороконожка», *гъуш* «летняя стоянка чабанов», *нуцийи* «наш, наша, наше». Вышесказанное свидетельствует о процессе исчезновения геминированных согласных в севернодаргинских идиомах.

Одной из фонетических особенностей, объединяющих кадарский и мегебский идиомы (в отличие от других севернодаргинских диалектов, в которых не представлены геминированные звуки, в том числе мекегинском и губденском), является отсутствие звонких аффрикат *дз* и *дж* [5, с. 111]. Этим звукам

Ил. 3. Село Мегеб

Ил. 4. Карта даргинских языков (Ю.Б. Коряков)

в рассматриваемых идиомах соответствуют звонкие *ж* и *з*. Однако в данном случае наблюдается живой процесс перехода аффрикат в спиранты. Как отмечает А.А. Магометов, «звонкие аффрикаты

Ил. 5. Участник проекта М.С. Багамаева работает с носителем кадарского диалекта А. Султанамедовым

дж и дз в мегебском лучше сохранились в речи старшего поколения; отмечается тенденция их спирантизации, параллельно можно услышать: *удзи/узи* «брат» [7, с. 8].

Другой важной особенностью, отличающей сравниваемые кадарский и мегебский (ил. 6) идиомы от мекегинского и губденского, а также всех других даргинских языков и диалектов, является назализация в слове «четыре»: *а^нгъвал* (кадар.). По свидетельству А.А. Магометова, в мегебском «в числительном *а^нгъвал* «4» представлен назализованный гласный, в числительном же *анцIалийал* «40» вместо назальности выступает носовой *н*, при этом корневой согласный числительного «четыре» — лабиализованный *гъв*, в числительном «сорок» не сохранился» [7, с. 58]. Назализация, как правило, встречается в языках аваро-андо-цезской группы.

В отличие от кадарского и других даргинских диалектов и языков, в мегебском функционирует интенсивный фарингальный звук *xIxI*: *мехIxIва* «мозг». С. Абдуллаев отмечает, что подобный звук, помимо мегебского, имеется лишь в мугинском диалекте [14, с. 49].

В формах множественного числа существительных, формах ин-латива, деепричастиях и наречиях даргинских словоформ суффикс может оканчиваться на гласный *и* или *е*. По данному признаку даргинские

идиомы разделены на две группы: «икающие» и «екающие» [15]. К «икающим» относятся: даргинский литературный язык (акушинский диалект), урахинский, кайтагский, муиринский и др.; к «екающим» — цудахарский, сирхинский, кубачинский и др. Можно предположить, что формы с ауслаутным гласным *е* являются более древними, поскольку они встречаются в более архаичных даргинских диалектах и языках. Рассматриваемые в настоящей работе кадарский и мегебский, как и мекегинский и губденский, относятся к «екающим» идиомам, поскольку в конце

различных словоформ представлен гласный *е*: *гъача* «телёнок» (кадар.) — *гъачне*, *уриши* «сын» (мегеб.) — *урибе*.

Процесс палатализации, заключающийся в переходе перед гласными *и* и *е* заднеязычных спирантов в спиранты переднего места образования и распространённый в большинстве даргинских языков и диалектов, не встречается в идиомах мекегинского типа: кадарском, мекегинском, мегебском, губденском, а также в мугинском. Тем не менее в мегебском языке, в отличие от кадарского, выявлено немало случаев, в которых зафиксирован процесс палатализации: *бечI* «голова» — *бекI* (кадар), *гъечI* «тот, наверху», *xIанчи* «работа» — *xIанке*. В числительном *урежал* «шесть» корневой *ж* — результат палатализации заднеязычного [7, с. 58]. По всей видимости, на звуковую систему мегебского языка оказывает влияние соседний лакский язык, в котором палатализация получила широкое распространение.

Ряд звуковых процессов, как объединяющих рассматриваемые идиомы и обособляющих их от других даргинских диалектов и языков, так и разграничивающих их, проявляется при образовании глагольной формы прохибитива (запретительного наклонения). Общим для них является дистанционная прогрессивная ассимиляция согласных, наблюдаемая при присоединении запретительной приставки *ма-* к глаголу

с классно-числовым показателем б (3-й класс единственного числа или 1–2-е классы множественного числа). При этом губной звук б уподобляется сонорному м: акуш. *мабирид* «не делай» — *мамири* (кадар), *мимикъади* (мегеб). Одновременно с этим в мегебском языке, в отличие от кадарского, под влиянием гласного глагольной основы гласный -а запретительной частицы *ма-* уподобляется этому гласному: *мимикъади* «не делай», *мумузади* «не работай» [7, с. 117].

В кадарском же в формах прохибитива наблюдается выпадение ауслаутного элемента хабитуалиса -д: *бирцI-ид* «наполняешь» — *ма-мири-и* «не наполняй»; ср. в акушинском: *ма-бирцI-ид*. В мегебском, наоборот, отмечается наращение конечной гласной и к форме прохибитива: *мулчи-ад-и* «не читай». Следует отметить, что все изменения, происходящие в рассматриваемых идиомах при образовании форм запретительного наклонения, носят вторичный характер.

Сонорный губной звук м может использоваться вместо губного смычного б и в других случаях: *набадари* «морковь» — *мамадари*, *жагъаннаб* «ад» — *жагъаннам*, *наб* «мне» — *нам*. Встречается в сравниваемых идиомах также и обратное явление, когда вместо сонорного м других диалектов функционирует согласный б: *урчIемцIали* «девятиности» — *урчIебцIале*, *гуми* «мост» — *губи*; более древней считается форма с б [7, с. 136].

Гласному звуку е/и показателя инфинитива других даргинских идиомов (-ес акуш., -из цудах.) в кадарском и мегебском может соответствовать гласный -а [13, с. 67]: кадар.: *чIямикI-ес* «жевать» (акуш.) — *чIямукI-ас*, *жугъбикI-ес* «литься» — *чIугъбукI-ас*; мегеб.: *багъес* «узнать» — *багъас*, *бакIес* «прийти» — *бакIас*. В ряде случаев гласному е этого суффикса (-ес) в кадарском соответствует гласный о: *арх-ес* «зайти» — *эрхв-ос*, *биркъ-ес* «вскопать» — *биркъв-ос*.

Ил. 6. Рассказывает жительница с. Мегеб

Одной из ярких особенностей, обособляющей кадарский и мегебский среди других даргинских языков и диалектов, является соответствие сонорного звука л в словах других идиом губному звуку в [15, с. 63]. Данное соответствие встречается как в словах именных частей речи (*цула* «зуб» (мекеги) — *цува*, *xIула* «колесо» — *xIува*), так и в глагольных формах. В формах генитива различных частей речи, содержащих в конце слова -ул, вместо общедаргинского форманта -ла в рассматриваемых идиомах используется показатель -ва: *mlул* «палец» — *mlу-ва*, *куцIул* «ложка» — *kIуцIу-ва*, *урцул* «дрова» — *урцу-ва*. Предполагается, что элемент в в генитиве в мегебском служит разделительным элементом между гласными [7, с. 41].

Формы деепричастия настоящего времени в даргинских диалектах образуются посредством морфемы -у-ли. В мегебском же для образования данных деепричастий используется суффикс -у-ве: ср., акуш.: *бир-ули* «делая» — *бикъ-уве* (мегеб.), *балт-ули* «оставляя» — *балт-уве*, *бирц-ули* «продавая» — *билц-уве*. Соответствие звуку л звука в в кадарском и мегебском отмечено также в деепричастиях прошед-

шего времени, образованных от глаголов, оканчивающихся в претерите на -ун: кадар.: *ухІнавхъ-ун* «зашел» — *ухІнавхъ-у-ва* «зайдя», *уркІухъ-ун* «испугался» — *уркІухъува*; мегеб.: *белкІ-ун* «написал» — *белкІ-уве*, *бигІ-ун* «украл» — *бигІуве*, *белчІ-ун* «прочитал» — *белчІ-уве*. В литературе отмечается, что «при утрате комплекса *нн* и последующей встрече двух гласных между гласными возникает разъединительный элемент *в*»: *белкІун-ле* — *белкІун-е* — *белкІу-е* — *белкІу-ве* «написав» [7, с. 111]. Из примеров видно, что отличие между двумя сравниваемыми идиомами в функционировании данной морфемы заключается лишь в исходном гласном: в кадарском представлен гласный *-а*, а в мегебском — *-е*.

Имеется также несколько фонетических явлений, характерных для кадарского идиома, но не встречающихся в других диалектах и языках, в т.ч. и мегебском. Среди них можно отметить соответствие заднеязычного глухого смычного звука *къ* литературного языка звонкому щелевому звуку *гъ*: *къаршиикес* «встретиться» (акуш.) — *гъаршиикес*, *къача* «телёнок» — *гъача*, *къакъ* «спина» — *гъахъ* [15, с. 63]. В ряде слов заднеязычному смычному глухому согласному *к* в кадарском соответствует звонкий звук *г*: *кесек* «часть» (акуш.) — *гесекІ*, *шушка* «сабля» — *шушге*.

К одному из распространённых в кадарском идиоме звуковых явлений относится абруптивизация — переход смычных согласных и аффрикат в соответствующие абруптивные звуки: *т//mI*: *талам* «вторник» (акуш.) — *таламІ*, *къалтин* «ковер» — *хъалтІуян*; *д//mI*: *дехъ* «балка, перекладина» — *мІехъ*, *къудкъуси* «горький» — *къумІкъуй*; *б//nI*: *байикес* «поцеловать» — *пІайукІас*; *ц//цІ*: *урцец* «почка» — *урцецІ*.

Кадарский идиом распространён, как отмечалось выше, в северной части даргинского язычного ареала. Тем не менее в данном диалекте встречаются явления, которые характерны лишь для южнодаргинских языков и диалектов, но не отмечены в севернодаргинских идиомах. В глагольных корнях смычному согласному *гъ* акушин-

ского и других диалектов в кадарском соответствуют спиранты *гъ* и *гъь*: *ваъес* «дойти» (акуш.) — *вагъес*, *къярмІагъес* «проглотить» — *къянмІагъес*, *биъес* «иметь» — *бугъас*, *агариъес* «исчезнуть» — *агваругъес* [15, с. 64]. «Одной из отличительных особенностей кадарского диалекта является и то, что спиранту *с*, присущему литературному даргинскому языку, в кадарском диалекте соответствует аффриката *ц*: *сай* — *цай* «есть, является»; *се* — *це* «что?»; *сегъуна* — *цегъун* «какой?»» [13, с. 66].

В даргинских языках и диалектах, как правило, функционируют три грамматических класса; имена существительные распределены по классам в зависимости от семантики: 1 гр. класс (мужской), 2 гр. класс (женский), 3 гр. класс (средний). В мегебском же представлены четыре грамматических класса; в 4-й класс входит единственное слово *дурси* «девушка» с классным показателем *д*, в отличие от 2 гр. класса (класс женщин) с показателем *р*: *дурси д-акІуб* «девушка пришла» — *хъунул р-акІуб* «женщина пришла»; ср. кадарск. *рурси р-акІуб* «девушка пришла».

В прилагательных, образованных посредством суффикса *-кеб*, в кадарском языке представлен окаменелый классный показатель *-б*, который не меняется в зависимости от грамматического класса и числа определяемого существительного: *девле-кеб амарса* «богатый мужчина», *девле-кеб хъунул* «богатая женщина», *девле-кеб шагъар* «богатый город». В других даргинских языках классный показатель, расположенный в ауслауте прилагательного, меняется по классам и числам, ср. акуш.: *давла-че-в адам* «богатый мужчина», *давлаче-р хъунул* «богатая женщина», *давлаче-б шагъар* «богатый город». В мегебском языке процесс окаменения классных показателей распространён значительно шире; так, по классам не изменяется вспомогательный глагол *саби* «есть» (1, 2, 3 классы), который во всех других диалектах содержит изменяющийся классный показатель, ср. кадар.: *цай* (1 кл.), *цари* (2 кл.), *цаби* (3 кл.).

Образование форм множественного числа имён существительных в даргинских языках происходит посредством присоединения многочисленных формантов. В кадарском и мегебском функционируют суффиксы плюралиса, которые не отмечены в других диалектах. Так, суффикс *-т* характерен лишь для сравниваемых диалектов: кадар.: *тулхъун* «волна» — *тулхъунт*; *хъаишхъар* «гриб» — *хъаишхъарт*; мегеб.: *кагъар* «бумага» — *кагъарт* (мн. ч.), *бушкала* «веник» — *бушкулт*. В других даргинских диалектах данному форманту соответствует суффикс *-те/-ти*; предполагается, что в мегебском (как и в кадарском), утрачен конечный гласный *-е* [7, с. 26].

Суффикс *-т* в ряде существительных кадарского идиома может присоединиться к другому суффиксу множественности *-лар*, заимствованному из тюркских языков, образуя сложную морфему *-ларт* [16]: *чалма* «повязка на голове» — *чалма-ларт*; *букIма* «ветер» — *букIма-ларт*. В мегебском же показатель *-т* образует сложную морфему множественности с промежуточным формантом *-р*: *замана* «время» — *замана-рт*, *ишара* «знак» — *ишара-рт*.

Особенность кадарской речи проявляется также в широком использовании суффикса *-уле*, не отмеченном в других даргинских идиомах: *мурад* «желание» — *мурад-уле*; *тугъанахъ* «засов» — *тугъанахъ-уле*. Другим специфическим явлением в сфере категории числа является функционирование показателя множественности *-умбе*, присоединяемого, как правило, к дву- или многосложным словам с гласным исходом: *бари* «день» — *бар-умбе*; *барткиа* «олень» — *бартки-умбе*. Среди других даргинских идиомов данный аффикс встречается лишь в губденском: *беркала* «еда» *беркл-умбе* [17, с. 98]. В мегебской речи форма плюралиса существительного *хъу* «поле» образуется посредством показателя *-ише*: *хъу-ише* «поля», аффикс *-гъе* используется для образования множественного числа слова *хъунул* «женщина» — *хъу-гъе*.

В ряде существительных кадарского диалекта, оканчивающихся на сонорные звуки *-л*, *-н*, в качестве косвенной основы в формах эргатива выступает сонорный *-й*, который в акушинском является самостоятельным показателем эргатива: *дарман* «лекарство» — *дарма-й-ни*, *Руслан* (антропоним) — *Русла-й-ни*, *гIяхIял* «гость» — *гIяхIя-й-ни*. В мегебском форма эргатива образуется посредством показателя *-ли*, к которому может присоединяться аффикс *-ъин(и)*, как и в урахинском [10]: *узи* «брат» — *узи-ли-ъин(и)*, *гурда* «лиса» — *гурда-ли-ъин(и)*.

Общим для кадарского и мегебского является и образование генитива, существительных, оканчивающихся на сонорный *-н*. Данная форма образуется посредством разделительного сонорного звука *-й-*, вставляемого между двумя гласными, оказавшимися в соседстве при выпадении комплекса *-нн*: *шин* «вода» — *ши-йа* (*шин+ла* — *шинна* — *шиа* — *шийа*), *хан* «хан» — *ха-йа*.

Одной из ярких особенностей кадарского идиома является отсутствие форм эссива, которые выражают значение нахождения ориентира в области локализации; данное значение передаётся формами латива. Формы эссива отсутствуют также в кайтагском языке, распространённом вдали от кадарского идиома [18]. В мегебском формы эссива образуются присоединением к формам латива классных показателей, как в других даргинских диалектах.

Формы элатива, выражающие значение удаления объекта из области локализации, в сравниваемых идиомах маркируются по-разному. В кадарском данная грамматическая форма, как и в губденском, образуется посредством присоединения показателя *-зека* (вариант *-зака*) к формам латива: *Мухтали къанIа бекI-и-зека* *бажиб* «Мухтар снял шапку с головы». Образование элативных форм в мегебском происходит аналогично другим севернодаргинским диалектам — посредством присоединения показателя *-ад* (*-адал/-адала*) к формам эссива: *гурда* «лиса» — *гурдали-чеб-ад* «от лисы».

Одной из отличительных черт мегебского языка является функционирование в нём форм транслатива, образуемых присоединением аффикса *-ди* к сериям латива: *xIapKIла дублизе-ди укье!* «Иди вдоль дороги!» [7, с. 45]. В других даргинских языках транслатив не встречается.

Качественные прилагательные в кадарском, как и в других диалектах мекегинского типа, образуются посредством суффиксов *-ай*, *-ил*, *-а*: *жевг-ай рурси* «красивая девушка», *мурхь-ил къада* «глубокое ущелье», *ииниш-а къар* «зелёная трава». Формы множественного числа маркируются общедаргинским суффиксом *-те*. В мегебском для образования прилагательных используется лишь суффикс *-(и)л*; форм множественного числа прилагательные, как и причастия, не имеют [1], вследствие чего отсутствует и согласование с определяемым именем по числу: *жигва-л дурси* «красивая девушка» — *жигва-л дурсбе* «красивые девушки».

Яркой отличительной особенностью кадарской речи является то, что образование составных числительных, начиная от тридцати до девяноста, происходит без присоединения суффикса *-ну* к числительным, обозначающим десятки. При этом с простыми числительными, следующими за десятками, не используется также суффикс *-ра*: *xIябцIале ца* «тридцать один», *урчIебцIале а[#]гъвал* «девяносто четыре» (ср. акуш.: *xIябцI-ан-ну ца-ра* «тридцать один», *урчIемцI-ан-ну ав-ра* «девяносто четыре»). Как видно из примеров, данные числительные образуются простым сложением двух слов, обозначающих десятки и простые числительные, так же, как и в русском языке. Подобное явление не встречается в других даргинских идиомах, в том числе и близких к кадарскому — мегебскому и губденскому.

Суффикс *-(а)л*, служащий в мегебском для оформления простых числительных (*xIяб-ал* «3», *а[#]гъв-ал* «4»), используется также при образовании сложных и составных числительных, в отличие от других диалектов: *урецIалийал* «60», *гъану ца-ра-л* «21», *xIябцIалину kIви-ра-л* «32» [7, с. 59] (ср. акуш.: *урецIали* «60», *гъану цара* «21»,

xIябцIанну kIира «32»). Из примеров видно, что при образовании составных числительных в десятках представлен суффикс *-ли*, отсутствующий в других диалектах.

Слова *дарш* «сто» и *азар* «тысяча» в составных числительных мегебского языка имеют в конце согласный *-б*, который считается окаменелым классным показателем: *азалиб урчIебдаршилиб аницIанину урчIебрал* «1949» [7, с. 61]; в других диалектах в этой позиции функционирует сонорный *-м*, ср. акуш.: *азирлим урчIемдаршилим авцIанну урчIемра*. Другая особенность мегебских числительных заключается в том, что вне зависимости от числа, указанного перед определяемым именем, классный показатель в глаголе всегда стоит в единственном числе: *ца адами в-акIиб* «один человек пришёл» — *xIябал адами в-акIиб* «три человека пришло»; ср. кадар.: *ца адам в-акIиб* — *xIябал адам б-акIиб*.

В мегебском языке представлена пятичленная система указательных местоимений, аналогичная другим даргинским диалектам: *иш* «это, у говорящего», *ил* «это, у слушателя», *им* «то, в стороне», *их* «то, внизу», *ичI* «то, наверху». В кадарском же, в отличие от других диалектов, функционируют только три указательных местоимения: *иш* «это, у говорящего», *ил* «это, у слушателя», *имI* «то, в стороне».

Кадарскому, как и другим даргинским языкам в целом, присуще личное спряжение глагола; при этом личными показателями оформлены 1-е и 2-е лица: 1 л. *нуни багь-ун-ра* «я узнал», 2 л. *xIуни багь-ун-ри*, 3 л. *итини багь-ун*. Особенностью мегебского языка является то, что личные показатели имеются лишь в 1-м лице; 2-е лицо грамматически не маркируется: 1 л. *нуни кунг белчIун-на* «я прочитал книгу», 2 л. *xIуни кунг белчIун*, 3 л. *ити[#]ини кунг белчIун*.

Формы 3-го лица прошедшего совершенного времени (аориста) в даргинских диалектах образуются присоединением к совершенной основе глагола показателей *-иб*, *-уб*, *-ур*, *-ун* [14]; акуш.: *вакI-иб* «пришёл», *игь-уб* «бросил», *бат-ур* «оставил», *белкI-ун* «написал». В сравниваемых

идиомах функционируют по три аффикса данной формы времени. В кадарском показателями аориста являются маркеры *-иб*, *-уб*, *-ун*; вместо морфемы *-ур* других диалектов функционирует показатель *-ун*: *багь-ур* «узнал» (акуш.) — *багь-ун* (кадар.). В мегебском отсутствует формант *-уб*; показателями аориста выступают аффиксы *-иб*, *-ур*, *-ун*.

В кадарском идиоме функционирует форма оптатива, которую можно назвать «оптативом ирреальным». Значение данной глагольной формы близко к значению оптатива — обозначает желание говорящим совершения действия, которое потенциально может произойти. Образуется данная форма посредством показателя *-кIа*: *вакIари-кIа* «хоть бы пришел»: *Буцари-кIа нуни мургьела балихъ!* «Хоть бы поймал я золотую рыбку!» [19, с. 177]. В литературном языке и в других даргинских диалектах значение ирреального оптатива передается посредством редупликации глагольной основы: *белчIалра белчIалри ГIяхIмадли ит жуз* «хоть бы прочитал Ахмед эту книгу».

Аффикс *-кIа* кадарского языка среди других даргинских идиомов находит аналог лишь в мегебском языке, где служит для образования формы «условного настоящего-будущего наклонения» [7, с. 106], которая по семантике близка к ирреальному оптативу. В мегебском данный аффикс присоединяется к простой основе глагола через посредство соединительного гласного *-(а)кIа*: *хIуни тIултI беркв-а-кIа* «если ты поешь хлеб».

Наблюдаются в сравниваемых идиомах отличия и в образовании масдарных форм глагола. В кадарском данная форма маркируется общедаргинским показателем *-ни*: *анайукI-ни* «пение». В мегебском же функционирует масдарная морфема *-ри*: *лучI-ри* «чтение», *ваш-ри* «хождение». По всей видимости, более древней является морфема *-ри*, поскольку функционирует и в других архаичных даргинских диалектах.

Как видно из приведённых примеров, кадарский и мегебский идиомы, хотя и распространены на значительном удалении друг от друга и не имеют языковых контак-

тов, обнаруживают много общего как в фонетической системе, так и в морфологии. На наш взгляд, причина этого заключается в том, что ранее предки кадарцев и мегебцев жили по соседству, предположительно в центре даргиноязычного ареала, и говорили на одном диалекте. В поисках спасения от многочисленных иноземных нашествий им приходилось мигрировать: мегебцы переселились в западную сторону и обосновались по соседству с аварцами и лакцами, вдали от других даргинцев, кадарцы — в северную [11, с. 343]. Кадарский диалект остаётся более или менее понятным для других даргинцев. Мегебский идиом, который довольно долго развивается в иноязычном окружении, обладает значительным числом специфических особенностей, присущих лишь данной речи, что позволяет выделить его в качестве самостоятельного языка.

Заключение и выводы

В статье приведены наиболее заметные общности и различия, наблюдаемые при сопоставлении двух даргинских идиомов — кадарского и мегебского. Сравнительное исследование различных языковых аспектов дало возможность выявить множество общих явлений в звуковой системе и морфемном инвентаре, которые встречаются лишь в сравниваемых идиомах. В частности, это наличие назализации в числительном «четыре», отсутствие звонких аффрикат *дж*, *дз*, дистанционная прогрессивная ассимиляция губных звуков и регрессивная ассимиляция гласных, звуковое соответствие *л — р*, наличие показателя плюралиса существительных *-т*, процессы окаменения классных показателей, образование генитивных форм, функционирование морфемы *-кIа* с модальным значением и т.д. Между сравниваемыми идиомами имеется также немало существенных различий. Мегебский идиом в течение довольно долгого времени развивается вдали от других даргинцев, обладает значительным числом специфических особенностей, присущих лишь данной речи, и вполне обоснованно его

выделение в качестве отдельного языка. Кадарский же диалект имеет ряд общих черт с мекегинским и губденским диалектами и остаётся более или менее понятным для других даргинцев.

Результаты исследования способствуют решению проблемы родства мегебского языка с другими диалектами — в даргиноведении по этому вопросу единого мнения не было. Так, предполагалось его родство с мугинским, урахинским, дибгашинским или мюрего-губденским диалектами. Ранее нами была высказана идея о том, что наиболее близким мегебскому является кадарский диалект, однако исследований, подтверждающих эту гипотезу, до сих пор не было. Анализ материала, проведённый в данной статье, подтверждает это предположение.

Полученные в ходе исследования результаты позволяют также проследить

пути миграций различных групп древних даргинцев. Предположительно, предки кадарцев и мегебцев ранее жили по соседству, в центре даргиноязычного ареала, и говорили на одном диалекте. Из-за нападений иноземных захватчиков они были вынуждены мигрировать: мегебцы переселились в западную сторону и обоживались по соседству с аварцами и лакцами, кадарцы — в северную.

Перспективы дальнейшего исследования рассматриваемой темы видятся в том, что результаты работы будут способствовать сравнительному исследованию других даргинских языков и диалектов и уточнению их классификации, а также сохранению рассматриваемых языков. Они будут использованы при подготовке сравнительно-исторической грамматики даргинских языков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Хайдаков С.М. Даргинский и мегебский языки: принципы словоизменения. М.: Наука, 1985.
2. Коряков Ю.Б. Атлас кавказских языков. М.: Пилигрим, 2006.
3. Forker D. A Grammar of Sanzhi Dargwa. Berlin: Language Science Press, 2020.
4. Муталов Р.О. Классификация даргинских языков и диалектов // Социолингвистика. 2021. № 3 (7). С. 8–25.
5. Гасанова С.М. Очерки даргинской диалектологии. Махачкала: Дагестанский филиал АН СССР, Институт истории, языка и литературы им. Г. Цадасы, 1971.
6. Вагизиева Н.А. Лексико-фразеологические особенности кадарского диалекта даргинского языка. Махачкала: АЛЕФ, 2021.
7. Магомедов А.А. Мегебский диалект даргинского языка. Тбилиси: Мецниереба, 1982.
8. Daniel M., Dobrushina N., Ganenkov D. (Eds.) The Mehweb language: Essays on phonology, morphology and syntax (Languages of the Caucasus 1). Berlin: Language Science Press. 2019.
9. Темирбулатова С.М. Диалектологический словарь даргинского языка. Махачкала: АЛЕФ, 2022.
10. Услар П.К. Хюркилинский язык. (Этнография Кавказа. Языкознание. V). Тифлис: Издание Управления Кавказского учебного округа, 1892.
11. Муталов Р.О. Мекегинский диалект — основа севернодаргинского языка? // «Язык как он есть» к 60-летию Андрея Александровича Кибрика. М.: Буки-Веди, 2023. С. 339–344.
12. Nikolayev S., Starostin S.A. North Caucasian Etymological Dictionary. Moscow: Asterisk publishers, 1994.
13. Вагизиева Н.А. О некоторых фонетических особенностях кадарского диалекта даргинского языка // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2016. № 7–2 (61). С. 65–69.
14. Абдуллаев С.Н. Грамматика даргинского языка (фонетика и морфология). Махачкала: Институт истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР, 1954.
15. Муталов Р.О., Вагизиева Н.А. Звуковые соответствия между даргинским литературным языком и кадарским идиомом // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Серия «Общественные и гуманитарные науки». Т. 12, № 3. Махачкала, 2018. С. 60–66.

16. Мусаев М.-С.М. Именное словоизменение даргинского языка. Категория числа. Махачкала: Дагучпедгиз, 1982.
17. Ахмедова З.Г. Губденский говор даргинского языка: Дисс. ... канд. филол. н. Махачкала, 2007.
18. Темирбулатова С.М. Хайдакский диалект даргинского языка. Махачкала: Издательство типографии ДНЦ РАН, 2004.
19. Муталов Р.О., Вагизиева Н.А. Категория наклонения в кадарском языке // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2019. Т. 12, № 10. С. 175–179.

Comparative Analysis of Kadar and Mehweb: Similarities and Differences in Dargin Branch of Nakh-Dagestani Languages

Rasul Osmanovich Mutalov — Doctor of Philology, chief researcher of the Department of Caucasian Languages of the Institute of Linguistics of RAS, head of the project “Documentation of the Kadar Language: Grammatical Essay, Texts, Dictionaries” (18-012-00718).

E-mail: mutalovr@mail.ru

The article is devoted to the identification of common linguistic features and differences that exist between the Kadar dialect of the Northern Dargin language and the Mehweb language. The article studies various aspects of the sound system and the morphological structure of the compared idioms. Despite their considerably distant distribution and the lack of direct contacts, there are many common phenomena. Often, such phenomena are not found in other Dargin languages and dialects, including those close to Kadarian — Mekegi and Gubden. The study revealed that the Kadar idiom is the most related to the Mehweb language. Earlier, the works of Dargin language researchers suggested its relation to the Mugi, Urakhi, Dibgashi or Murego-Gubden dialects. The analysis of materials makes it possible to reveal the reasons behind linguistic similarities of the compared idioms. It is assumed that centuries ago, the ancestors of the Kadars and Mehwebs lived compactly, near the Dargin-speaking center, and spoke the same dialect close to Mekegi. As a result of numerous foreign invasions, they had to migrate: the Mehwebs moved westward, the Kadars moved northward. The Kadar dialect has many unique features, nevertheless, it remains more or less understandable to other Dargins. The Mehweb idiom, which has been evolving in a non-Dargin linguistic environment for an extended period of time, possesses a significant number of specific features inherent only in this speech, therefore it can be distinguished as an independent language.

Keywords: Nakh-Dagestani languages, Dargin languages, linguistic classification, Mehweb language, Kadar dialect, phonological processes, nominal parts of speech, number category, declension, verb

REFERENCES

1. Khaidakov S.M. Darginskii i megebskii yazyki: printsipy slovoizmeneniya. M.: Nauka, 1985 (in Russian).
2. Koryakov Yu.B. Atlas kavkazskikh yazykov. M.: Pilgrim, 2006 (in Russian).
3. Forker D. A Grammar of Sanzhi Dargwa. Berlin: Language Science Press, 2020.
4. Mutalov R.O. Klassifikatsiya darginskikh yazykov i dialektov // Sotsiolingvistika. 2021. № 3 (7). S. 8–25 (in Russian).
5. Gasanova S.M. Ocherki darginskoi dialektologii. Makhachkala: Dagestanskii filial AN SSSR, Institut istorii, yazyka i literatury im. G. Tsadasy, 1971 (in Russian).

6. Vagizieva N.A. Leksiko-frazeologicheskie osobennosti kadarskogo dialekta darginskogo yazyka. Makhachkala: ALEF, 2021 (in Russian).
7. Magometov A.A. Megebskii dialekt darginskogo yazyka. Tbilisi: Metsniereba, 1982 (in Russian).
8. Daniel M., Dobrushina N., Ganenkov D. (Eds.) The Mehweb language: Essays on phonology, morphology and syntax (Languages of the Caucasus 1). Berlin: Language Science Press. 2019.
9. Temirbulatova S.M. Dialektologicheskii slovar' darginskogo yazyka. Makhachkala: ALEF, 2022 (in Russian).
10. Uslar P.K. Khyurkilinskii yazyk. (Etnografiya Kavkaza. Yazykoznanie. V). Tiflis: Izdanie Upravleniya Kavkazskogo uchebnogo okruga, 1892 (in Russian).
11. Mutalov R.O. Mekeginskii dialekt – osnova severnodarginskogo yazyka? // «Yazyk kak on est'» k 60-letiyu Andreyu Aleksandrovicha Kibrika. M.: Buki-Vedi, 2023. S. 339–344 (in Russian).
12. Nikolayev S., Starostin S.A. North Caucasian Etymological Dictionary. Moscow: Asterisk publishers, 1994.
13. Vagizieva N.A. O nekotorykh foneticheskikh osobennostyakh kadarskogo dialekta darginskogo yazyka // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. Tambov, 2016. № 7–2 (61). S. 65–69 (in Russian).
14. Abdullaev S.N. Grammatika darginskogo yazyka (fonetika i morfologiya). Makhachkala: Institut istorii, yazyka i literatury Dagestanskogo filiala AN SSSR, 1954 (in Russian).
15. Mutalov R.O., Vagizieva N.A. Zvukovye sootvetstviya mezhdru darginskim literaturnym yazykom i kadarskim idiomom // Izvestiya Dagestanskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Seriya «Obshchestvennye i gumanitarnye nauki». T. 12, № 3. Makhachkala, 2018. S. 60–66 (in Russian).
16. Musaev M.-S.M. Imennoe slovoizmenenie darginskogo yazyka. Kategoriya chisla. Makhachkala: Daguchpedgiz, 1982 (in Russian).
17. Akhmedova Z.G. Gubdenskii govor darginskogo yazyka: Diss. ... kand. filol. n. Makhachkala, 2007 (in Russian).
18. Temirbulatova S.M. Khaidakskii dialekt darginskogo yazyka. Makhachkala: Izdatel'stvo tipografii DNTS RAN, 2004 (in Russian).
19. Mutalov R.O., Vagizieva N.A. Kategoriya nakloneniya v kadarskom yazyke // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. Tambov, 2019. T. 12, № 10. S. 175–179 (in Russian).

Индекс УДК 811.511.11

Код ГРНТИ 16.41.25

DOI: 10.22204/2587-8956-2025-122-03-93-101

Т.Б. АГРАНАТ*

Идиомы сето на территории России

В статье излагаются некоторые результаты завершившегося научного проекта «Комплексное социолингвистическое и грамматическое исследование идиома российских сето». В рамках проекта был предпринят ряд экспедиций в Печорский район Псковской области, на автохтонную территорию проживания сето, и в Красноярский край, куда сето переселились на рубеже XIX и XX вв. Цель проекта — получить полное синхронное грамматическое описание по сути двух идиомов: печорских и красноярских сето, а также исчерпывающие сведения о современном функционировании этих идиомов. Идиом красноярских сето впервые стал объектом как собственно лингвистического описания, так и социолингвистического обследования.

В статье речь идёт об этнической идентичности и этнонимах сето, о сохранении ими своих культурных традиций и обычаев; даётся некоторая социолингвистическая информация, полученная в ходе полевого социолингвистического обследования. Приведены некоторые черты языка сето, отличные от близкородственных языков, а также показаны языковые различия двух идиомов.

Ключевые слова: прибалтийско-финские языки, сето, Псковская область, Красноярский край, полевые исследования

Сето — автохтонное население Печорского района Псковской области и юго-восточной части Эстонии. Территория, исторически заселённая сето, называется *Setomaa*, букв. *земля сето*. Существуют три гипотезы о происхождении сето. По одной из них, сето — подвергшиеся эстонизации русские староверы. По другой гипотезе,

сето — потомки эстонских переселенцев. Наиболее правдоподобная точка зрения: сето являются автохтонным прибалтийско-финским населением Сетомаа. Границы проживания сето установились с XIII в. Общая площадь Сетомаа составляет около 1700 кв. км. В настоящее время около 2/3 принадлежит России, около 1/3 — Эстонии [13].

* **Агранат Татьяна Борисовна** — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Института языкознания РАН, профессор Московского государственного лингвистического университета, руководитель проекта «Комплексное социолингвистическое и грамматическое исследование идиома российских сето» (18-012-00802).

E-mail: tagranat@yandex.ru

До 1920 г. Эстония была частью Российской империи, соответственно, и земля сето целиком входила в её состав. С 1920 г., когда Эстония получила независимость, и до 1940 г., когда она была присоединена к СССР, территория исконного проживания сето входила в состав Эстонии. В 1944 г. произошла демаркация административной границы между Эстонской ССР и РСФСР, и Печорский район был присоединён к Псковской области. Таким образом, часть сето стала проживать в Эстонии, часть — в России [11].

Согласно переписи населения Эстонии 2021 г., 26 220 её жителей понимают язык сето. В действительности число носителей сето может быть и не таким. Дело в том, что в ситуации, когда официальная статистика в Эстонии не признаёт сето национальным меньшинством, единственным способом заявить о своей этнической принадлежности остаётся возможность сказать переписчикам об использовании своего этнического языка, что не обязательно связано ни с реальным знанием языка, ни с его практическим употреблением [10, с. 75].

По предыдущей переписи, 2011 г., в Эстонии проживало около 128 000 чел., из них, по оценкам [13], около 4000 было сосредоточено в эстонской части Сетомаа, около 8500 проживало в других частях Эстонии.

По данным Всероссийской переписи населения 2021 г., в России проживают 242 сето, из них 142 — в Псковской области, 63 — в Красноярском крае, остальные расселены по другим регионам РФ. Согласно предыдущей переписи населения, в 2010 г. в России проживали 214 сето, 123 из них — в Псковской области, в местах традиционного проживания, 75 — в Красноярском крае, остальные дисперсно расселены в других регионах Российской Федерации. Этим цифрам нельзя полностью доверять, так как некоторые сето называли себя эстонцами¹, а поскольку эстонцы также проживают в России, невозможно определить реальное число сето, проживающих в России.

В ходе экспедиций мы выявили существенно большее число сето как в Печорском районе Псковской области, так и в Красноярском крае. В Красноярский край сето переселялись с 1890-х гг. до 1914 г., сначала стихийно, а с 1906 г. — по аграрной реформе П.А. Столыпина. В настоящее время потомки переселенцев компактно проживают в двух деревнях в Партизанском районе (Хайдак и Булатновка) и в одной деревне в Рыбинском районе (Новая Печёра) (подробно о сето в Сибири см. [2, 3]) (ил. 1). В прошлом сибирские сето проживали в большем числе населённых пунктов. Подробное описание судеб деревень красноярских сето: даты основания, иногда — имена самых первых поселенцев, число жителей в разные годы, слияние с другими населёнными пунктами, исчезновение и т.п. см. [17, с. 205]. О численности переселенцев в разные годы см. [8, 15].

Этническая идентичность и этнонимы

Таким образом, сложились три этнические группы сето, две из которых проживают в РФ. Печорские и эстонские сето находились в довольно плотном контакте вплоть до самого последнего времени, тогда как красноярские сето в прошлом совсем не имели возможности контактировать с сето европейской части; сейчас они иногда приезжают на этнические праздники, которых у сето довольно много.

Одним из наиболее значимых является праздник Успения, который отмечается ежегодно 28 августа. Праздничные мероприятия начинаются в г. Печоры, в Псково-Печерском Успенском монастыре. Монастырь был основан в 1473 г., и сето тогда же были обращены в православие и стали монастырскими крестьянами. Монастырь до сих пор остаётся важнейшим культурным и религиозным центром, объединяющим всех сето. Затем этнический праздник уже без религиозной составляющей продолжается в деревне Сигово

¹ О самоназвании сето речь пойдёт ниже.

в «Музее-усадьбе народа сето». Ещё одно важное сетоское ежегодное мероприятие — выборы короля, День королевства сето, в основу которого был положен сетоский эпос о короле Пеко, искусственно придуманный эстонскими фольклористами в 1920-е гг. (подробнее о сочинении эпоса см. [10, с. 114–117]). Сето сохраняют много собственных культурных традиций (о культурных традициях сето см. подробно [1]). У сето есть также обычаи, не похожие на эстонские, в частности сето пьют эфир, чем сильно выделяются из окружающих этносов (см. рассказы об обычае пить эфир, записанные в г. Печоры и в Красноярском крае, на сето с переводом на русский язык в [4]).

Сето никогда не отождествляли себя с эстонцами, этому, в частности, способствовала принадлежность эстонцев и сето к разным конфессиям. Как пишет А. Шалвен, важной составляющей идентичности сето до 1917 г., бесспорно, была православная религия. Себя они осознавали прежде всего принадлежащими к этой конфессии, которая ассоциировалась у них с русской идентичностью и русским языком, они её называли русской религией. По этой причине они себя иногда называли русскими, хотя и осознавали, что говорят на другом языке [9, с. 120].

В буржуазной Эстонии сето считались эстонцами. Молодая Республика стремилась каким-то образом воплотить на практике представление эстонских интеллектуалов о происхождении и самобытности сето, которое можно было бы резюмировать следующим образом: сето — это эстонцы, но они этого не знают, поэтому мы должны помочь им это осознать [9, с. 123].

В Российской империи сето не имели ни паспортов, ни фамилий. В 1920-е гг. сето, оказавшиеся в независимой Эстонии, получили эстонские фамилии. Переселенцам в Сибирь выдавали паспорта, необходимые в качестве дорожного документа,

Ил. 1. Самый старый дом в деревне Хайдак, начало XX в.

и, соответственно, давали фамилии. Поскольку они были православными, получали русские фамилии, это их отличало от эстонцев, которые тоже переселялись в Сибирь по столыпинской реформе.

В советских паспортах сето записывали эстонцами. В советской, а затем и российской традиции сето признавались одной из этнических групп эстонцев, исповедующей православие (см., например, [5], а также Большую российскую энциклопедию (БРЭ) [6]), последнее выглядит анахронизмом, поскольку сето были внесены в Единый перечень коренных малочисленных народов Российской Федерации в редакции от 17 июня 2010 г. № 453.

Как печорские, так и сибирские сето категорически не приемлют отождествления их с эстонцами, однако довольно часто они называют себя эстонцами, а свой язык — эстонским, подразумевая именно сето. Дело в том, что сето привыкли к официальному названию, что послужило причиной его синонимичного использования в качестве эндоэтнонима. При этом собственн эстонцев они называют исключительно уничижительным экзоэтнонимом *mdši* 'дикари' (подробно см. [7]).

Название *сету* изначально было уничижительным, используемым эстонцами. Сами сето называли себя «народ земли» (*maarahvas*), как и эстонцы до середины XIX в., или использовали обозначения,

Таблица 1

**Расхождение лексики сето и эстонского
по 200-словному списку М. Сводеша**

	Сето	Эстонский
птица	čirk	lind
собака	pini	koir
новый	vahcõnõ	uus
варить	kiit'mä	küpsema
кричать	rüük'mä	karjuma
бить	pes'mä	lööma
драться	taplõma	kakelma
толкать	toukama	suruma
мокрый	hämm'	märg
тереть	püh'k'mä	hõõruma
чесать	s'üt'mä	kriimustama
гладкий	tasano	sile
змея	uss'	madu
мыть	mõskma	pesama
сжимать	pit'stämä	suruma
прямой	õgõv	sirge
связывать	köüt'mä	siduma

содержащие местоимение первого лица множественного числа: «мы», «наш народ», «наш язык». Однако с конца XIX в. некоторые из них начали использовать слово «сето», чтобы отличать себя от русских и эстонцев, как это часто бывает, когда народ принимает для обозначения себя название, которое ему дают другие, т.е. преобразует экзоним в эндоэтноним. Согласно популярной точке зрения, этноним произошёл от искажённой формы партитива указательного местоимения (seta). Он образовался в первой половине XVIII в. В то время жители окрестностей города Печоры покупали горшки и другую глиняную тару на фабрике в Печорах и обменивали их на тряпки в других частях Эстонии. Затем они продавали тряпки на фабрику в Ряпина. Во время этих туров общение сето с эстонцами порой

сталкивалось с языковыми трудностями, и, чтобы выяснить пожелания покупателей, продавцам горшков приходилось спрашивать: «Kas taht seta vai seta?» 'Ты хочешь это или это?'. Слово *seta*, которое постоянно повторялось в их речи, было изменено путём контаминации с другой особенностью их языка (наличием гласной 'o' дальше первого слога) в слово 'seto', которым эстонцы стали их обозначать [9, с. 122].

Наши информанты требуют, чтобы их называли «сето», считая произношение «сету» неверным. Тем не менее до недавнего времени в научной литературе использовались этноним и лингвоним «сету».

Русские называли их полуверцами, потому что они, хотя и были православными, продолжали сохранять языческие обычаи, поскольку языком церкви у сето всегда был русский, которого большинство из них не знало. Наши сетоские информанты до сих пор иногда, говоря по-русски, используют этот термин в качестве эндоэтнонима.

Язык

Сето отличаются от эстонцев не только конфессией, традициями и культурой, но и языком. Язык сето относится к южной подгруппе прибалтийско-финской группы финно-угорской подсемьи уральской семьи языков. Генетически близок эстонскому языку, тем не менее, по двухсотсловному списку М. Сводеша расхождение между этими языками составляет 17 корней (табл. 1).

Живущие в Красноярском крае носители сето, не имевшие контактов с эстонцами, не понимают спонтанную эстонскую речь. Однако идиом сето стал признаваться самостоятельным языком в самое последнее время, и даже в БРЭ для него не отведено специальной статьи. Ещё совсем недавно он считался диалектом, а до этого — говором вырусского диалекта эстонского языка. Именно так он и назван в упоминавшейся выше статье «Сету» в БРЭ, где его носители именуются этнографической группой эстонцев (см. [6]).

То, какие прибалтийско-финские идиомы считаются эстонскими диалектами, в большей степени зависит от политической и этнической истории Эстонии и не основывается на лингвистических критериях. Например, водский язык и диалект сето отличаются от стандартного эстонского в одинаковой степени. Почему водский — язык, а сето — диалект, объясняется различием их политической и этнической истории [16, с. 232].

Язык сето имеет большие отличия от эстонского на всех языковых уровнях. В фонологии согласные, в отличие от эстонских, различаются по твёрдости/мягкости, ср. минимальные пары: *kuuk* — «маленький блинчик», *kuuk* — «крюк»; *hal'l* — «серый», *hall* — «иней». Имеется отсутствующая в эстонском языке гортанная смычка, возникшая на месте исторических согласных *k* и *t*. Гортанная смычка очень частотна, поскольку встречается во многих аффиксах, она, в частности, является маркером множественного числа, ср.: *kala* — «рыба» (ед. ч.), *kala'* — «рыбы» (мн. ч.).

В вокализме также есть существенные отличия от эстонского. Сохраняется гармония гласных, тогда как в эстонском языке она отсутствует. Помимо совпадающего с эстонским гласного заднего ряда средне-верхнего подъёма [ɤ], обозначаемого в эстонской орфографии 'õ', присутствует близкий по артикуляции гласный среднего ряда верхнего подъёма [i̯], по звучанию совпадающий с русским 'ы'. Ср. минимальную пару: [t͡sɤri] — 'круг' genitive, [t͡si̯ri] — 'круг' partitive ([t͡si̯ri] — 'круг' nominative). По свидетельству наших информантов в Печорском районе Псковской области, сето, живущие в Эстонии, перестали различать эти звуки и во всех случаях произносят гласный [ɤ].

В формальной морфологии характерной чертой является утрата агглютинации. В именном словоизменении в некоторых типах основ появилась внутренняя флексия. В целом большое количество падежных форм, характерное для прибалтийско-финских языков, сохраняется, однако их

Таблица 2

Склонение существительных

падеж	школа	стул	веревка	колодец
nominative	kuul	tuul	nüür	kaiv
genitive	kooli	tooli	nööri	kao
partitive	kuuli	tuuli	nüüre	kaivo
illative	kuuli	tuuli	nüüri	kaivu
inessive	koolih	toolih	nöörih	kaoh
elative	koolist	toolist	nööri	kaost
allative	koolilõõ	toolilõõ	nöörilee	kaoloo
adessive	koolil	toolil	nööri	kaol
terminative	koolini	toolini	nööri	kaoni

семантика существенно отличается от родственных языков, о чём будет сказано ниже. В таблице 2 представлено склонение четырёх существительных.

В самых маргинальных случаях получается, что падежи различаются только огласовкой корня: *kooli* — *kuuli*, *tooli* — *tuuli*, *nööri* — *nüüri*.

Глаголы, с одной стороны, почти перестали спрягаться, т.е. в парадигме многие лично-числовые формы совпали и различаются только с помощью местоимения:

ma' tõi	я принёс	mii' tõi	мы принесли
sa' tõi	ты принёс	tii' tõi	вы принесли
timä tõi	он принёс	nimä' tõi	они принесли

С другой стороны, агглютинация утратилась не только в именном, но и в глагольном словоизменении, где произошла фузия — склейка аффиксов друг с другом и/или с основой. В результате появилось большое число словоизменительных типов глаголов, кажется, что вообще все глаголы спрягаются по-разному, и непонятно, как носители языка могут запомнить такое количество форм, в которых невозможно вычленить аффиксы:

- *tulla'* 'приходить', *tulõ* 'я прихожу', *tulõ* 'он приходит', *tulli* 'я пришёл', *tul'l* 'он пришёл';

- *tetä* 'делать', *tii* 'я делаю', *tege* 'он делает', *tei* 'я делал', *tek* 'он делал';
- *jäia* 'оставаться', *jää* 'я остаюсь', *jääss* 'он остаётся', *jäi* 'я остался', *jäi* 'он остался' и т.д.

В грамматической семантике также имеются отличия от эстонского языка. Большое количество членов падежной парадигмы как в сето, так и в родственных языках, обусловлено наличием падежей, с помощью которых выражается локализация объектов в пространстве. В других прибалтийско-финских языках в принципе сохраняется выражение локализации с помощью пространственных падежей, в сето же исторически локативные падежи практически перестают употребляться в первоначальном значении. В пространственном значении они заменяются конструкциями с послелогом:

1)

<i>Maia</i>	<i>sais</i>	<i>silla</i>	<i>mano</i>
дом	стоять.PRS.3SGc	мост.GEN	у
Дом стоит у моста.			

2)

<i>Siili-l</i>	<i>oma</i>	<i>nõgla</i> ²
ёж-AD	быть.PRS.3SG	иголка-PL
У ежа есть иголки.		

В примере (1) нахождение возле ориентира выражено послелогом, в примере (2) принадлежность выражена адессивом, падежом, который исторически выражал нахождение возле ориентира, а в настоящее время утратил эту функцию.

Как говорилось выше, базовая лексика сето и эстонского языков очень сильно различается. Кроме того, в сето имеются очень старые русские адаптированные заимствования, отсутствующие в эстонском: *raaba* 'пожилая женщина' < баба; *hiitra* < хитрый; *tsässon* < часовня; *tseesna* < честно и др. Некоторые заимствования из русского языка сохраняются только на российской территории; в говорах, распространённых в эстонской части Сетомаа,

они вытеснились эстонскими словами, например: *tiranik* 'полотенце' < утиральник. У сибирских сето сохранились архаичные русские заимствования, которые у печорских сето заменились эстонскими словами, например: *kos'tma* 'в гости'. В то же время, и у сибирских сето появились инновации, например произошёл семантический сдвиг: словом *koivu*, которым в печорском идиоме и в других прибалтийско-финских языках обозначается берёза, стали называть дерево вообще.

Идиомы печорских и красноярских сето довольно сильно разошлись, взаимопонимание между их носителями затруднено.

До недавнего времени сето оставался бесписьменным языком. В Российской империи сето были неграмотными. Эстонская конституция 1920 г. гарантировала право малочисленных народов на обучение на родном языке. Но это не относилось к сето. Во-первых, не было письменности, поэтому невозможно было обучение на этом языке. А кроме того, сето официально признавались эстонцами, поэтому их обучали на стандартном эстонском языке, в основе которого лежат северные эстонские диалекты, сильно отличающиеся от языка, на котором говорят сето. Дети сето с большим трудом понимали стандартный эстонский [9, с. 128–129].

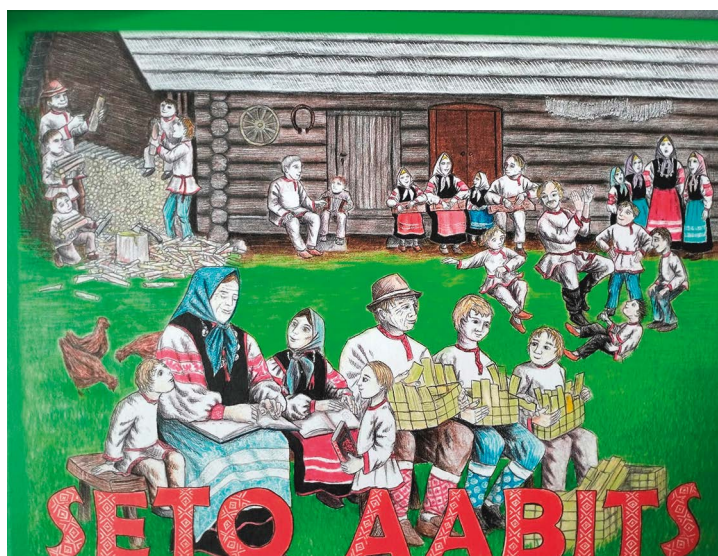
В советское время, несмотря на то, что формально Печорский район был территорией РСФСР, там функционировали школы с эстонским языком преподавания, в которых учились дети сето. После распада СССР вплоть до 2005 г. в городе Печоры в одной из школ велось обучение на эстонском языке, а в 1990-е гг. детям, живущим в приграничных деревнях, разрешалось ежедневно пересекать границу и ходить в эстонские школы.

С 2005 г. всё школьное обучение было переведено на русский язык. Школьное образование на эстонском языке создавало проблемы: продолжить обучение и строить карьеру невозможно было на русском языке, а значит, нужно было переезжать в Эстонию. В Печорском районе оставались только те,

кто не собирался учиться дальше. Поколение этнических сето, учившееся в русской школе, уже не владеет сето, обучение на эстонском языке служило фактором сохранности сето как языка домашнего общения. Информанты рассказывали, что перед тем, как отдать ребёнка в эстонскую школу, с ним старались говорить дома по-эстонски, но, поскольку эстонский язык всё равно не был языком домашнего общения, разговаривали на сето. Русский язык дети выучивали в среде. Таким образом, дети усваивали три языка. Когда школьное обучение перевели на русский язык, родители перед школой старались говорить с детьми по-русски. (О функциональном распределении трёх языков: сето, эстонского и русского у печорских сето подробно см. [1].)

Первое поколение переселенцев в Сибирь было неграмотным. Затем были приглашены учителя-эстонцы. В 1930-е гг. почти все учителя-эстонцы были расстреляны, эстонские учебники уничтожены, языком преподавания как для сето, так и для эстонских детей стал русский. Тем не менее сето продолжал оставаться языком повседневного общения, многие из поколения 1960-х гг. рождения до школы не знали русского языка. Ключевую роль в межпоколенческой передаче сето сыграли бабушки (подробно об этом см. [3]).

В 1920-е гг. в Эстонии предпринимались попытки создания литературного языка сето, но они провалились, хотя в 1926 г. было переведено и издано Евангелие (второе издание вышло в 2013 г. [14]). В настоящее время письменность на сето существует, в Эстонии издаётся газета «Setomaa», которую читают также и печорские сето. Информантам, читающим эту газету и активно посещающим церковь, был задан вопрос, читают ли они Евангелие на сето. Они отметили, что язык Евангелия хороший и для них он родной и понятный, но читать религиозную литературу на сето неестественно, и потому они читают Евангелие

Ил. 2. Сетоский букварь

на церковнославянском языке. Поскольку они православные, то читать Евангелие по-эстонски для них тоже неестественно.

В 2011 г. в Эстонии вышел сетоский букварь [12] (ил. 2). Печорские сето могут им пользоваться, в то время как красноярские утверждают, что большая часть его лексики для них чужая, и говорят о необходимости создания букваря на их идиоме.

Заключение

Таким образом, в результате исторических событий сложились три этнические группы сето, две из которых – на территории РФ. Все сето, безусловно, осознают себя единым этносом с общей культурой и общими, бережно сохраняемыми традициями. Тем не менее в настоящий момент можно говорить о трёх идиомах сето, на чём настаивают сами их носители. Идиом сибирских сето ожидаемо отличается от западных идиомов больше, чем последние друг от друга, поскольку он развивался изолированно более ста лет. Все идиомы относятся к угрожаемым и требуют принятия мер по ревитализации. Представляется, что при создании учебных пособий в рамках программ по сохранению и ревитализации сетоских идиомов необходимо учитывать различие последних.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агранат Т.Б. Язык, культура и традиции печорских сето // Вестник МГЛУ. Гуманитарные науки. 2019. № 4 (820). С. 219–226.
2. Агранат Т.Б. Сето в Сибири // Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием «Бубриховские чтения: задокументированное народное слово» (Петрозаводск, 27–28 октября 2020 г.). Петрозаводск: ПетрГУ, 2020. С. 38–41.
3. Агранат Т.Б. Особенности (не)передачи языка у сибирских сето // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2021. № 3. С. 9–18.
4. Агранат Т.Б., Гусев В.Ю., Орлов В.А. В эфире сето и камасинцы (документальные свидетельства сето-камасинских контактов) // Родной язык. Лингвистический журнал. 2020. № 2. С. 209–229.
5. Тишков В.А. (ред). Народы России: Энциклопедия. М.: Большая российская энциклопедия, 1994.
6. Тынурист И. Сету // Большая российская энциклопедия. Т. 30. 2015. <https://old.bigenc.ru/ethnology/text/5149345> (дата обращения: 17.07.2025).
7. Agranat T.B. Petites langues et grands problèmes: autour des nominations du vote, de l'ingrien et du seto, et de leurs variétés // Moskvitcheva S. et Viaut A. (eds.), Les noms des variantes de langue minoritaire. Études de cas en France et en Russie, Presses Universitaires de Bordeaux (Bordeaux, France), 2024. Vol. 2. Pp. 295–310.
8. Buck V. Petseri eestlased. Tartu, 1909.
9. Chalvin A. La construction de l'identité des Setos (1920–1940) // Études finno-ougriennes. 2011. T. 43. Pp. 119–144.
10. Chalvin A. Les Setos d'Estonie. Armeline: Crozon, 2015.
11. Dautancourt V. La frontière Estonie-Russie entre absence de traité juridique et réalités quotidiennes // Études finno-ougriennes. 2010. T. 42. Pp. 159–195.
12. Hõrna A., Kauksi Ü., Lillmaa T., Reimanni N., Riitsaarõ E. Seto aabits. Setomaa Valdade Liit, 2011.
13. Külvik H. (ed.) Setomaa. Unique and genuine. Seto instituut, 2014.
14. Mi' Issändä Jeesusõ Kristusõ pühä Evangeelium Matvei, Marki, Luka ni Joanni kirotõt. Seto kirävara. Seto Instituut. Värskä, 2013 [1926].
15. Nigol A. Eesti asundused ja asupaidag Wenemaal, Tartu, 1918.
16. Pajusalu K. Estonian dialects // Erelt M. (ed.) Estonian Language. Linguistica Uralica, supplementary series. 2003. Vol. 1. Pp. 231–272.
17. Piho M. Siperian setukaiset // Koltat, karjalaiset ja setukaiset / T. Saarinen ja S. Suhonen toim. Kuopio: Snellman-Instituutti, 1995. S. 200–219.

Seto Idioms in Russia

Tatiana Borisovna Agranat – Doctor of Philology, leading researcher at the Institute of Linguistics of RAS, professor at the Moscow State Linguistic University, head of the project "Comprehensive Sociolinguistic and Grammatical Study of the Russian Setos' Idiom" (18-012-00802).
E-mail: tagranat@yandex.ru

The article presents some of the results of the completed scientific project "Comprehensive Sociolinguistic and Grammatical Study of the Russian Setos' Idiom". The author of the project made a number of expeditions to the Pechora district of the Pskov region, to the indigenous Seto territory, and to the Krasnoyarsk Territory, where the Seto people moved at the turn of the 20th century. The project aimed to obtain a complete synchronous grammatical description

of essentially two idioms: Pechora and Krasnoyarsk Seto, and collect comprehensive information about the modern functioning of the two idioms. For the first time, the idioms of the Krasnoyarsk Seto were the subject of both linguistic description and sociolinguistic study.

The article deals with the ethnic identity and ethnonyms of the Seto people, the preservation of their cultural traditions and customs; it provides certain sociolinguistic information obtained in a field sociolinguistic survey. Some features of the Seto language that differ from closely related languages are included in the article, as well as the linguistic differences between the two idioms.

Keywords: Baltic Finnic languages, Seto, Pskov region, Krasnoyarsk Territory, field research

REFERENCES

1. Agranat T.B. Yazyk, kul'tura i traditsii pechorskikh seto // Vestnik MGLU. Gumanitarnye nauki, 2019. № 4 (820). S. 219–226 (in Russian).
2. Agranat T.B. Seto v Sibiri // Materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem «Bubrikhovskie chteniya: zadokumentirovannoe narodnoe slovo». (Petrozavodsk, 27–28 oktyabrya 2020 g.). Petrozavodsk: PetrGU, 2020. S. 38–41 (in Russian).
3. Agranat T.B. Osobennosti (ne)peredachi yazyka u sibirskikh seto // Tomskii zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovaniy. 2021. № 3. S. 9–18 (in Russian).
4. Agranat T.B., Gusev V.Yu., Orlov V.A. V efire seto i kamasinty (dokumental'nye svidetel'stva seto-kamasinskikh kontaktov) // Rodnoi yazyk. Lingvisticheskii zhurnal. 2020. № 2. S. 209–229 (in Russian).
5. Tishkov V.A. (red). Narody Rossii. Entsiklopediya. M.: Bol'shaya rossiiskaya entsiklopediya, 1994 (in Russian).
6. Tynurist I. Setu // Bol'shaya rossiiskaya entsiklopediya. T. 30. 2015. (<https://old.bigenc.ru/ethnology/text/5149345>) (data obrashcheniya: 17.07.2025) (in Russian).
7. Agranat T.B. Petites langues et grands problèmes: autour des nominations du vote, de l'ingrien et du seto, et de leurs variétés // Moskvitcheva S. et Viaut A. (eds.), Les noms des variantes de langue minoritaire. Études de cas en France et en Russie, Presses Universitaires de Bordeaux (Bordeaux, France), 2024. Vol. 2. Pp. 295–310.
8. Buck V. Petseri eestlased. Tartu, 1909.
9. Chalvin A. La construction de l'identité des Setos (1920–1940) // Études finno-ougriennes, 2011. T. 43. Pp. 119–144.
10. Chalvin A. Les Setos d'Estonie. Armeline: Crozon, 2015.
11. Dautancourt V. La frontière Estonie-Russie entre absence de traité juridique et réalités quotidiennes // Études finno-ougriennes. 2010. T. 42. Pp. 159–195.
12. Hörna A., Kauksi Ü., Lillmaa T., Reimanni N., Riitsaarõ E. Seto aabits. Setomaa Valdade Liit. 2011.
13. Külvik H. (ed.) Setomaa. Unique and genuine. Seto instituut, 2014.
14. Mi' Issändä Jeesusõ Kristusõ pühä Evangeelium Matvei, Marki, Luka ni Joanni kirotõt. Seto kirävara. Seto Instituut. Värska, 2013 [1926].
15. Nigol A. Eesti asundused ja asupaidag Wenemaal. Tartu, 1918.
16. Pajusalu K. Estonian dialects // Erelt M. (ed.) Estonian Language. Linguistica Uralica, supplementary series. 2003. Vol. 1. Pp. 231–272.
17. Piho M. Siperian setukaiset // Koltat, karjalaiset ja setukaiset / T. Saarinen ja S. Suhonen toim. Kuopio: Snellman-Instituutti, 1995. S. 200–219.

Индекс УДК 304; 81; 930

Код ГРНТИ 3.29; 3.61

DOI: 10.22204/2587-8956-2025-122-03-102-111

Л.И. МИССОНОВА*

Создание письменности в XXI веке для бесписьменного языка уильта Сахалина: вопросы истории и современное решение

В статье рассматриваются этапы создания письменности, а также вопросы истории социальной жизни языка. Численность уильта (по переписям РФ) не превышает четырёх сотен человек, в основном проживающих в Сахалинской области. На рубеже 1920–1930-х гг. в СССР создание письменности на родных языках было предусмотрено для «наиболее многочисленных малых народностей Севера». Поскольку уильта (уильта, оролены, ороки, как их фиксировали в различных документах в советское время) не попадали в этот разряд, то письменность у них не появилась вплоть до XXI в. В настоящее время происходит очевидная утрата коммуникативной функции уильтинского языка. На первый план выходит функция, служащая поддержанию этнической идентичности общности уильта.

Ключевые слова: уильтинский (орокский) язык, письменность уильта, уильта, оролены, ороки, Сахалин, коренные малочисленные народы Севера, тунгусо-маньчжурские народы

«Мал золотник, да дорог.

Мы живём... в первые годы третьего тысячелетия, когда более или менее стало ясно, что эпоха письменной цивилизации, начавшаяся около семи тысяч лет назад, не только охватила, в форме глобальной цивилизации массового индустриального производства и безудержного потребления материальных ценностей, весь земной шар, не исключая самых далёких и глухих его уголков, но и вступила в фазу собственной агонии.

...на низовом этнокультурном уровне не просто тревогу, а страх перед надвигающимися необратимыми, невосполнимыми и катастрофическими потерями [вызывает]... продолжающееся снижение и ущемление функций туземных языков, растущий межпоколенный разрыв во владении ими, утеря большей части устно-литературного и вообще фольклорного достояния. Есть основания опасаться, что к концу текущего столетия десятки языков, которые сегодня ещё звучат в живой речи преимущественно старших поко-

* **Миссонова Людмила Ивановна** — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник, ответственный секретарь серии «Народы и культуры» Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, руководитель проектов РФФИ «Тунгусо-маньчжурские народы Сибири и Дальнего Востока» (№ 14-01-00058а, 21-19-00192д).

E-mail: missmila@iea.ras.ru

лений, вообще звучать перестанут. В наибольшей степени это относится к языкам народов Севера, Сибири и Дальнего Востока, насчитывающих всего по несколько тысяч, а то и сотен человек. Именно к ним относится и один из самых малых народов России, народ уильта...

Язык — душа народа. Как и отдельный человек, народ жив и деятелен, пока в нём теплится эта душа. А при потере этой души народу грозит участь перестать быть народом, превратиться в аморфную часть безликого и бездушного «населения».

*Член-корреспондент РАН
С.А. Арутюнов [1, с. 5–6].*

Численность уильта не превышает четырёх сотен человек, согласно переписям РФ, в основном проживающих в Ногликском (северная группа) и Поронайском районах (южная группа) Сахалинской области. Жизнь малочисленного народа проходит в многоэтничном обществе о. Сахалин, что исторически (со времени сахалинской каторги) затрудняло сохранение активного использования языка в повседневной жизни. Проблемой сохранения языков малочисленных народов Севера исследователи занялись в 1960-е гг. (одним из первых был В.А. Аврорин [2]), новый виток попыток пришёлся на 1990-е гг. 74-я сессия Генеральной Ассамблеи ООН провозгласила 2022–2032 гг. Международным десятилетием языков коренных народов. Десятилетие объявлено с целью привлечь внимание к проблеме катастрофической утраты языков коренных народов и необходимости сохранять, возрождать, популяризировать эти языки, предпринимать дальнейшие экстренные шаги на национальном и международном уровнях.

Отметим, что ещё в сентябре 2007 г. Сахалинская областная дума приняла Закон «О языках коренных малочисленных народов Севера, проживающих на территории Сахалинской области». В ст. 1 отмечается, что лица, относящиеся к коренным малочисленным народам Севера (нанайцы, нивхи, ороки (ульта, эвенки)) имеют право

свободного выбора языка общения, воспитания, обучения и творчества, а также право на изучение родных языков. В рамках государственной поддержки сохранения и развития языков коренных народов в данном законе (ст. 2) предусматривается создание условий для использования языков коренных народов в различных сферах жизни и создание системы непрерывного обучения и воспитания подрастающего поколения коренных народов. Обратим внимание на то, что закон в качестве обеспечения гарантий реализации права коренных народов на выбор языка обучения и воспитания предусматривает «практическое владение учащимися родным языком» (ст. 3).

В 2008 г. в Южно-Сахалинске вышла в свет первая книга для изучения уильтинского языка «Уилтадаирису. Говорим по-уилтински». Проект по созданию письменности разработал профессор Университета Хоккайдо Дз. Икэгами, работавший в тесном контакте с представителями народа уильта сначала на Хоккайдо, а в 1990-е гг. на Сахалине [см. также 3; 4]. Проект обсуждался в Институте лингвистических исследований РАН в Санкт-Петербурге и Институте языкознания РАН в Москве в 1993 г. Однако изданный «букварь» не задумывался для внедрения в систему образования РФ, он был рассчитан на детей, владеющих родным языком с раннего детства. Но ни в России, ни в Японии таких детей давно нет.

История создания учебных пособий по изучению уильтинского языка началась с 2020 г. по инициативе и при поддержке Министерства образования Сахалинской области в лице министра А.Н. Киктевой и Л.Ю. Чистяковой, а также Института развития образования Сахалинской области им. В.Д. Гуревича в лице Е.В. Сверкуновой. В июле 2020 г. на заседании круглого стола в Комитете Совета Федерации по науке, образованию и культуре Федерального собрания РФ отмечалось, что в государственный реестр основных образовательных программ общего образования РФ были включены 130 программ по предмету «Род-

Ил. 1. Букварь, алфавит

ной язык» для 30 языков народов России. В Федеральный перечень вошли 252 учебника по 15 родным языкам народов России.

Однако в реестре и в Федеральном перечне учебников полностью отсутствовали учебные и методические пособия для организации изучения родного языка коренного малочисленного народа Сахалинской области — уильтинского. Пособия по уильтинскому языку никогда ранее не разрабатывались. Была поставлена задача выпустить букварь и картинный словарь по изучению языка, что и было сделано. Сбор лексических единиц и составление предложений/фраз на уильтинском языке (с переводом на русский язык) осуществил авторский коллектив, включающий специалистов в области лингвистики и этнологии, а также, безусловно, представителей северного и южного диалекта уильтинского языка, для которых язык стал родным с момента их рождения и имеющих высшее филологическое образование. В состав авторского коллектива вошла также национальный художник — член Союза

художников России, член Международной ассоциации изобразительных искусств — АИАП ЮНЕСКО В.В. Осипова. Впервые букварь (авторы Е.А. Бибикина, С. Мина-то, Л.И. Миссонова, А.М. Певнов) вышел в издательстве «Просвещение» в 2022 г., он предназначен для изучения уильтинского языка как иностранного. Букварь дополнен вкладышами: кратким уильтинско-русским словарём и прописями (ил. 1). Это очень важный и необходимый шаг для сохранения языка уильта. Статус букваря как учебного пособия даёт возможность официального его использования в общеобразовательных организациях. Работа авторского коллектива по выпуску учебных пособий для младших классов школы продолжилась, в результате был издан Картинный словарь уильтинского языка с русско-уильтинским словарём [5, 6] (ил. 2). Далее стало понятно, что необходимо создать такое учебное пособие, которое могло бы быть использовано не только в школьном, но и в дошкольном образовании.

Зародился план разработки портфеля дошкольника — семи мини-книг — учебных пособий уильтинского языка для дошкольного обучения в рамках государственной программы Сахалинской области «Развитие образования в Сахалинской области». Разработан и издан комплект «Сōндō» («Оленёнок») (ил. 3), включающий темы: азбука; счёт; дом (жилище, утварь), семья (и семейный быт); природа, времена года, пространство (солнце, Луна, Земля, звёзды, важные созвездия), растения; оленеводство; охота, рыбалка, мужские виды промысла; береста, шитьё/вышивка, женский ручной труд; берестяные трафареты орнамента [7]. Для публикации были отобраны авторские уильтинские орнаменты мастериц-старейшин последнего десятилетия XX в. (ПМА из 35-летних экспедиционных исследований): берестяные или бумажные/картонные трафареты предназначены для практических творческих занятий дошкольников по вырезанию и составлению традиционных орнаментов.

Остановимся на вопросе о месте языка уильта в классификации языковой семьи родственных народов. Язык тесно связан именно с различиями в ведении традиционного хозяйства. Значимая роль (с середины 1980-х гг.) в постановке вопросов, связанных с проблемами этногенеза уильта и истории языков (общего праязыка) всех тунгусо-маньчжурских народов, принадлежит А.М. Певнову [8–10]. Во время презентации «букваря» (2008 г.) учёный высказал такую точку зрения: «С таксономической точки зрения в тунгусо-маньчжурской языковой семье он является ближайшим родственником ульчского и нанайского языков, причём наиболее глубокие генетические связи обнаруживаются с первым из них. Языковые предки уильта имели очень серьёзные контакты с эвенками, но не с теми, которые ныне живут на Сахалине, а с какими-то иными – вероятно, континентальными. Именно тот, неякутизированный эвенкийский язык оставил весьма заметный след не только в уильтинской лексике, но и в грамматике».

Ил. 2. Букварь и Картинный словарь

Ил. 3. Портфель дошкольника

Относительно более далёкими родственниками уильтинского (орокского) языка А.М. Певнов называет ороцкий, удэгейский, негидальский, эвенский, эвенкийский, хамниганский, ороченский, солонский, маньчжурский, сибирский, чжур-

Ил. 4. Минато Сирюко (южная группа)
в уильтинском национальном костюме.
Поронайский краеведческий музей. 2009 г.

чжэньский (на шести последних говорят или говорили в Китае).

Уильтинский язык включает два диалекта: северный (восточносахалинский) и южный (поронайский) [11, 1]. Язык уильта, переселившиеся на о. Хоккайдо из Поронайского р-на после 1945 г., относится также к южному диалекту (ил. 4, 5). При создании учебных пособий авторы в 2020-е гг. естественно столкнулись с проблемой выбора отражения в письменности диалектного звучания речи северной и южной групп уильта. Эта проблема характерна для периода становления национальных языков. Ещё в 1940–1950-е гг. среди лингвистов активно обсуждался вопрос о роли тех или иных диалектов в формировании языка: «чем пестрее и разнообразнее “речевая жизнь” того или иного народа, тем сложнее, менее плавно и иногда болезненнее проходит процесс образования и оформления

национального языка» у ранее бесписьменных народов [12, с. 339, 361].

Ни в прошлом, ни в нынешнем веке в жизни уильта не доминировал ни один из двух диалектов (ни по числу говорящих, ни по значимости для всего сообщества), при этом представители северной и южной групп всегда знали о звуковых (речевых) особенностях своих языков. Никаких препятствий в общении их предков эти различия не создавали. Как и в середине XX в. при создании письменности у других народов Севера, встал вопрос о том, что диалект, не лёгший в основу национального языка, может потерять самобытность. Поэтому было принято решение отражать два диалекта во всех учебных пособиях. К сожалению, не оказалось возможным воплотить это в полной мере, так как первые собиратели лексики уильтинского языка далеко не всегда различали и отражали диалектические особенности. Уникальность языка уильта проявляется прежде всего в исторической фонетике и в некоторых правилах морфологии, в яркой образности описываемых явлений, действий и т.п. Это отмечали исследователи и в XIX, и в XXI вв. Например, лейтенант Леонтович, который выпустил первый словарь языка в 1896 г., зафиксировал такой перевод: «Сяу гаппаһани» (восход). — «Солнце воспрянуло из моря, как стрела лука» [13]. Первыми учёными XX в., изучавшими язык на Сахалине, необходимо назвать Бронислава Пилсудского, Таисию Ивановну Петрову, Клавдию Александровну Новикову и Лидию Ивановну Сем [14–18].

Известно, что в целях распространения православия попытки создания письменности языков «северных» народов предпринимали некоторые миссионеры. По данным *Метрических книг*, крещение уильта происходило в 1879–1916 гг. При этом успешно распространялись православные («русские») имена, но каких-либо существенных попыток создания письменности в этот период не наблюдалось. О возникновении письменности у народов Севера можно говорить лишь на рубеже

1920–1930-х гг., когда проводилось национально-территориальное районирование. Создавалась она на основе латинского алфавита, а затем «в целях более тесной связи с русским языком, являющимся общепринятым языком межнационального общения, была переведена на русскую графическую основу». Создание письменности на родных языках предусматривалось для «наиболее многочисленных малых народностей Севера» [19, с. 470–471]. Поскольку уильта (орочены, ороки, как их фиксировали в документах советского времени) не попадали в разряд «наиболее многочисленных малых народностей Севера», то им не досталось тогда внимания языковедов. В итоге письменность уильтинского языка появилась только в XXI в.

Ошибочно утверждать, будто назначение «письменности» было чуждым для народностей Севера» [19, с. 470]. Потребность в письменности подтверждается существованием у многих северных народов системы пиктографического письма [20], различных знаков собственности на предметах обихода, системы меток домашних животных, например, оленей у уильта и эвенков, передачи информации на деревьях по пути следования между сезонными стоянками кочующих уильтинских семей (ил. 6) (и даже попыток создания системы иероглифического письма, к примеру, у чукчей [21, с. 8]).

Так зачем нужна сегодня жизнь языка малочисленного народа? Уже в начале 1990-х гг. можно было говорить о единичных представителях народа, владевших родным языком. В начале XXI в. их число не изменилось, хотя, безусловно, степень владения языком в эти десятилетия различная. А к концу первой четверти нашего столетия уровень владения языком резко сократился до критического минимума. Очевидная утрата коммуникативной функ-

Ил. 5. Уильта Сахалина. Л.Р. Китазима (слева, южная группа), Е.А. Бибилова, И.Я. Федяева (справа, северная группа)

ции языка не может рассматриваться как равнозначная утрата в целом ценности языка для народа. В данном случае на первый план выходит функция, однозначно служащая поддержанию этнической идентичности. В жизни *de facto* благодаря созданию письменности возрастает интерес к общему фонду исконной культуры народа. У современного поколения возрастает востребованность изучения уильтинского языка как языка предков, как способа сохранения этнической самоидентификации, а вместе с этим и традиционных экзистенциальных ценностей (ил. 7). Необходимо осознавать, что данный язык уже не станет разговорным (за некоторым исключением случаев употребления оленеводческой лексики в среде оленеводов), но его познание даже в ограниченной форме крайне необходимо для понимания своей архетипической культуры и истории («прочтения» мировоззренческих

Ил. 6. Подготовка к кочевью

орнаментов, фольклора, культуры танца, музыки и т.п.). При полном выходе из повседневного общения в памяти людей этот язык не перестаёт жить как язык предков (т.е. архетипический язык народной культуры). Поэтому многие представители малочисленных народов продолжают считать языки предков родными, хотя с раннего детства в основном говорят на русском языке.

Большие расхождения по подсчёту числа людей, «владеющих уильтинским языком», которые дают различные официальные статистические источники информации, объясняются чаще всего некорректностью задаваемого вопроса при проведении опроса. Например, ответ о родном языке: «уильтинский», «эвенкийский», «нанайский», «нивхский» — не будет означать, что люди владеют этими языками в той или иной степени. Понятие «род-

ной язык» часто воспринимается как «язык предков». Поэтому хотя все с детства «говорят» на русском языке, «родной язык» — это путь к осознанной или неосознанной самоидентификации. Нельзя человеку запретить или указать, как ему правильно воспринимать понятие «мой родной язык».

Отсутствие ранее письменности привело и к запутанной социальной жизни этнонима (уильта, уйльта, ульта, орочны, ороки) этого народа. Наибольшее число вопросов вызывает перевод уильтинских фраз на русский язык в словарных статьях, созданных на основе архивных полевых материалов К.А. Новиковой. Из текстовых фрагментов бытовой и фольклорной речи абсолютно ясно, что все информанты в 1949–1951 гг., т.е. «в пору активного функционирования» языка, говорили о себе и своём народе «ујилта (ујл'та, ул'та)», но при этом везде их «самоназвание» переводится «орок, ороки» [16, с. 5–6, 374–375 и др.]. Важно обратить внимание на то, что начиная с переписи населения РФ 2002 г. утвердилось официальное название народа — уйльта (уильта). При этом сохраняется (что выглядит противоречием) «ороки (ульта)» и в ныне действующем Едином перечне коренных малочисленных народов РФ

Ил. 7. Ногликский район, с. Вал.

Участники Национального фольклорного ансамбля «Дорима». Фото А.Н. Борисовой

(утверждён постановлением Правительства РФ от 24 марта 2000 г. № 255). Очевидно, что такая ситуация не возникла бы, если бы ранее существовали принятые ориентиры норм письменного отражения фонетических и иных особенностей

уильтинского языка. Так влияет отсутствие корректной возможности познания языка на социальные процессы. А ведь язык служит отражением архетипической культуры общности, сохраняющим коды экзистенциональных традиций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Миссонова Л.И. Лексика уильта как историко-этнографический источник / Отв. ред. С.А. Арутюнов. М.: Наука, 2013.
2. Аврорин В.А. Новые исследования по языкам народностей Севера // Известия АН СССР. ОЛЯ. 1957. Т. XVI. Вып. 5. С. 472–474.
3. Ikegami Jirô. A Dictionary of the Uilta Language Spoken on Sakhalin. Sapporo: Hokkaido University Press, 1997. (на уилт.-яп. яз.)
4. Magata Hisaharu (comp.). A Dictionary of the Uilta Language. Abashiri, 1981. (на уилт.-яп. яз.)
5. Бибикова Е.А., Минато Сирюко, Миссонова Л.И., Певнов А.М. Букварь: Учебное пособие на уильтинском языке для общеобразовательных организаций. М.; СПб.: Просвещение, 2022. (Серия «Новый учебник Дальнего Востока»).
6. Бибикова Е.А., Минато Сирюко, Миссонова Л.И., Певнов А.М. Картинный словарь уильтинского языка. 1–4 классы: Учебное пособие для общеобразовательных организаций. М.; СПб.: Просвещение, 2023 (Серия «Новый учебник Дальнего Востока»).
7. Бибикова Е.А., Минато Сирюко, Миссонова Л.И., Певнов А.М. Уилтадаижи таумбури бичихэ: Книги для чтения на языке уильта. М.; СПб.: Просвещение, 2024. Комплект (7) мини-книжек «Сондō» («Оленёнок»): (1) А, Б, В... (Азбука). Уилтадаири таумбури бичихэ. (2) 1, 2, 3 ... Геда, дū, илā...Один, Два, Три (Счет). (3) Бū дукупу (северный диалект), Бū духупу (южный диалект). Наш Дом. (4) Бō. Окружающий мир. (5) Ороскōввури. Оленеводство. (6) Бэиннэ, сундатта вāvури. Охота. Рыбалка. (7) Андупури. Рукоделие.
8. Певнов А.М. Лингвистические свидетельства исторических контактов ороков и орочей на Сахалине // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. Т. XIV. Ч. 1. СПб.: ИЛИ РАН, 2018. С. 441–464.
9. Певнов А.М. Тунгусо-маньчжурские языки: общие сведения и история // Тунгусо-маньчжурские народы Сибири и Дальнего Востока: Эвенки. Эвены. Негидальцы. Уильта. Нанайцы. Ульчи. Удэгейцы. Орочи. Тазы / Отв. ред. Л.И. Миссонова, А.А. Сирина. М.: Наука, 2022. (Серия «Народы и культуры»). С. 58–72. Том серии издан в рамках проекта РФФИ № 21-19-00192д (рук. Л.И. Миссонова).
10. Певнов А.М. Этимология самоназвания ороков // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. Т. XIII. Ч. 3. СПб.: Наука, 2017. С. 886–892.
11. Новикова К.А., Сем Л.И. Орокский язык // Языки мира: Монгольские языки. Тунгусо-маньчжурские языки. Японский язык. Корейский язык. М., 1997. С. 201–215.
12. Санжеев Г.Д. Образование и развитие национальных языков в свете учения И.В. Сталина // Вопросы языкознания в свете трудов И.В. Сталина / Под ред. В.В. Виноградова. М.: МГУ, 1952.
13. Леонтович С. (сост.) Краткий русско-ороченский словарь с грамматической заметкой. На речие бассейна реки Тумнин, впадающей в Татарский пролив, севернее Императорской гавани / Записки Общества изучения Амурского края Филиального отделения Приамурского отдела Императорского Русского географического общества. Т. V. Вып. II. Владивосток: Тип. Н.В. Ремезова, 1896.
14. Пилсудский Б. Из поездки к орокам Сахалина в 1904 г. Препринт. Южно-Сахалинск, 1989.
15. Петрова Т.И. Язык ороков (ульта). Л.: Наука, 1967. [Петрова Т.И. «Грамматический очерк языка ороков. (Морфология). Дисс. [Б. Н. Б. Г.]. Лен. гос. ун-т» / Научная библиотека СПбГУ.

16. Озолия Л.В. Орокско-русский словарь / Отв. ред. Б.В. Болдырев. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2001.
17. Сем Ю.А., Сем Л.И., Сем Т.Ю. Материалы по традиционной культуре, фольклору и языку ороков. Диалектологический орокско-русский словарь // Труды Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока. Т. XIV. Этнографические исследования. Владивосток: Дальнаука, 2011.
18. Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Материалы к этимологическому словарю / Отв. ред. В.И. Цинциус. Л.: Наука. Т. I. 1975. Т. II. 1977.
19. Скорик П.Я. Основные тенденции развития и взаимодействия языков народов Севера // Основные процессы внутривидового развития тюркских, финно-угорских и монгольских языков / Отв. ред. Н.А. Баскаков. М., 1969.
20. Окладников А.П. Петроглифы Нижнего Амура. Л., 1971.
21. Богораз В.Г. Луоратветланский (чукотский) язык // Языки и письменность народов Севера. М.; Л., 1934. Ч. III.

Development of Writing in 21st Century for Unwritten Language of Sakhalin Uilta People: Historical Issues and Modern Solution

Lyudmila Ivanovna Missonova — Candidate of Science (History), leading researcher, executive secretary of the Peoples and Cultures series at the N.N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology, Russian Academy of Sciences, project manager of the Russian Foundation for Basic Research "Manchu-Tungusic Peoples of Siberia and the Far East" (No. 14-01-00058a, 21-19-00192d).
E-mail: missmila@iea.ras.ru

The article discusses the stages of the creation of writing, as well as the history of the socio-linguistic situation. Uilta population (according to the Censuses of the Russian Federation) does not exceed four hundred people, mostly living in the Sakhalin region. At the turn of the 1930s, the USSR started the creation of writing in native languages of "the most numerous ethnic minorities of the North." Since the Uilta (also referred to as Uilta, Oroch and Oroks in various documents of the Soviet Union) did not meet this criterion, they did not have a written language until the 21st century. Currently, there is an obvious loss of the communicative function of the Uilta language. The function of maintaining the ethnic identity of the Uilta community is now the primary one.

Keywords: Uilta (Orok) language, written Uilta, Uilta, Oroks, Sakhalin, indigenous peoples of the North, Manchu-Tungusic peoples

REFERENCES

1. Missonova L.I. Leksika uil'ta kak istoriko-etnograficheskii istochnik / Отв. ред. S.A. Arutyunov. М.: Nauka, 2013 (in Russian).
2. Avrorin V.A. Novye issledovaniya po yazykam narodnostei Severa // Izvestiya AN SSSR. OLYA. 1957. T. XVI. Vyp. 5. S. 472–474 (in Russian).
3. Ikegami Jirô. A Dictionary of the Uilta Language Spoken on Sakhalin. Sapporo: Hokkaido University Press, 1997. (na uilt.-yap. yaz.)

4. Magata Hisaharu (comp.). A Dictionary of the Uilta Language. Abashiri, 1981. (na uilt.-yap. yaz.)
5. Bibikova E.A., Minato Siryuko, Missonova L.I., Pevnov A.M. Bukvar': Uchebnoe posobie na uil'tinskom yazyke dlya obshcheobrazovatel'nykh organizatsii. M.; SPb.: Prosveshchenie, 2022. (Seriya «Novyi uchebnik Dal'nego Vostoka») (in Russian).
6. Bibikova E.A., Minato Siryuko, Missonova L.I., Pevnov A.M. Kartinnyi slovar' uil'tinskogo yazyka. 1–4 klassy: Uchebnoe posobie dlya obshcheobrazovatel'nykh organizatsii. M.; SPb.: Prosveshchenie, 2023 (Seriya «Novyi uchebnik Dal'nego Vostoka») (in Russian).
7. Bibikova E.A., Minato Siryuko, Missonova L.I., Pevnov A.M. Uiltadaiži taumburi bichikhe: Knigi dlya chteniya na yazyke uil'ta. M.; SPb.: Prosveshchenie, 2024. Komplekt (7) mini-knizhek «Sōndō» («Olenyonok»): (1) A, B, V... (Azbukа). Uiltadaipi taumburi bichikhe. (2) 1, 2, 3 ... Geda, d̄y, ilā... Odin, Dva, Tri (Schet). (3) B̄y dukupu (severnii dialekt), B̄y dukhupu (yuzhnyi dialekt). Nash Dom. (4) Bō. Okruzhayushchii mir. (5) Oroskōvvuri. Olenevodstvo. (6) Beiḡḡē, sundattā vāvvuri. Okhota. Rybalka. (7) Andupuri. Rukodelie.
8. Pevnov A.M. Lingvisticheskie svidetel'stva istoricheskikh kontaktov orokov i orochei na Sakhaline // Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovaniy. T. XIV. Ch. 1. SPb.: ILI RAN, 2018. S. 441–464 (in Russian).
9. Pevnov A.M. Tunguso-man'chzhurskie yazyki: obshchie svedeniya i istoriya // Tunguso-man'chzhurskie narody Sibiri i Dal'nego Vostoka: Evenki. Eveny. Negidal'tsy. Uil'ta. Nanait'sy. Ul'chi. Udegeitsy. Orochi. Tazy / Otv. red. L.I. Missonova, A.A. Sirina. M.: Nauka, 2022. (Seriya «Narody i kul'tury»). S. 58–72. Tom serii izdan v ramkakh proekta RFFI № 21-19-00192d (ruk. L.I. Missonova) (in Russian).
10. Pevnov A.M. Etimologiya samonazvaniya orokov // Acta Linguistica Petropolitana. Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovaniy. T. XIII. Ch. 3. SPb.: Nauka, 2017. S. 886–892 (in Russian).
11. Novikova K.A., Sem L.I. Orokskii yazyk // Yazyki mira: Mongol'skie yazyki. Tunguso-man'chzhurskie yazyki. Yaponskii yazyk. Koreiskii yazyk. M., 1997. S. 201–215 (in Russian).
12. Sanzheev G.D. Obrazovanie i razvitiye natsional'nykh yazykov v svete ucheniya I.V. Stalina // Voprosy yazykoznaniiya v svete trudov I.V. Stalina / Pod red. V.V. Vinogradova. M.: MGU, 1952 (in Russian).
13. Leontovich S. (sost.) Kratkii russko-orochenskii slovar' s grammaticheskoi zametkoi. Narechie basseina reki Tumnin, vpadayushchei v Tatarskii proliv, severnee Imperatorskoi gavani / Zapiski Obshchestva izucheniya Amurskogo kraia Filial'nogo otdeleniya Priamurskogo otdela Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshchestva. T. V. Vyp. II. Vladivostok: Tip. N.V. Remezova, 1896 (in Russian).
14. Pilsudskii B. Iz poezdki k orokam Sakhalina v 1904 g. Preprint. Yuzhno-Sakhalinsk, 1989 (in Russian).
15. Petrova T.I. Yazyk orokov (ul'ta). L.: Nauka, 1967. [Petrova T.I. «Grammaticheskii ocherk yazyka orokov. (Morfologiya). Diss. [B.N. B.G.]. Len. gos. un-t» / Nauchnaya biblioteka SPbGU (in Russian).
16. Ozoliny L.V. Orokso-russkii slovar' / Otv. red. B.V. Boldyrev. Novosibirsk: Izd-vo SO RAN, 2001 (in Russian).
17. Sem Yu.A., Sem L.I., Sem T.Yu. Materialy po traditsionnoi kul'ture, fol'kloru i yazyku orokov. Dialektologicheskii orokso-russkii slovar' // Trudy Instituta istorii, arkheologii i etnografii narodov Dal'nego Vostoka. T. XIV. Etnograficheskie issledovaniya. Vladivostok: Dal'nauka, 2011 (in Russian).
18. Sravnitel'nyi slovar' tunguso-man'chzhurskikh yazykov. Materialy k etimologicheskomu slovaryu / Otv. red. V.I. Tsintsius. L.: Nauka. T. I. 1975. T. II. 1977 (in Russian).
19. Skorik P.Ya. Osnovnye tendentsii razvitiya i vzaimodeistviya yazykov narodov Severa // Osnovnye protsessy vnutristrukturnogo razvitiya tyurkskikh, finno-ugorskikh i mongol'skikh yazykov / Otv. red. N.A. Baskakov. M., 1969 (in Russian).
20. Okladnikov A.P. Petroglify Nizhnego Amura. L., 1971 (in Russian).
21. Bogoraz V.G. Luoratvetlanskii (chukotskii) yazyk // Yazyki i pis'mennost' narodov Severa. M.; L., 1934. Ch. III (in Russian).

P.S.: в настоящее время в издательстве "Просвещение" сдан в печать "Уильтинско-русский и русско-уильтинский учебный словарь" (около 6000 слов), подготовленный авторами Е.А. Бибиковой, Л.И. Миссоновой, А.М. Певновым.

Т.Р. РЫЖИКОВА*

Цифровизация лингвистических исследований как способ сохранения языкового многообразия Сибири (база данных диалогической речи миноритарных этносов Новосибирской области и сопредельных регионов)

На территории Новосибирской области проживают представители двух коренных малочисленных этносов — барабинцы и чаты. Их языки и культура находятся под угрозой исчезновения по ряду экстралингвистических причин: нарушение мест компактного проживания, прерывание межпоколенческой передачи языка и традиций, процессы трудовой миграции, мировая глобализация. Если ещё 20–25 лет назад их дети говорили на родном идиоме, то в настоящее время таких говорящих либо нет, либо крайне мало. Язык ограничен бытовой сферой функционирования, письменности нет. В аналогичных условиях находятся и родственные тюркские языки — кумандинский и телеутский, хотя для них разработана или разрабатывается письменная норма. У немцев-меннонитов Сибири ситуация немного лучше, однако общие тенденции развития языка такие же, как и у коренных народов. Создаваемая в рамках проекта база данных диалогической речи барабинцев, чатов, кумандинцев, телеутов и немцев-меннонитов спроектирована таким образом, что даёт возможность прослушать записанные от носителей диалоги полностью или выбрать отдельные высказывания с различной коммуникативной направленностью. Параллельно с изучением особенностей интонации диалогической речи ведётся разработка правил правописания на изучаемых языках, поскольку все тексты имеют тэйпскрипты на языке оригинала и переводы на русский. Отдельные высказывания сопровождаются фонематической разметкой, что позволяет выполнить интонационный анализ полуавтоматически. Современные технологии дают возможность исследователям вводить в научный оборот и предоставлять доступ всем желающим к звучащей речи малочисленных этносов, что, несомненно, косвенно способствует сохранению исчезающих идиомов.

Ключевые слова: малочисленные народы Сибири, исчезающие языки, электронная база данных, интонация диалогической речи

* **Рыжикова Татьяна Раисовна** — кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института филологии СО РАН, исполнитель проекта Российского научного фонда и Правительства Новосибирской области «Диалог в полиэтническом обществе как отражение языковой картины мира миноритарных этносов Новосибирской области» (№ 24-28-20231, 2024–2025 гг., руководитель — А.А. Добрынина). E-mail: tanya12@mail.ru

Современные цифровые технологии применяются во всех отраслях науки, в том числе в филологии. Создаются корпуса и базы данных (БД) как по языкам в целом, так и по их отдельным аспектам. Самым известным российским корпусом является «Национальный корпус русского языка», который постоянно пополняется и развивается начиная с 2003 г. На данный момент в нём представлено более двух млрд слов и девять уровней лингвистической разметки [1]. Активно создаются различные корпуса по языкам народов РФ, например Национальный корпус татарского языка «Туган тел» [2], Национальный корпус башкирского языка [3], Электронный корпус тувинского языка [4] и многие другие. Существенно меньше разрабатываются корпуса и базы данных звучащей речи, и совсем единичны интонационные корпуса и БД.

Одним из первых корпусов с интонационной разметкой можно считать Русский интонационный корпус (РИНКО), созданный сотрудниками МГУ [5]. Продолжая традиции Ленинградской (Шербовской) фонологической школы, учёные СПбГУ разрабатывают корпус «Один речевой день» (ОРД), целью создания которого является изучение речевого поведения носителя русского языка в течение дня [6]. Продолжение этой работы – Корпус русской спонтанной речи CoRuSS, основанный на связной речи [7]. Помимо аннотированного материала он включает полные записи диалогов. По языкам народов Сибири на данный момент созданы звуковые корпуса для диалектов бурятского [8] и хакасского [9] языков.

В рамках проекта РНФ и правительства Новосибирской области № 24-28-20231 (руководитель – А.А. Добрынина) разрабатывается база данных «Интонация диалогической речи миноритарных народов Новосибирской области и сопредельных регионов», которая является первой интонационной БД по языкам коренных и переселенческих народов Сибири. В базе представлены полные версии диалогов на бара-

бинском, чатском, телеутском, кумандинском, плотдиче (язык немцев-меннонитов) с тэйпскриптами на языке оригинала и с переводом на русский. Кроме того, в БД загружены отдельные вопросительные и утвердительные высказывания, проаннотированные в программе Praat.

Кроме научно-исследовательской цели, а именно – изучения интонационного оформления диалогической речи носителей исчезающих языков Новосибирской области и сопредельных регионов, работа направлена на сохранение и популяризацию изучаемых идиомов. Размещение разрабатываемой базы данных в свободном доступе в сети Интернет позволит получить доступ к лингвистическим материалам не только специалистам, занимающимся изучением языков и культур данного региона, но и представителям миноритарных этносов.

Материалы и методы исследования

Все рассматриваемые языки функционируют приблизительно в одинаковых социолингвистических условиях: 1) этносы являются малочисленными, а их языки находятся под угрозой исчезновения, поскольку говорящих на этих идиомах детей очень мало или нет совсем; языком хорошо владеют только носители среднего и старшего возраста; 2) из-за процессов миграции нарушается компактность проживания этносов, как следствие – исчезает преемственность поколений, язык и культура не передаются младшим членам сообщества должным образом (кроме общин немцев-меннонитов, где дети хорошо говорят на родном языке), что является катализатором исчезновения языка; 3) сфера функционирования родного языка крайне ограничена, главным образом, семейно-бытовым общением; 4) идиомы существуют только в устной форме, отсутствуют нормирование и литературный стандарт, что ведёт к возникновению вариативности произношения и лексико-грамматического оформления высказываний; 5) письмен-

Ил. 1. Запись чатских диалогов

ность не представлена или не закреплена (исключение составляет телеутский язык, для которого письменность была разработана ещё в XIX в., в настоящее время обновлённая орфография по ряду причин используется непоследовательно [10]); 6) дошкольное и школьное обучение родному языку не проводится. Все перечисленные факторы вместе или в определённой комбинации являются серьёзной угрозой сохранности идиомов.

В таких условиях получение лингвистического материала представляет значительную трудность, поскольку в диалоге принимают участие минимум двое собеседников, хорошо владеющих и понимающих родную речь. В ходе командировок в места компактного проживания барабинцев, чатов, немцев-меннонитов (Новосибирская область), телеутов (Кемеровская область), кумандинцев (Алтайский край и Республика Алтай) была записана диалогическая и монологическая речь от 66 носителей исследуемых языков (общая длительность аудиозаписей – более 23 часов) (ил. 1). Для сбора фонетического материала были специально разработаны

опросники нескольких типов, которые позволяли добиваться полуструктурированного спонтанного общения. Лингвисты, занимающиеся изучением разговорной речи, отмечают, что получение диалогических разговорных текстов, с одной стороны, даёт ценнейший лингвистический материал, с другой – имеет ряд ограничений [11].

Чтобы получить и записать целевые данные, приходится прибегать к полуспонтанной речи и использовать различные стимулы. Х. Берриос с коллегами применяли метод *map tasks* для вычисления лексической частотности, статуса когнатов и семантической неоднозначности [12]. В целом задания типа *map tasks* могут быть адаптированы для любых целей исследования [13]. Для «Интерактивного атласа испанской интонации» авторы разработали комплексную методику получения данных, в том числе – *map tasks*. Опрос состоял примерно из 70 ситуаций, каждая из которых была направлена на выявление определённого типа высказываний: утверждений, общих (да/нет) и специальных вопросов, переспросов, повелительных высказываний, вокативов (обращений) [14].

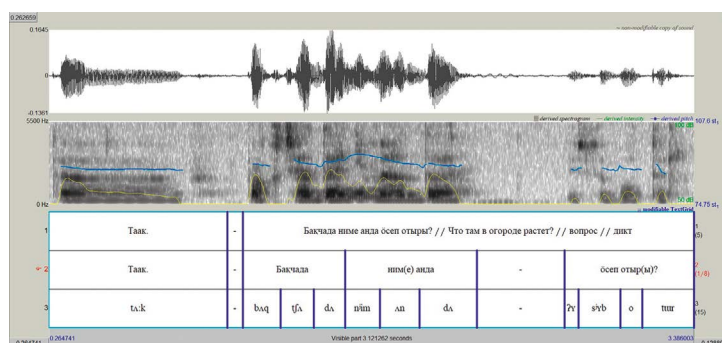
Для записи диалогической речи в своём исследовании мы разработали три вида опросников. Первый построен по типу *information gap*: дикторам выдаётся по одинаковой картинке, но у каждого цветным овалом закрыты разные части

Ил. 2. Пример иллюстративного материала, использованного при работе с информантами

Путешествия (куда бы вы мечтали поехать и почему). Диктор 1.	Путешествия (куда бы вы мечтали поехать и почему). Диктор 2.
1. Поздоровайтесь.	1. Поздоровайтесь. Спросите, куда бы собеседник хотел поехать.
2. Скажите, куда бы вы мечтали поехать, место мечты.	2. Спросите, почему он хотел бы туда поехать.
3. Ответьте, почему бы вы хотели туда поехать.	3. Спросите, как бы собеседник туда добирался.
4. Расскажите, как бы вы туда добрались, на чём, сколько времени заняла бы дорога.	4. Спросите, что собеседник там делал бы, что хотел бы посмотреть, какую пищу попробовать.
5. Ответьте на вопросы о том, что вы бы делали в месте мечты, какие достопримечательности хотели бы посмотреть, какую пищу попробовать.	5. Ответьте развернуто на похожие вопросы собеседника: куда хотели бы поехать, зачем или почему, как добрались бы, что делали там.
6. Теперь спросите своего собеседника, куда он хотел бы поехать и почему.	
7. Завершите диалог.	

Ил. 3. Пример карточек типа flow charts, использованных при работе с информантами

Ил. 4. Размеченный звуковой файл

изображения. Задавая вопросы, участники эксперимента должны понять, кто или что изображено на скрытом участке рисунка, что он/она делает, и предположить, почему или зачем (ил. 2). Второй состоит из карточек типа flow charts: каждому актору коммуникации выдаётся карточка с темой беседы и информацией, которую он должен узнать у адресата, задавая вопросы, и, в свою очередь отвечая на вопросы собеседника, рассказать о себе (ил. 3). В основу третьего опросника положены положительные и отрицательные общие (модальные, да/нет) вопросы. Преимуществом этого метода является то, что можно записать грамматико-временную систему, а также положительные и отрицательные формы глаголов.

Полевые данные показывают, что второй и третий тип опросников подходят практически для всех респондентов, в то время как с первым лучше справ-

лялись представители младшей и средней возрастной групп.

В случаях, когда отсутствовал второй собеседник, использовался метод интервью.

Полученные в полевых условиях аудиозаписи сегментировались на отдельные высказывания или реплики в программе Audacity и вручную аннотировались в Praat. Для целей поиска по базе данных разметка проводится на трёх уровнях: на первом приводятся высказывание на языке оригинала, перевод на русский язык, указываются тип и подтип высказывания; на втором даётся синтагменная аннотация, на третьем — слоговая с фонематической транскрипцией (ил. 4). Перепады частоты основного тона (ЧОТ) и интенсивности высчитываются автоматически. Данные о дикторе, поле, возрасте, месте записи, языке приводятся в отдельной таблице.

Обсуждение и результаты исследования

Поисковая система базы данных «Интонация диалогической речи миноритарных народов Новосибирской области и сопредельных регионов» позволяет прослушивать как целые диалоги, которые сопровождаются расшифрованным текстом на языке оригинала, так и переводом на русский язык. Поскольку все языки либо бесписьменные, либо утратившие письменность, запись звучащей речи представляет собой отдельную задачу, решение которой приближает нас к вопросу создания письменности для малочисленных этносов. В каждом конкретном случае проблема решается по-своему. Так, для языка барабинцев за основу взята система записи, разработанная Л.В. Дмитриевой [15] с некоторыми упрощениями. В основу чатской графики был положен алфавит сибирскотатарского [16] с уточ-

Ил. 5. Библия на плотдиче

нениями в соответствии со спецификой изучаемого идиома, особенно в области вокализма. Запись телеутских слов проверялась по «Русско-телеутскому словарю» [17], а кумандинских — по «Русско-кумандинскому словарю» [18].

Особую трудность представляет передача звучащей речи немцев-меннонитов. Поскольку плотдич относится к германской языковой семье и до сих пор считается диалектом немецкого языка, целесообразно использовать латинскую графику. Однако филологи, занимающиеся разработкой письменности для разных территориальных вариантов плотдич, предлагают совершенно разные системы записи, иногда чрезвычайно трудные для понимания (ил. 5). Кроме того, находясь уже долгое время в русскоязычной среде и в условиях, когда обучение в школе ведётся на русском, а немецкий литературный язык преподаётся факультативно, носителям трудно воспринимать латиницу. В исследовательских целях для записи диалогической речи немцев-меннонитов

мы используем упрощённую фонетическую транскрипцию с использованием знаков Международного фонетического алфавита [19].

Функционируя в устно-разговорной форме, диалог характеризуется рядом особенностей, которые отличают его от монологической речи: относительно простые предложения, эллипсы, пропуски членов предложения, употребление нечленимых высказываний, междометий, дейктических компонентов (местоимений, частиц), номинативных цепочек: повторов лексем и словоформ, а также соотносимых на уровне парадигматики лексических единиц (синонимов, антонимов, гиперонимов и гипонимов), лексико-семантических вариантов многозначных слов, лексем, объединяемых общими семами или словообразовательными связями, и т.д. в сочетании с невербальными средствами общения (интонация, мелодика, жесты, мимика и пр.) [20]. Частотны случаи автокоррекции и диалогической цитации, используются маркеры-сигналы обратной связи.

Автокоррекция: плот. [jo, i zent... i zent zojne menʃe ojn ʃpatsiere dojne her begos gunə menʃen. ɕir zent menʃen muʈ... muʈ beʃtatʲə gunə zʲi ʃpatsieren, puʂʲt vot freʃe loʈt.] 'Да, здесь видны... здесь видны люди, которые гуляют, по дороге идут люди. Здесь люди... с палками идут гулять, дышат свежим воздухом.'

Диалогическая цитация: чат. — Тэре-зедэ мыжык отыры. 'На окне кот сидит.' — Мыжык отыры? А-а-а. 'Кот сидит? А-а-а.' [20].

Переспрос-уточнение: куманд. — Чабыйы қандыб ѓнниб? 'Крыша какого цвета?' — ѓнни қандыб? 'Цвета какого?' [21].

Повторение: куманд. — Қызычақ полды ба? 'Была ли девочка?' — Пыйди... Пыйди, пыйди, пыйди. 'Так... Так, так, так.' [21].

Маркеры-сигналы обратной связи: бараб. — А-а-а. Анда бабай балық тотып отыры. 'А-а-а. Там дедушка ловит рыбу.' — Угу. 'Угу.' [20].

Несмотря на то, что диалогическое общение носило полуспонтанный, полуструк-

Ил. 6. Кумандинцы и руководитель проекта

турированный характер, отмечаются все признаки естественного диалога.

Полученные к настоящему моменту данные по интонации исследуемых языков позволяют сделать предварительные выводы об общих и специфичных чертах в каждом идиоме. Утвердительные высказывания во всех языках заканчиваются деклинацией, что свидетельствует о завершении мысли говорящим и не подразумевает дальнейшего продолжения или ответа собеседника. В ряде случаев терминальная интонация восходящая (или ровная), что сигнализирует о незавершённости реплики, предполагается дальнейшее развитие темы.

В интеррогативных высказываниях с вопросительным словом интонация зависит от места этого слова в предложении: оно всегда маркируется интонационным пиком. Специальные (диктальные) вопросы произносятся с восходяще-нисходящей частотой основного тона.

Общие (модальные) вопросы в тюркских языках, как правило, образуются при помощи вопросительной частицы *-ма* (*-ба*), которая присоединяется к глаголу или другому члену предложения. В нашей выборке оказалось незначительное количество таких высказываний из-за особенностей постановки эксперимента, поэтому была разработана дополнительная анкета с фокусом на да/нет вопросах; однако материал пока

обработан только предварительно. Тем не менее данные по кумандинскому языку [21] (ил. 6) показывают, что интонационный пик высказывания приходится именно на вопросительную частицу и маркируется инклинацией. Если предикат не стоит в самом конце синтагмы, то следующие за ним члены предложения произносятся, как правило, с нисходящей интонацией, тогда контур всего высказывания — восходяще-нисходящий. Эти данные согласуются с результатами наших предыдущих исследований (см., например: [22]).

Особый интерес с точки зрения сопоставления имеет интонационное оформление модальных вопросительных высказываний в языке плотдич, поскольку, как и в немецком литературном, такие вопросы образуются без специального вопросительного слова или частицы, а изменяется только порядок слов: вспомогательный или модальный глагол ставится перед подлежащим, что отличает стратегию

Ил. 7. Мечеть в Юрт-Оре

Ил. 8. Телеутский праздник

построения такого высказывания в германских языках от тюркских. В представленной выборке не зафиксировано грамматически правильно построенных вопросов данного типа, что в целом характерно для устной диалогической речи. В усечённых модальных вопросительных высказываниях отмечается нисходяще-восходящее изменение частоты основного тона.

В рассмотренных примерах — утверждение, общий (модальный) и специальный (диктальный) вопрос — интонационное оформление в плотдич в целом совпадает с тюркской интонацией и согласуется с интонационными универсалиями, выделенными Д.Р. Ладдом [23].

Заключение

Преимущество использования современных технологий в целях сохранения и распространения звучащей речи представителей малочисленных народов не вызывает сомнений. Создание озвученных корпусов и баз данных, в том числе интонационных, решает сразу несколько задач как научного, так и социального содержания. Как правило, представители миноритарных этносов проживают в удалённых и/или труднодоступных местах, их языки мало или совсем не изучены, поэтому лингвистические БД позволяют привлечь большее число специалистов к исследованию тех

или иных языковых явлений без проведения дорогостоящих экспедиций для сбора языкового материала. Электронные депозитарии также дают возможность хранить большие объёмы информации, включая видео- и аудиоматериалы, доступ к которым можно получить удалённо.

Коммуникативное поведение отличается национально-культурной спецификой, связанной с обычаями, нравами, эстетическими вкусами народов (ил. 7, 8). Сообщества сталкиваются с необходимостью обучения подрастающего поколения не только языку, но и нормам адекватного коммуникативного поведения в рамках национальной культуры.

Общедоступные, открытые корпусы и базы данных по языкам, находящимся под угрозой исчезновения, могут компенсировать отсутствие учебных материалов по идиомам малочисленных этносов, поскольку в звучащей речи отражаются общекультурные, ситуативные и индивидуальные нормы поведения. Именно диалог является первичной формой коммуникации индивидов, и в нём ярче всего отражаются языковые, этикетные, культурные, стереотипные поведенческие шаблоны этноса. Поэтому разработка и внедрение размеченных диалогических баз данных, несомненно, имеют приоритетное значение как для науки, так и для народов РФ.

ЛИТЕРАТУРА

1. Национальный корпус русского языка. Эл. ресурс: <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 04.06.2025).
2. Национальный корпус татарского языка. Эл. ресурс: <https://tugantel.tatar/> (дата обращения: 04.06.2025).
3. Национальный корпус башкирского языка. Эл. ресурс: https://web.archive.org/web/20220303071103/https://bashcorpus.ru/#about_other (дата обращения: 04.06.2025).
4. Электронный корпус тувинского языка. Эл. ресурс: <https://tuvancorpus.ru/> (дата обращения: 04.06.2025).
5. Кривнова О.Ф., Захаров Л.М., Кобозева И.М. Русский интонационный корпус РИНКО: диалогическая и монологическая речь // Вестник Московского университета. Серия 9. Филология. 2021. № 5. С. 32–44.
6. Корпус «Один речевой день» (ОРД). Эл. ресурс: <https://ord.spbu.ru> (дата обращения: 04.06.2025).
7. Kachkovskaia T., Kocharov D., Skrelin P., Volskaya N. CoRuSS – a New Prosodically Annotated Corpus of Russian Spontaneous Speech. 10th International Conference on Language Resources and Evaluation (LREC 2016). Portorož, Slovenia. 2016. Pp. 1949–1954. Эл. ресурс: <http://www.lrec-conf.org/proceedings/lrec2016/summaries/144.html> (дата обращения: 28.06.2025).
8. Абаева Ю.Д. Диалектный корпус как средство сохранения и изучения бурятской просодии // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований (Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology). 2020. Вып. 3 (29). С. 9–19.
9. Устный корпус диалектов хакасского языка. Эл. ресурс: https://lingconlab.ru/spoken_khakas/search (дата обращения: 04.06.2025).
10. Токмашев Д.М. Из истории литерализации телеутского языка // Вестник Башкирского университета. 2016. Т. 21, № 4. С. 1009–1016.
11. Захаров Л.М., Казакевич О.А. Интонация диалога (на материале аудиозаписей кетской, селькупской и эвенкийской речи) // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Труды международной конференции «Диалог–2007» (Бекасово, 30 мая – 3 июня 2007 г.). М.: Изд-во РГГУ, 2007. С. 207–212.
12. Berríos J., Swain A., Fricke M. Implementing the map task in applied linguistics research: What, how, and why // Research Methods in Applied Linguistics. 2023. № 2. С. 100081–100093.
13. Grice M., Savino M. Map tasks in Italian: Asking questions about given, accessible and new information // Catalan Journal of Linguistics. 2003. № 2. Pp. 153–180.
14. Prieto P., Roseano P. Atlas interactivo de la entonación del español. 2009–2013. <https://prosodia.upf.edu/atlasentonacion/metodologia/index-english.html> (дата обращения: 04.06.2025).
15. Дмитриева Л.В. Язык барабинских татар. Л.: Наука: Ленингр. отд-ние, 1981.
16. Сагидуллин М.А. Фонетика и графика современного сибирскотатарского языка. Тюмень: ИСКЕР, 2008.
17. Рюмина-Сыркашева Л.Т., Рюмин Н.М. Русско-телеутский словарь. Орус-телеут сөзлик. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2002.
18. Петрушова М.Б., Данилов В.М. Русско-кумандинский словарь. Бийск: Формат, Бия, 2006.
19. International Phonetic Alphabet (IPA) Chart With Sounds. Эл. ресурс: <https://www.international-phoneticalphabet.org/ipa-sounds/ipa-chart-with-sounds/> (дата обращения: 04.06.2025).
20. Рыжикова Т.Р., Шиндрова К.В., Плотников И.М., Якимец Н.В. Интонационные и прагматические характеристики диалогической речи барабинцев и чатов // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2024. № 4 (Вып. 52). С. 98–113.
21. Добрынина А.А., Шиндрова К.В., Григорьева А.С., Шестера Е.А. Интонация диалога на кумандинском языке (результаты полевых исследований) // Томский журнал лингвистических и антропологических исследований. 2024. № 4 (46). С. 47–57.

22. Рыжикова Т.Р., Добрынина А.А., Плотников И.М., Шестера Е.А., Шамрин А.С. Интонация модальных вопросительных высказываний в алтайском языке (на материале фольклора алтай-кижи) // Сибирский филологический журнал. 2020. № 2. С. 149–165.
23. Ladd D.R. Intonation // *Halbband Language Typology and Language Universals 2. Teilband*. Berlin, Boston: De Gruyter Mouton, 2001. Pp. 1380–1390.

Digitization of Linguistic Research as Means of Preservation of Linguistic Diversity of Siberia (Database of Dialogical Speech of Minority Ethnic Groups of Novosibirsk Region and Adjacent Regions)

Tatiana Raisovna Ryzhikova — Candidate of Science (Philology), senior researcher at the Institute of Philology SB RAS, executor of the project of the Russian Science Foundation and the Government of the Novosibirsk region "Dialog in Multiethnic Community as Reflection of Linguistic Worldview of Minority Ethnic Groups of Novosibirsk Region" (No. 24-28-20231, 2024-2025, headed by A. A. Dobrynina).

E-mail: tanya12@mail.ru

Representatives of two indigenous ethnic minorities, Baraba Tatars and Chat Tatars, live in the Novosibirsk Region. Their languages and culture are endangered for a number of extralinguistic reasons: disruption of their compact residence; interrupted passing of the language and traditions from generation to generation; labor migration; globalization. Whereas 20–25 years ago children spoke their native idiom, now there are either no young speakers or very few. The language is limited to the domestic use; there is no written tradition. The related Turkic languages, Kumandin and Teleut, are in a similar condition. However, a written form has been developed or is being developed for the two languages. The situation among the Mennonite Germans of Siberia is slightly better, but the general trends in language development are the same as among the indigenous peoples. The project included the development of a database of dialogical speech of Baraba Tatars, Chat Tatars, Kumandins, Teleuts and Mennonite Germans that provides audio records of dialogs of native speakers with different communicative focus (both full-length or separate phrases). In addition to studying the intonation of dialogical speech, the project author is developing spelling rules (all texts are transcribed in the original language and translated into Russian). Individual phrases have phonemic marks, which allow performing intonation analysis semi-automatically. Modern technologies enable researchers to introduce into scientific circulation and provide access to the recorded speech of ethnic minorities, which surely contributes to the preservation of endangered idioms.

Keywords: minority peoples of Siberia, endangered languages, electronic database, intonation of dialogical speech

REFERENCES

1. Natsional'nyi korpus russkogo yazyka. El. resurs: <https://ruscorpora.ru> (data obrashcheniya: 04.06.2025) (in Russian).
2. Natsional'nyi korpus tatarskogo yazyka. El. resurs: <https://tugantel.tatar/> (data obrashcheniya: 04.06.2025) (in Russian).
3. Natsional'nyi korpus bashkirskogo yazyka. El. resurs: https://web.archive.org/web/20220303071103/https://bashcorpus.ru/#about_other (data obrashcheniya: 04.06.2025) (in Russian).
4. Elektronnyi korpus tuvinskogo yazyka. El. resurs: <https://tuvancorpus.ru/> (data obrashcheniya: 04.06.2025) (in Russian).

5. Krivnova O.F., Zakharov L.M., Kobozeva I.M. Russkii intonatsionnyi korpus RINKO: dialogicheskaya i monologicheskaya rech' // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 9. Filologiya. 2021. № 5. S. 32–44 (in Russian).
6. Korpus «Odin rechevoi den'» (ORD). El. resurs: <https://ord.spbu.ru> (data obrashcheniya: 04.06.2025) (in Russian).
7. Kachkovskaia T., Kocharov D., Skrelin P., Volskaya N. CoRuSS — a New Prosodically Annotated Corpus of Russian Spontaneous Speech. 10th International Conference on Language Resources and Evaluation (LREC 2016). Portorož, Slovenia. 2016. Pp. 1949–1954. El. resurs: <http://www.lrec-conf.org/proceedings/lrec2016/summaries/144.html> (data obrashcheniya: 28.06.2025) (in Russian).
8. Abaeva Yu.D. Dialektnyi korpus kak sredstvo sokhraneniya i izucheniya buryatskoi prosodii // Tomskii zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovaniy (Tomsk Journal of Linguistics and Anthropology). 2020. Vyp. 3 (29). S. 9–19 (in Russian).
9. Ustnyi korpus dialektov khakasskogo yazyka. El. resurs: https://lingconlab.ru/spoken_khakas/search (data obrashcheniya: 04.06.2025) (in Russian).
10. Tokmashev D.M. Iz istorii literalizatsii teleutskogo yazyka // Vestnik Bashkirskogo universiteta. 2016. T. 21, № 4. S. 1009–1016 (in Russian).
11. Zakharov L.M., Kazakevich O.A. Intonatsiya dialoga (na materiale audiozapisei ketskoi, sel'kupskoi i evenkiiskoi rechi) // Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: Trudy mezhdunarodnoi konferentsii «Dialog–2007» (Bekasovo, 30 maya – 3 iyunya 2007 g.). M.: Izdvo RGGU, 2007. S. 207–212 (in Russian).
12. Berriós J., Swain A., Fricke M. Implementing the map task in applied linguistics research: What, how, and why // Research Methods in Applied Linguistics. 2023. № 2. S. 100081–100093.
13. Grice M., Savino M. Map tasks in Italian: Asking questions about given, accessible and new information // Catalan Journal of Linguistics. 2003. № 2. Pp. 153–180.
14. Prieto P., Roseano P. Atlas interactivo de la entonación del español. 2009–2013. <https://prosodia.upf.edu/atlasentonacion/metodologia/index-english.html> (data obrashcheniya: 04.06.2025.).
15. Dmitrieva L.V. Yazyk barabinskikh tatar. L.: Nauka: Leningr. otd-nie, 1981 (in Russian).
16. Sagidullin M.A. Fonetika i grafika sovremennogo sibirskotatarskogo yazyka. Tyumen': ISKER, 2008 (in Russian).
17. Ryumina-Syrkasheva L.T., Ryumin N.M. Russko-teleutskii slovar'. Orus-teleut sözlik. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2002 (in Russian).
18. Petrushova M.B., Danilov V.M. Russko-kumandinskii slovar'. Biisk: Format, Biya, 2006 (in Russian).
19. International Phonetic Alphabet (IPA) Chart With Sounds. El. resurs: <https://www.international-phoneticalphabet.org/ipa-sounds/ipa-chart-with-sounds/> (data obrashcheniya: 04.06.2025).
20. Ryzhikova T.R., Shindrova K.V., Plotnikov I.M., Yakimets N.V. Intonatsionnye i pragmaticheskie kharakteristiki dialogicheskoi rechi barabintsev i chatov // Yazyki i fol'klor korennykh narodov Sibiri. 2024. № 4 (Vyp. 52). S. 98–113 (in Russian).
21. Dobrynina A.A., Shindrova K.V., Grigor'eva A.S., Shestera E.A. Intonatsiya dialoga na kumandinskom yazyke (rezul'taty polevykh issledovaniy) // Tomskii zhurnal lingvisticheskikh i antropologicheskikh issledovaniy. 2024. № 4 (46). S. 47–57 (in Russian).
22. Ryzhikova T.R., Dobrinina A.A., Plotnikov I.M., Shestera E.A., Shamrin A.S. Intonatsiya modal'nykh voprositel'nykh vyskazyvaniy v altaiskom yazyke (na materiale fol'klora altai-kizhi) // Sibirskii filologicheskii zhurnal. 2020. № 2. S. 149–165 (in Russian).
23. Ladd D.R. Intonation // Halbband Language Typology and Language Universals 2. Teilband. Berlin, Boston: De Gruyter Mouton, 2001. Pp. 1380–1390.

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ЯЗЫКОВ В ПОЛИЛИНГВАЛЬНОЙ СРЕДЕ

Индекс УДК 811.511.131

Код ГРНТИ 16.41.25

DOI: 10.22204/2587-8956-2025-122-03-122-132

Н.В. КОНДРАТЬЕВА*

К вопросу о методах исследования языковой эрозии в билингвальном тексте (на примере русско-удмуртского двуязычия)

Статья посвящена исследованию билингвальных текстов с точки зрения установления признаков языковой эрозии, под которой понимается процесс разрушения родного языка под влиянием экстра- и интралингвистических факторов. На основе эмпирического материала, собранного в полевых условиях, а также анализа текстов современной удмуртской художественной литературы выявляются основные функции кодовых переключений, являющихся первыми репрезентантами языковой эрозии.

В работе также предлагаются примеры расчёта доли языковой эрозии текстов с адаптированными и неадаптированными к матричному языку лексическими единицами. Полученные количественные результаты предлагается ранжировать по следующим критериям: уровень 0 (ненарушенный текст) — доля языковой эрозии составляет 0–5%; уровень 1 (слабонарушенный текст) — 5–15%; уровень 2 (средненарушенный текст) — 15–30%; уровень 3 (сильнонарушенный текст) — 31–50%; уровень 4 (очень сильнонарушенный текст) — 51–75%; уровень 5 (язык находится на стадии утраты лексико-грамматических особенностей) — 76–99%. Наличие универсальных единиц для определения языковой эрозии билингвального текста позволит обеспечить сопоставимость результатов в отношении разных языковых групп, что востребовано для глубокого понимания процессов языковой адаптации и ассимиляции языковой личности.

Ключевые слова: удмуртский язык, транслингвальные практики, кодовое переключение, языковая эрозия, билингвальный текст

* **Кондратьева Наталья Владимировна** — доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник Удмуртского института истории, языка и литературы Удмуртского ФИЦ Уральского отделения РАН. Исследование подготовлено при финансовой поддержке РФФИ и РЯИК (№ 21-512-23007).
E-mail: nataljakondratjeva@yandex.ru

Удмуртский язык относится к пермской группе уральской языковой семьи. Согласно итогам переписи населения, проведённой в 2021 г., число лиц, заявивших о принадлежности к удмуртскому этносу, составило 386 465 человек. Большинство из них проживает на территории Удмуртской Республики (столица город Ижевск). Значительные диаспоры находятся в соседних регионах, таких как Татарстан, Башкортостан, Пермский край, Кировская область. Удмурты проживают также в Сибири, Поволжье и некоторых городах Центральной России.

Введение

В условиях активных языковых контактов все современные носители удмуртского языка являются активными би- или полилингвами. Однако наблюдение над спонтанной речью респондентов позволяет сделать вывод о том, что большинство носителей осознанно и/или неосознанно используют транслингвальные практики, когда в высказывании могут присутствовать два и более языков (более подробно об этом см.: [1]): удм. *мон гожй-ас'ко кылбурйосмэ дл'а души и от души* (< рус.), *вот оз'ы*. 'Я пишу свои стихи для души и от души, вот так' (д. Косоево Удмуртской Республики); удм. *кўз' гўмэрэз* (< тат.) *орччѣны фс'о жэ* (< рус.) *шўд кулэ*. 'Чтобы прожить долгую жизнь, всё же необходимо [иметь] счастье'; *мимала* (< тат.) *гужем алтай палас' кѣче ке санато'рийѣн* (< рус.) *д'ал* (< тат.) *карил'л'ам*. 'Прошлым летом они отдыхали в каком-то санатории в Алтайском крае' (д. Старая Уча Республики Татарстан).

Термин «translanguaging» (рус. транслингвизм/трансязычие), предложенный в 1980-е гг. К. Уильямсом (С. Williams), изначально применялся для обозначения педагогической практики параллельного использования английского и валлийского языков в рамках одного учебного занятия; в частности, английского языка — для чтения и восприятия материала на слух, валлийского — для беседы или выполнения пись-

менного задания на основе материалов, полученных на другом языке. Такой подход позволял учащимся в течение короткого временного отрезка многократно переключаться с одного языка на другой. Позднее предложенный К. Уильямсом термин расширил свою семантическую структуру и начал использоваться как методологический принцип и фундамент, на которых строятся различные исследования в области транскультурализма и многоязычия [2–4].

В рамках современной гуманитарной мысли транслингвизм/трансязычие принято рассматривать как «свободное оперирование говорящим единицами разных языков и способность гибко сочетать их в едином коммуникативном контексте, основанное на отсутствии чётких границ между языковыми системами говорящего» [5, с. 52]. Ряд исследователей, в частности М.Ю. Гудова [6] и М.О. Гузикова [7], к трансязычной коммуникации относят способность работать с любыми семиотическими системами, а также их контаминациями.

Важно подчеркнуть, что в рамках транслингвизма уровень взаимодействия контактирующих языков, в зависимости от цели коммуникации, может быть различным. Между тем в научной литературе на сегодняшний день не определены границы языковой эрозии в билингвальных текстах (письменных и устных), что важно для выявления механизмов ассимиляции и адаптации в условиях языковых контактов.

Кодовое переключение как проявление языковой эрозии

Процесс разрушения системы родного или хорошо освоенного языка принято рассматривать как *языковую эрозию* (или *языковую аттрицию*, от англ. *language attrition*). Он обусловлен целым рядом экстра- и интралингвистических факторов и находит выражение на всех уровнях языковой системы: в частности, на фонетическом уровне может проявляться через изменение произносительной нормы родного языка под влиянием второго языка; на фонологическом — через искажения,

вызванные адаптацией произношения к нормам доминирующего языка. На лексическом уровне признаки языковой эрозии могут проявляться в ограниченном употреблении синонимов и сниженной способности подбирать точные эквиваленты; на грамматическом — в нарушении порядка слов, использовании неверных грамматических форм слова, упрощении структуры предложений и др. Всё это оказывает непосредственное влияние на коммуникативную функцию языка.

Одним из ярких проявлений языковой эрозии в лингвистической системе является возникновение кодовых переключений, изучение которых в гуманитарной науке активизировалось с середины прошлого столетия. Как отмечает Т.С. Остапенко [8], возникновению научного интереса к указанному явлению способствовало сближение трёх исследовательских направлений: информационной теории Р. Фано [9], структурной фонологии Ч. Фрайза и К. Пайка [10] и теории билингвизма [11, 12].

В частности, У. Вайнрайх в своём труде «Languages in contact» выделил три типа результатов межъязыкового взаимодействия: 1) языковой сдвиг — когда «язык А меняется на язык В»; 2) переключение с языка на язык — в случае, когда «языки А и В могут употребляться попеременно, в зависимости от контекста коммуникации»; 3) слияние языков, т.е. смешение языков А и В «в единую языковую систему» [11].

Появление же термина «code-switching» (переключение кодов, кодовое переключение) связано с именем Г. Фогта, который предполагал, что «переключение кодов» — это не только лингвистический, но — в большей степени — психологический феномен (см. об этом подробнее: [8]).

Современное состояние теории кодового переключения представлено тремя основными научными направлениями: социолингвистическим, психолингвистическим и собственно лингвистическим [13, с. 123]. Каждый из них характеризуется своими научными методами, подходами и исследовательскими проблемами:

- а) в рамках социолингвистического подхода анализируются проблемы влияния политических, социально-демографических, культурных, исторических факторов, этнической принадлежности, социального статуса говорящего и других факторов в выборе языкового кода [14, с. 73–94; 15] и др.;
- б) психолингвистическое направление исследования теории кодового переключения ориентировано на изучение повторяющихся моделей, образцов мыслительной деятельности человека, которые способны охарактеризовать, каким образом билингв получает, накапливает, трансформирует и передаёт лингвистическую информацию из двух различных языков. К примеру, К. Майерс-Скоттон выдвигает теорию, согласно которой в любом полиязычном сообществе конкретный язык связывается с отдельными социальными ролями. Эти социальные функции учёный определяет как «наборы прав и обязанностей» (rights-and-obligations sets). Основная идея указанной гипотезы состоит в том, что в ходе диалога выбор кода происходит таким образом, что он определяет наборы прав и обязанностей собеседников в конкретной ситуации общения [16; 17, с. 113]. Одной из современных психолингвистических теорий кодовых переключений является теория триггеринга, разработанная М. Клайн [18, 19]. Согласно гипотезе учёного, переключение кодов представляет собой психолингвистически мотивированное чередование языков, которое зависит не только от намерений говорящего, но и от специфических условий речепроизводства. В этом случае основной акцент делается не на языковую систему, а на механизмы, благодаря которым происходит функционирование систем языков в мозге говорящего: одинаковые или схожие для обоих языков лексемы (слова-когнаты, межъязыковые омографы) могут выступать как триггеры (от англ. *trigger* ‘спусковой крючок’) в процессе межъязыковой коммуника-

ции, иными словами указанные лексемы приводят в действие процесс переключения кодов. В качестве слов-триггеров также могут использоваться лексемы, которые были привнесены в язык вместе с определёнными понятиями и не имеют эквивалента в принимающем языке (см. об этом: [19, с. 105]);

- в) в рамках собственно лингвистического подхода переключение кодов трактуется как чередование языков в речи на уровне лексики и грамматики. В области изучения лингвистического фактора кодовых переключений наиболее популярным является структурный (или синтаксический/морфо-синтаксический) подход, который представлен в работах Ш. Поппла [20], Э. Вулфорд [21] и др. В исследованиях лингвистического направления, как отмечают Ж. Багана и Ю.С. Блажевич, главный вопрос заключается в том, подчиняется ли процесс переключения кодов определённым правилам, и если да, то в какой степени они обязательны и универсальны [22, с. 67].

В данной статье, выполненной в рамках антропоцентрической парадигмы языкознания, термин «переключение кода», или «кодовое переключение», рассматривается как лингвистическое явление, которое, с одной стороны, представляет собой переход говорящего в процессе речевого общения с одного языка на другой в зависимости от условий коммуникации; с другой — это взаимодействие структур и структурных элементов двух языков. Его реализация в речи обусловлена целым рядом экстралингвистических, интралингвистических (собственно лингвистических) и психофизиологических факторов. Одно из важнейших условий возникновения явления кодового переключения — это наличие длительного би- и полилингвального языкового континуума в окружении языковой личности. В этом отношении русско-удмуртское двуязычие представлено многовековым историческим опытом.

Рассматривая функции кодовых переключений в речи, Г.Н. Чиршева пред-

лагает выделять следующие: адресатная, эмоциональная, фатическая, предметно-тематическая, эзотерическая, экономии речевых усилий, цитатная, воздействующая [23, с. 73–75; 24]. Каждая из этих функций в той или иной степени представлена и в условиях русско-удмуртского билингвизма. Важно подчеркнуть, что в указанных случаях могут реализоваться как осознанное, так и неосознанное обращения к кодовым переключениям. В основе языковой эрозии, как показывают многочисленные примеры устной спонтанной речи, чаще всего лежит вынужденный характер перехода с одного языка на другой.

В отличие от повседневного общения, использование кодовых переключений в художественных текстах носит осознанный и целенаправленный характер. В частности, на основе анализа произведений современных удмуртских авторов Е. Загребина, Дарали Лели и Богдана Анфиногенова было выявлено, что использование кодовых переключений является важным стилистическим приёмом, актуализирующим главным образом информационно-коммуникативную и эмфатическую функции художественного текста (см. об этом подробнее: [25]). Так, функция передачи информации в произведениях чаще всего реализуется через репрезентацию названий исторических и/или культурных реалий. Их главная задача — создать общий колорит времени, или указать на культурные реалии из исторического прошлого, или обозначить наиболее распространённые реалии современности.

Функция кодовых переключений, связанных с воздействием на читателя, в удмуртских произведениях представлена более разнообразно как в количественном, так и в содержательном отношении (см. об этом подробнее: [25]):

- а) кодовое переключение как репрезентация особенностей использования удмуртского языка его современными носителями. В этом контексте важно подчеркнуть, что в художественной литературе практика использования ко-

Ил. 1. Основные критерии для определения степени трансформации билингвального текста

дового переключения многие годы воспринималась как погрешность, неумение обходиться ресурсами одного языка для выражения мысли. Исследуемое явление как стилистический приём традиционно применялось лишь для создания художественного образа, когда смешение языков в речи персонажа являлось эффективным способом передачи имплицитной информации о происхождении героя, его социальном статусе, эмоциональном состоянии, об особенностях коммуникативной ситуации в целом;

- б) кодовое переключение как элемент языковой игры, позволяющий акцентировать внимание на абсурдности ситуации;
- в) кодовое переключение как фиксация лексического богатства удмуртского языка;
- г) кодовое переключение как усиление экспрессивности описываемого действия.

Важно подчеркнуть, что в зависимости от индивидуального авторского стиля писателя плотность иноязычных вкраплений в текстах различна. Использование явления кодового переключения позволяет выявить дополнительную смысловую нагрузку текста, определить тип его модально-эмоциональных смыслов, а также способствует репрезентации системы ценностей автора.

Таким образом, вышеперечисленное позволяет утверждать, что кодовые переключения не всегда являются репрезентантом языковой эрозии, но могут использоваться как специальный стилистический приём.

Методы исследования языковой эрозии билингвального текста

Если особенности художественного билингвизма находятся в поле зрения многих учёных-филологов, то вопросы языковой эрозии в билингвальных текстах, определение критериев её проявления требуют дальнейших научных изысканий. В связи с этим попытаемся разработать основные формулы для проведения экспресс-исследования (так как методика ориентируется только на характерные признаки лексического уровня) степени трансформации билингвального текста. Для этого важными критериями становятся: 1) количественные показатели: а) количество случаев кодовых переключений и б) общее количество лексем в тексте; и 2) степень адаптации словоформы в системе матричного языка: а) неадаптированные лексемы, б) адаптированные лексемы (ил. 1)

Рассмотрим каждый из указанных случаев подробнее. В качестве иллюстративного материала приведём тексты, извлечённые

ные из комментариев социальной сети «ВКонтакте», группа «Дунневыл ме́кытонъ-ёс» (<https://vk.com/club201567918>). Выбор текстов обусловлен тем, что они отражают формы речи, максимально близкие к живой разговорной манере общения.

1. Определение языковой эрозии текстов, содержащих в своей структуре неадаптированные лексемы.

Как показывают материалы, собранные от респондентов разных возрастных групп, как в устной спонтанной речи, так и в письменной могут присутствовать неадаптированные к лексико-грамматической структуре принимающего языка лингвистические единицы. Рассмотрим следующий текст: *Жечкыласько вордйськем нуналэныды! Тй зэмзэ но Гурезь, жильыртйсь Ошмес, удмурт Кизили! Йыгмыт вамышъялэ азылань! Ноку но эн пересьмелэ! Висёнъёс бордады медаз мерскелэ! Тй сы́че простой, огшоры гурт адыми, но кы́че узыр пуштросьем Личность! Шумпотйсько тй понна!* (от 05.05.2025). 'Поздравляю Вас с Днём рождения! Вы настоящая Гора, журчащий Родник, удмуртская Звезда! Продолжайте двигаться вперёд! Никогда не старейте! Болезни пусть не одолевают! Вы такой простой, обычный сельский житель, но многоплановая Личность! Я рада за Вас!'

Выделенные примеры представляют собой внутрифразовые кодовые переключения. Для определения процента языковой эрозии предлагается следующая формула:

$$EI = (CS / Q) \times 100\%,$$

где EI — процент языковой эрозии для текстов с наличием неадаптированных форм слова. В этом случае CS (code-switching, языковое переключение) — количество лексических единиц, представляющих собой неадаптированные лексемы, а Q — общее количество лексических единиц в тексте.

Указанный выше текст содержит две неадаптированные лексемы; всего в тексте 36 словоформ. Соответственно, $EI = (2 / 36) \times 100\% = 5,5\%$. Согласно подсчётам, процент языковой эрозии составляет примерно 5%, что указывает на отсутствие

значимых нарушений в коммуникативной структуре матричного языка.

Для сравнения рассмотрим следующий текст (сохранены авторская орфография и пунктуация): *От себя хочу ещё добавить, остэ Инмаре Анямылэн сомында, Выль кырзанесыз, а ми сое ваньзэ ум кылиське, и очень бы хотелось, Мон сое ваньзэ бордыса кылдиськисько, тем более со ваньмыз от души сётэ адыми, и Мон туж шумпотисько, что Вань милям сы́че сузэрмы, восхищаюсь, всех благ, Аня, счастья тебе, дорогая* (от 05.02.2025). 'От себя хочу ещё добавить, о Господи, у Ани столько новых песен, а мы и не слышали ещё всё, и очень бы хотелось, я всегда её слушаю со слезами на глазах, тем более это всё от души сётэ, и я всегда радуюсь, что у нас есть такая сестра, восхищаюсь, всех благ, Аня, счастья тебе, дорогая'.

Приведённый выше текст содержит 20 неадаптированных лексем, всего в тексте 50 словоформ. Соответственно, $EI = (20 / 50) \times 100\% = 40\%$.

Согласно подсчётам, процент языковой эрозии в анализируемом билингвальном тексте составляет уже 40%, что указывает на значительное нарушение лексико-грамматической структуры матричного языка.

2. Определение языковой эрозии текстов, содержащих в своей структуре адаптированные лексемы.

Процесс адаптации гостевого языка в матричном языке имеет ключевое значение для понимания механизмов межъязыковых контактов и формирования билингвального поведения. Такая адаптация может происходить по-разному на каждом из языковых уровней. В частности, при адаптации заимствованных из русского языка глаголов вербальные единицы удмуртского языка могут присоединять показатели времени и лица: *со горт кирпич коркан, улыын, нокин но уг у-лы, малы мэда строит'тизы сы́э ба́зым сойэ*. 'В том красном кирпичном доме, внизу, никто не живёт, для чего построили его таким огромным' (д. Косово Удмуртской Республики).

Таблица 1

Уровни языковой эрозии в тексте

Уровень	Характеристика	Процент языковой эрозии
Уровень 0	Ненарушенный текст	0–5
Уровень 1	Слабонарушенный текст	5–15
Уровень 2	Средненарушенный текст	15–30
Уровень 3	Сильнонарушенный текст	31–50
Уровень 4	Очень сильнонарушенный текст	51–75
Уровень 5	Язык находится на стадии утраты лексико-грамматических особенностей	76–99

Вполне логично, что при определении процента языковой эрозии билингвального/полилингвального текста коэффициент подобных словоформ должен быть немного ниже, в связи с этим предлагается следующая формула:

$$E2 = (I / Q) \times 50\%,$$

где E2 — степень языковой эрозии для текстов с наличием адаптированных словоформ. В этом случае I — количество лексических единиц, представляющих собой явление интерференции (фонетической, морфологической, синтаксической, лексической), а Q — общее количество лексических единиц в тексте.

Рассмотрим пример:

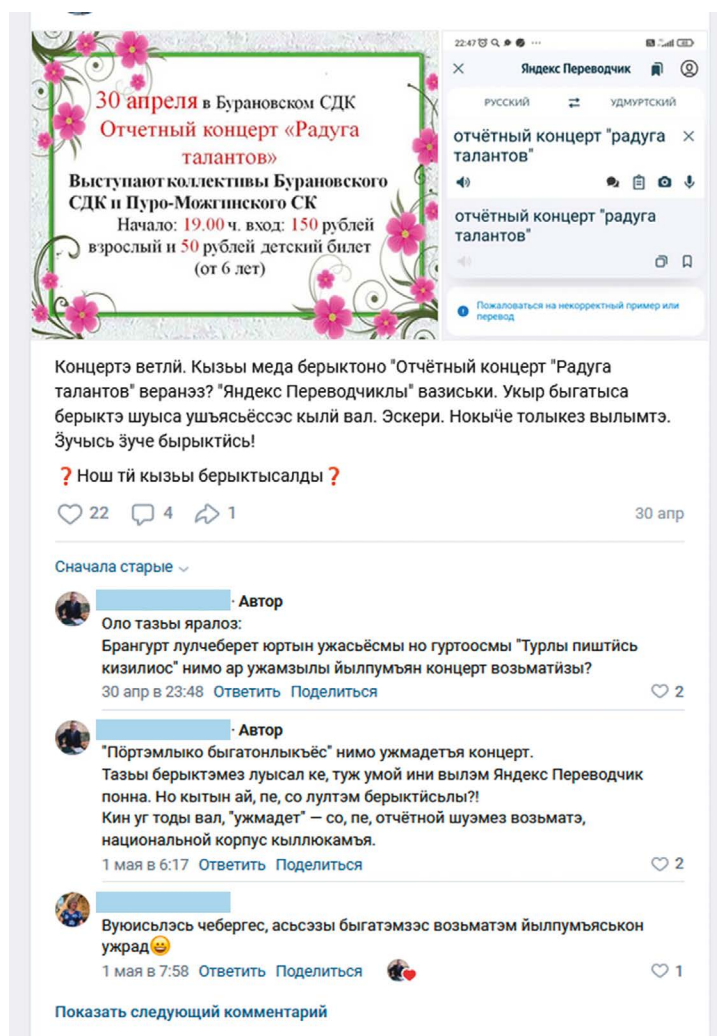
Ма туж умой верос пörмем. Кылыз но вöльыт, чебер. Героиняезлэн образэз но дырлэн пöртэмлыкез тарак жеч возматэмын. Пумыз витёнтэм шорысь быре кадь. Öй но малпа вал куать авторез шуыса. Жечокжес (от 23.01.2025). ‘Хороший получился рассказ. И язык ровный, красивый. Образ героини и хронотоп показаны очень хорошо. Финал неожиданный. Даже и не подумала, что шесть авторов. Молодцы’.

Анализируемый текст содержит две заимствованные из русского языка лексемы, всего в тексте используется 30 словоформ. Соответственно, $E2 = (2 / 30) \times 50\% = 3,3\%$. Согласно подсчётам, процент языковой эрозии составляет примерно 3%, что доказывает отсутствие значительных нарушений информативной канвы предлагаемого текста.

Для сравнения рассмотрим следующий текст: *Тау тöдбь халатэн егит нылашжёслы. Капельница пуктонсенызы жеч но лöпкытжась верасжконжессы понна. Тау, СВО-ысь Саша нимо ожгарчи, юн чиданэд, бурмонлэсь азьпалзэ аджытэмед понна. Сыже адямиос шоры учкыса ик лул-кужым но уг юнма меда? Туннэ палатаысь-тымы кык эмкойка бушаз. Йонатским кадь. Эн виселэ!* (от 14.04.20205). ‘Спасибо девушкам в белых халатах. За добрые и мотивирующие [к выздоровлению] речи во время капельниц. Спасибо военному-лечащему, вернувшемуся с СВО, Саше за терпение, прогнозы. Разве благодаря таким людям не поднимается дух? Сегодня в нашей палате освободились две больничные койки. Вроде выздоровели. Не болейте!’

Анализируемый пример содержит пять заимствований из русского языка, всего в тексте используются 42 словоформы. Соответственно, $E2 = (5 / 42) \times 50\% = 5,9\%$. Согласно подсчётам, процент языковой эрозии составляет примерно 6%.

Необходимо отдельно отметить случаи, когда в тексте могут присутствовать как адаптированные, так и неадаптированные лексемы. С нашей точки зрения, подобные тексты целесообразно рассматривать по каждому из критериев отдельно. Например: *Концертэ ветлй. Кызбь меда берыктоно Отчётный концерт «Радуга талантов» веранэз? «Яндекс Переводчиклы» вазиськи. Укыр быгатыса берыктэ шуыса ушжасьжессыс кылй вал. Эскери.*

Ил. 2. Иллюстрация текста с кодовыми переключениями в билингвальном тексте (страница «ВКонтакте»)

Нокыче толыкез вылымтэ. Жучысь жуче бырыктись! (30.04.2025). 'Сходил на концерт. Интересно, как перевести название «Отчётный концерт «Радуга талантов»? Обратился к «Яндекс Переводчику». Ранее кто-то хвалил его переводы. Никакой пользы не ощутил. Переводчик с русского языка на русский!' (ил. 2).

Для определения процента языковой эрозии по указанным выше формулам рассчитаем отдельно случаи с неадаптированными и адаптированными лексемами.

$$E1 = (6 / 27) \times 100\% = 22,2\%.$$

$$E2 = (2 / 27) \times 50\% = 3,7\%.$$

Для определения суммарного процента сложим полученные результаты: $E(\text{сум}) = E1 + E2 = 22,2\% + 3,7\% = 25,9\%$

Таким образом, на основе приведённых формул можно рассчитать процент «чистоты» билингвального текста. В качестве критериев могут быть предложены показатели, предложенные в таблице 1.

Наличие универсальных единиц для определения языковой эрозии билингвального текста позволяет обеспечить сопоставимость результатов в отношении разных языковых групп, что востребовано для глубокого понимания процессов языковой адаптации и ассимиляции.

Выводы

1. Одним из ярких проявлений языковой эрозии на лексико-грамматическом уровне в условиях языковых контактов является наличие кодовых переключений.
2. Проанализировав значительное количество примеров с кодовыми переключениями, можно сделать вывод о том, что в условиях спонтанной речи участники коммуникации постоянно реализуют трансязычную коммуникативную практику, имея возможность свободно переключаться с одного языка на другой.
3. В художественной литературе наличие кодовых переключений не является свидетельством языковой эрозии билингвального текста, а выступает особым стилистическим инструментом автора, направленным на углубление семантической насыщенности и усиление смысловой нагрузки художественного произведения.
4. Создание единых критериев оценивания билингвального текста на предмет наличия языковой эрозии обеспечивает объективность и прозрачность лингвистического анализа текста, что востребовано для изучения механизмов адаптации и ассимиляции языковой личности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кондратьева Н.В., Ильина Н.В. Транслингвизм как повседневная практика (на материале русско-татарско-удмуртского многоязычия) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2023. Т. 16, № 6. С. 1762–1766 DOI: 10.30853/phil20230261.
2. Lewis G., Bryn J., Colin B. Translanguaging: origins and development from school to street and beyond // Educational Research and Evaluation. 2012. № 18 (7). Pp. 641–654. https://atdle.org/wp-content/uploads/2018/07/translanguaging-origins_g.lewis2012.pdf (дата обращения: 15.05.2025).
3. Simpson J. Translanguaging in the contact zone: language use in superdiverse urban areas // Multilingualisms and Development: Selected Proceedings of the 11th Language and Development Conference / Ed. By Colman H. New Delhi: British Council India, 2015. Pp. 207–223.
4. Головкин Н.В., Шейко Д.В. Обзор актуальных исследований транслингвизма как коммуникативной практики мультилингвов // Научный диалог. 2021. № 7. С. 60–90. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-7-60-90.
5. Лещенко Ю.Е. Ментальный лексикон трилингва: смешение языков, переключение кодов, транслингвизм // Социо- и психолингвистические исследования. 2021. Вып. 9. С. 51–57. <https://cyberleninka.ru/article/n/mentalnyy-leksikon-trilingva-smeshenie-yazykov-pereklyucheniye-kodov-translingvizm> (дата обращения: 15.05.2025).
6. Гудова М.Ю., Гузикова М.О. Модель полиязычного образования в университете: критическая теория грамотности и опыт Китая // Отечественная и зарубежная педагогика. 2019. Т. 2. № 2 (64). С. 186–199.
7. Гузикова М.О. Языковая среда мировых университетов в условиях интернационализации высшего образования // Перспективы науки и образования. 2019. № 6 (42). С. 158–171. DOI: 10/32744/pse.2019.6.13.
8. Остапенко Т.С. Становление понятия «переключение кодов»: междисциплинарный подход // Социо- и психолингвистические исследования. 2014. № 2. С. 171–175.
9. Fano R.M. The information theory point of view in speech communication // Journal of the Acoustical Society of America. 1950. № 22. Pp. 691–696.
10. Fries C., Pike K.L. Coexisting phonemic systems // Language. 1949. № 25. Pp. 25–90.
11. Вайнрайх У. Языковые контакты: состояние и проблемы исследования. Киев, 1979.
12. Vogt H. Language contacts // Word. 1954. № 10. Pp. 365–374.
13. Проценко А.П. Проблема переключения кодов в зарубежной лингвистике (краткий обзор литературы за последние десятилетия) // Вестник ВГУ. Серия «Язык и межкультурная коммуникация». 2004. № 1. С. 123–127.
14. Woolard K. Codeswitching // A Companion to Linguistic Anthropology. Malden, MA: Blackwell, 2004. Pp. 73–94.
15. Milroy L., Myusken P. One Speaker, Two Languages: Cross-Disciplinary Perspectives on Code-Switching. Cambridge: CUP, 1995. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511620867>.
16. Myers-Scotton C. Comparing codeswitching and borrowing // Journal of Multilingual & Multicultural Development. 1992. 13 (1–2). Pp. 19–39.
17. Myers-Scotton C. Duelling languages: Grammatical structure in codeswitching. Oxford, 1993.
18. Clyne M.G. Constraints on code switching: How universal are they? // Linguistics. 1987. № 25. Pp. 739–764.
19. Clyne M.G. Dynamics of Language Contact: English and Immigrant Languages. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511606526>.
20. Poplack Sh. What does the Nonce Borrowing Hypothesis hypothesize? // Bilingualism: Language and Cognition. 2012. № 15 (3). Pp. 644–648.
21. Woolford E. Introduction the Social Context of Creolization. Ann Arbor, MI: Karoma Publishers, 1983.

22. Багана Ж., Блажевич Ю.С. К вопросу о переключении кодов // Научные ведомости. Серия «Гуманитарные науки». 2010. № 12 (83). Вып. 6. С. 63–68.
23. Чиршева Г.Н. Введение в онтобилингвологию. Череповец: Изд-во Череповец. гос. ун-та, 2000.
24. Чиршева Г.Н. Детский билингвизм: одновременное усвоение двух языков. СПб.: Златоуст, 2012.
25. Кондратьева Н.В., Оско Б. Особенности художественного билингвизма в современной удмуртской литературе (на материале поэтических текстов Б. Анфиногенова) // Финно-угорский мир. 2021. Т. 3, № 13. С. 243–253. DOI: 10.15507/2076-2577.013.2021.03.243-253.

On Methods of Studying Linguistic Attrition in Bilingual Text (Example of Russian-Udmurt Bilingualism)

Natalia Vladimirovna Kondratieva — Doctor of Philology, leading researcher at the Udmurt Institute of History, Language and Literature, UB RAS. The study was prepared with the financial aid of the Russian Foundation for Basic Research and the Russian Academy of Natural Sciences (No. 21-512-23007).
E-mail: nataljakondratjeva@yandex.ru

The article is devoted to the study of bilingual texts from the point of view of establishing signs of linguistic attrition, which is understood as the process of destruction of the native language under the influence of extra- and intralinguistic factors. Based on the empirical material collected in the field work, as well as on the analysis of the texts of modern Udmurt fiction, the study reveals the key functions of code switch — the first sign of linguistic attrition.

The paper also offers examples of calculating the proportion of linguistic attrition in texts with lexical units adapted and not adapted to the matrix language. The quantitative results are ranked according to the following criteria: level 0 (intact text) — the proportion of linguistic attrition is 0-5%; level 1 (mostly intact text) — 5-15%; level 2 (moderately impaired text) — 15-30%; level 3 (strongly impaired text) — 31-50%; level 4 (very strongly impaired text) — 51-75%; level 5 (the language is at the stage of losing its lexical and grammatical features) — 76-99%. The presence of universal units for determining the linguistic attrition in a bilingual text will ensure comparability of results in different language groups, which is essential for a deep understanding of the processes of linguistic adaptation and assimilation of a linguistic identity.

Keywords: Udmurt language, translingual practices, code switching, language attrition, bilingual text

REFERENCES

1. Kondrat'eva N.V., Il'ina N.V. Translingvizm kak povsednevnyaya praktika (na materiale russko-tatarsko-udmurtskogo mnogoyazychiya) // Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki. 2023. T. 16, № 6. S. 1762–1766. DOI: 10.30853/phil20230261 (in Russian).
2. Lewis G., Bryn J., Colin B. Translanguaging: origins and development from school to street and beyond // Educational Research and Evaluation. 2012. № 18 (7). Pp. 641–654. https://atdle.org/wp-content/uploads/2018/07/translanguaging-origins_g.lewis2012.pdf (data obrashcheniya: 15.05.2025).
3. Simpson J. Translanguaging in the contact zone: language use in superdiverse urban areas // Multilingualisms and Development: Selected Proceedings of the 11th Language and Development Conference / Ed. By Colman H. New Delhi: British Council India, 2015. Pp. 207–223.

4. Golovko N.V., Sheiko D.V. Obzor aktual'nykh issledovaniy trans'yazychiya kak kommunikativnoi praktiki mul'tilingvov // Nauchnyi dialog. 2021. № 7. S. 60–90. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-7-60-90 (in Russian).
5. Leshchenko Yu.E. Mental'nyi leksikon trilingva: smeshenie yazykov, pereklyuchenie kodov, translingvizm // Sotsio- i psikholingvisticheskie issledovaniya. 2021. Vyp. 9. S. 51–57. <https://cyberleninka.ru/article/n/mentalnyy-leksikon-trilingva-smeshenie-yazykov-pereklyuchenie-kodov-translingvizm> (data obrashcheniya: 15.05.2025) (in Russian).
6. Gudova M.Yu., Guzikova M.O. Model' poliyazychnogo obrazovaniya v universitete: kriticheskaya teoriya gramotnosti i opyt Kitaya // Otechestvennaya i zarubezhnaya pedagogika. 2019. T. 2, № 2 (64). S. 186–199 (in Russian).
7. Guzikova M.O. Yazykovaya sreda mirovykh universitetov v usloviyakh internatsionalizatsii vysshego obrazovaniya // Perspektivy nauki i obrazovaniya. 2019. № 6 (42). S. 158–171. DOI: 10/32744/pse.2019.6.13 (in Russian).
8. Ostapenko T.S. Stanovlenie ponyatiya «pereklyuchenie kodov»: mezhdistsiplinarnyi podkhod // Sotsio- i psikholingvisticheskie issledovaniya. 2014. № 2. S. 171–175 (in Russian).
9. Fano R.M. The information theory point of view in speech communication // Journal of the Acoustical Society of America. 1950. № 22. Pp. 691–696.
10. Fries C., Pike K.L. Coexisting phonemic systems // Language. 1949. № 25. Pp. 25–90.
11. Vainraikh U. Yazykovye kontakty: sostoyanie i problemy issledovaniya. Kiev, 1979 (in Russian).
12. Vogt H. Language contacts // Word. 1954. № 10. Pp. 365–374.
13. Protsenko A.P. Problema pereklyucheniya kodov v zarubezhnoi lingvistike (kratkii obzor literatury za poslednie desyatiletia) // Vestnik VGU. Seriya «Yazyk i mezhkul'turnaya kommunika-tsiya». 2004. № 1. S. 123–127 (in Russian).
14. Woolard K. Codeswitching // A Companion to Linguistic Anthropology. Malden, MA: Blackwell, 2004. Pp. 73–94.
15. Milroy L., Myusken P. One Speaker, Two Languages: Cross-Disciplinary Perspectives on Code-Switching. Cambridge: CUP, 1995. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511620867>.
16. Myers-Scotton C. Comparing codeswitching and borrowing // Journal of Multilingual & Multi-cultural Development. 1992. 13 (1–2). Pp. 19–39.
17. Myers-Scotton C. Duelling languages: Grammatical structure in codeswitching. Oxford, 1993.
18. Clyne M. G. Constraints on code switching: How universal are they? // Linguistics. 1987. № 25. Pp. 739–764.
19. Clyne M.G. Dynamics of Language Contact: English and Immigrant Languages. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. <https://doi.org/10.1017/CBO9780511606526>.
20. Poplack Sh. What does the Nonce Borrowing Hypothesis hypothesize? // Bilingualism: Language and Cognition. 2012. № 15 (3). Pp. 644–648.
21. Woolford E. Introduction the Social Context of Creolization. Ann Arbor, MI: Karoma Publishers, 1983.
22. Bagana Zh., Blazhevich Yu.S. K voprosu o pereklyuchanii kodov // Nauchnye vedomosti. Seriya «Gumanitarnye nauki». 2010. № 12 (83). Vyp. 6. S. 63–68 (in Russian).
23. Chirsheva G.N. Vvedenie v ontobilingvologiyu. Cherepovets: Izd-vo Cherepovets. gos. un-ta, 2000 (in Russian).
24. Chirsheva G.N. Detskii bilingvizm: odnovremennoe usvoenie dvukh yazykov. SPb.: Zlatoust, 2012 (in Russian).
25. Kondrat'eva N.V., Osko B. Osobennosti khudozhestvennogo bilingvizma v sovremennoi udmurtskoi literature (na materiale poeticheskikh tekstov B. Anfinogenova) // Finno-ugorskii mir. 2021. T. 3, № 13. S. 243–253. DOI: 10.15507/2076-2577.013.2021.03.243-253 (in Russian).

Индекс УДК 811.511

Код ГРНТИ 16.41.25

DOI: 10.22204/2587-8956-2025-122-03-133-147

М.К. РАСКЛАДКИНА*

Этноязыковая идентичность современных потомков аляскинских креолов

Русская речь зазвучала на североамериканском континенте с середины XVIII в., когда Россия начала активную торгово-промысловую деятельность, постепенно продвигаясь на восток по островам Алеутской гряды до полуострова Аляска. Первое время российские вояжи за морским и пушным зверем были несистемными, главная идея промышленников состояла в обогащении за счёт ресурсов новой земли. Их обращение с коренными жителями было достаточно суровым, направленным на эксплуатацию их охотничьих и рыболовецких умений и навыков. Должны были пройти десятилетия, прежде чем наиболее идейным и дальновидным россиянам пришла мысль, что на новой территории можно быть не гостями, а хозяевами. Объединившись, они создали в 1799 г. Российско-американскую компанию (РАК), единоначально управлявшую Аляской до уступки её Соединённым Штатам Америки. Покинув в 1867 г. свою единственную заморскую колонию, Россия оставила там главное: русский язык, который в результате контактов с языками коренных народов сформировал особый местный извод, сохранившийся до нашего времени, и русскую православную традицию, которой и поныне привержены жители многих территорий Аляски.

Исследование посвящено сохранению этноязыковой идентичности потомков русских колонистов. Оно базируется на корпусе социолингвистических и этнографических интервью (1980-е – 2020-е гг.) с жителями мест интенсивного русского присутствия, подкреплено архивными материалами. Придерживаясь подходов лингвистической и исторической антропологии, автор использует как универсальные научные методы, так и специальные методы исторического исследования, определяемые спецификой поставленной проблемы, а именно: проблемно-хронологический метод, метод сравнительного анализа, системный метод, а также метод контент-анализа.

Ключевые слова: Аляска, Русская Америка, Кадык, русский язык, русское наследие на Аляске, креолы, коренные языки Аляски, аляуик, идентичность

Главной идеей Григория Шелихова, основавшего в 1784 г. первое постоянное поселение на Кадыкском

архипелаге, было распространение русской культуры и укрепление русского влияния на территории заморской ко-

* **Раскладкина Марина Константиновна** — кандидат политических наук, ведущий специалист Инженерно-технологического центра «СКАНЭКС». E-mail: marina.raskladkina@gmail.com

Ил. 1. Карта поселений пенсионеров Русской Америки

лонии России. Для реализации этой цели Российско-американская компания (РАК) сделала «кадровую» ставку на подрастающих детей своих работников от браков с женщинами коренных народов (алеутов, эскимосов, атабасков). Эти дети дали начало особому этносоциальному сословию аляскинских креолов.

В других районах североамериканского материка креолами назывались потомки выходцев из Европы, родившиеся в колониях Франции, Испании, Португалии в Новом свете [1, с. 237]. Однако на Аляске другого названия для потомков переселенцев и местных не встречалось. Потому появившийся здесь термин «креол» позже стал означать не просто потомков представителей двух народов (русского и какого-либо из аборигенных), но в силу определённых социальных функций, возложенных на его носителей, стал рассматриваться не в этнической, а в этносоциальной плоскости [2]. Креолы обучались в школах и церковно-приходских училищах, организованных на Аляске, знали как минимум два языка: местный вариант русского и язык матери. Они осваивали ремёсла и квалифицированные профессии, такие как судостроение, механика. Компания отправляла наиболее

способных в Россию в навигацкие и медицинские школы, духовные училища, а затем брала на службу, обеспечивая социальную мобильность [3, с. 74–89].

В 1821 г., когда российское правительство продлевало полномочия Российско-американской компании на очередной 20-летний срок, креолов причислили к «колонияльным подданным России», освободили от повинностей и уплаты налогов. В 1835 г. было создано свободное сословие «колонияльных граждан», к которому относились те русские, кто уже по состоянию здоровья не мог работать на Компанию, обзавёлся семьёй и в Россию возвращаться не собирался. Дети от браков колонияльных граждан и креолок стали называться колонияльными поселенцами [4, с. 209–222]. Этим семьям Компания предоставляла возможность обустроиться в одном из специально отведённых мест: на Кадыкском архипелаге — в селениях Афогнак и Узинки [5, с. 39] и на Кенайском полуострове в селении Нинильчик [6] (ил. 1).

Колонияльное руководство рассчитывало, что поселенцы будут заниматься огородничеством, скотоводством, предоставляло им оборудование и инвентарь,

Ил. 2. Церковь Преображения Господня в Нинильчике.
Фото сделано Спиридоном Ашем, потомком кадьякских креолов

платило пенсию в первый год и предполагало, что в дальнейшем граждане смогут не только самостоятельно обеспечивать себя, свои семьи, но и снабжать другие территории Русской Америки сельскохозяйственными продуктами.

По разным причинам идея снабжения колонии оказалась несостоятельной. Однако в этих поселениях сложился определённый жизненный уклад, формирующий идентичность: русскоговорящее сообщество, особенности быта, культурный контекст, приоритетно связанный с православной религией. По мнению исследователей, «охранительный» характер отношений Русской Православной церкви (ил. 2) с аборигенной культурой привёл к тому, что православие «срослось» с ней, сформировав уникальный институт коренных жителей Аляски, что позволило на многих её территориях успешно противостоять другим религиозным конфессиям (см., напр.: [7, 8]). Это привело к тому, что православие в настоящее время является одной из главных религий на Аляске (бо-

лее 5% населения штата — православные христиане, действует около 90 приходов, 35 священников, в некоторых поселениях доля православных достигает 98%) [9].

Русский язык к концу XX — началу XXI в. фрагментарно сохранился в памяти нескольких десятков пожилых людей¹. Он давно уже не выполняет функции общения, а является частью культурной памяти, основой идентичности потомков русских колонистов Аляски [10]. Эти люди и их этноязыковая идентичность стали предметом настоящего исследования.

Источниковая база

Основой нашего исследования является корпус социолингвистических и этнографических интервью, сформированный по материалам российских полевых экспедиций 1997–2021 гг. (исследовательская группа «Лингвистические и социокультурные исследования на Аляске» — М.Б. Бергельсон, А.А. Кибрик, М.К. Раскладкина)² [11] и 2008–2009 г. (Е.В. Головкин) [12], а также по архивным данным ряда американских

¹ Следует отличать русский язык, сформировавшийся на территории Русской Америки (аляскинский русский язык), от языка современных переселенцев и языка староверов (Old Believers).

² Экспедиции поддержаны грантами РГНФ (РФФИ), РНФ.

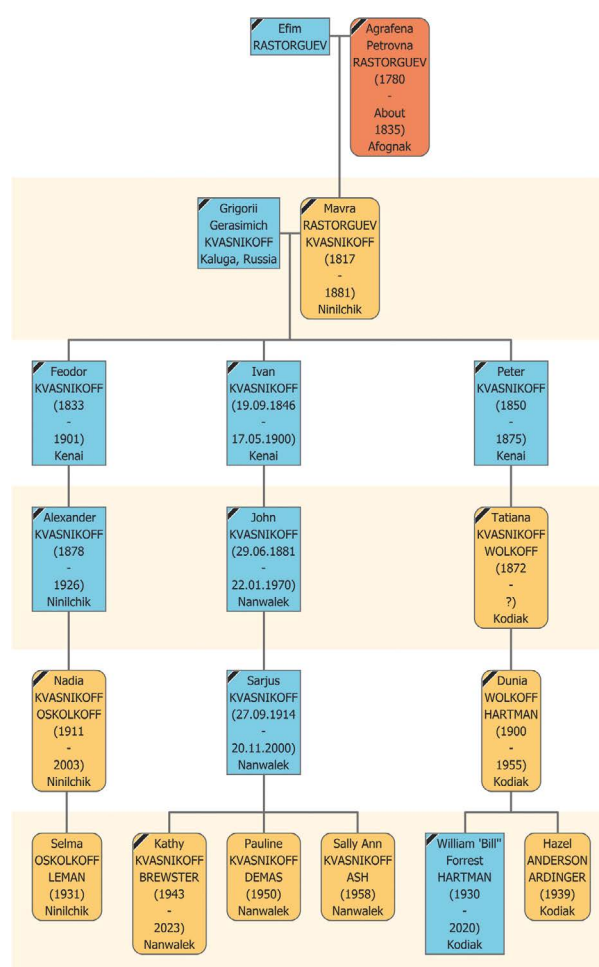
проектов сохранения культурного наследия народов Аляски¹. Корпус включает аудиозаписи бесед с жителями мест, в которых во время Русской Америки отмечалось интенсивное русское присутствие, и составляет около 190 часов.

Идентичность и жизненный выбор: Нинильчик vs Кадьяк

Нинильчик был основан последним из «пензионерских» поселений, когда для реализации идей Компании места для свободного проживания в Афогнаке и Узинках уже не осталось. Он возник в 1840-е гг. вблизи традиционных земель атабасков денайна, однако сведений о каких-либо контактах между ними и поселенцами не обнаружено [6, с. 248–249]. Первыми постоянными жителями стали несколько русско-креольских семей, прибывших из различных мест Русской Америки. Свою задокументированную родословную нинильчикцы ведут от уроженки Афогнака Аграфены Петровны и её мужа Ефима Расторгуева [13]. Её дочь Мавра с мужем Григорием Квасниковым считаются первопоселенцами Нинильчика (ил. 3).

Нинильчикцы жили небольшой изолированной, постепенно разраставшейся общиной достаточно долго. После продажи Аляски почти 20 лет ни один корабль не заходил в залив Кука [14, с. 57]. Американцы стали осваивать территорию только в начале XX в. В 1910 г. была открыта государственная американская школа, в 1925 г. — авиасообщение.

Респонденты, родившиеся в первой четверти XX века, сохранили воспоминания, что большинство жителей Нинильчика всегда очень чётко осознавали и культивировали свою «русскость» и максимально дистанцировались от аборигенных корней (*native*). Этот феномен требует дополни-

Ил. 3. Фрагмент генеалогического дерева шести поколений аляскинских креолов Кадьякского архипелага и Кенайского полуострова

тельного изучения. Мы можем лишь предположить, что на его возникновение и сохранение повлиял первоначальный состав поселенцев, а также продолжительное отсутствие контактов с другими коренными народами, и тем более — создание смешанных с ними семей.

Против тех, кто всё же позиционировал себя как частично *native*, существовали даже некоторые предрассудки:

...Помню, моя мама говорила нам не играть с тем-то, потому что он «native». И я всегда это знала. Мы про-

¹ VOHA Project (2015), URL: <https://voices.nmfs.noaa.gov> (access date: 23.03.2023); Afognak Oral History Project (1983–2005), URL: <https://www.afognak.org/oral-history-archive> (access date: 23.03.2023); UAF Oral history project, URL: <https://library.uaf.edu/aprca/oral-history> (access date: 23.03.2023).

сто думали, что все мы русские. Нас воспитывали по-русски¹ [Sophie Prosser 2014 (Софи Проссер, род. 1923)].

Жизнь русскоязычного сообщества резко изменилась в 1950-е гг., когда через Кенайский полуостров мимо Нинильчика прошло скоростное шоссе [10, с. 70]. Исчезла последняя формальная возможность сдерживать натиск американизации. Дети стали уезжать из деревни в город учиться и работать, вливаться в современную действительность, в которой возможностей сохранять русское наследие оставалось всё меньше.

Серьёзный удар по идентичности нинильчикцев был нанесён в 1971 г., когда был принят так называемый земельный закон, Alaska Native Land Claims Settlement Act. Согласно ему, представители коренных народов Аляски получали право владеть природными ресурсами и получать финансовые средства от управляющих этими ресурсами корпораций. Однако надо было официально подтвердить свой этнический бэкграунд.

...Когда был принят «земельный закон», мне как на голову упало, что, оказывается, я наполовину «native», — вспоминает Барбара (Barbara Jacklin Reymond, род. 1930). — Я не знаю, кто был мой отец, но я всегда знала, кто моя мать [15, с. 88].

Ей вторит сестра по матери Клара (Clara Listrang Robinson, род. 1932):

...Я знала всегда, что во мне есть русское и финское, но никто не говорил мне, что я «native» [там же].

Несмотря на декларирование своих русских корней, практически все уроженцы Нинильчика приняли решение официально признать себя представителями коренных народов. Исходно они произошли от кадьякских эскимосов алютиков. Отринув эти корни вместе с языком и приняв русское наследие, стали креолами. Утратили это название и его смысл с приходом вла-

сти США. Получив американский паспорт, они всё же оставались русскими в душе, постепенно теряя русский язык. И время неожиданно нанесло ещё одну травму, заставляя их за деньги вспомнить о своих аборигенных корнях.

Этот сложный комплекс насильственных обретений и саморазрушений и привёл к тому, что некоторые представители старшего поколения в Нинильчике отказывались от общения с исследователями, от лингвистической работы, от бесед о языке, истории, семье, избегая очередного внутреннего выбора.

Софи Проссер, вновь вспомнив, как учителя в американской школе запрещали говорить по-русски, осознаёт, как этот тяжёлый детский опыт преследует её во взрослой жизни, мешая доверять близким людям.

Я была замужем и уже имела двоих детей, прежде чем призналась Биллу (мужу), что могу говорить по-русски. Я была так смущена. Я ни с кем об этом не говорила. Разве это не грустно? [Sophie Prosser 1999 (Софи Проссер, род. 1923)].

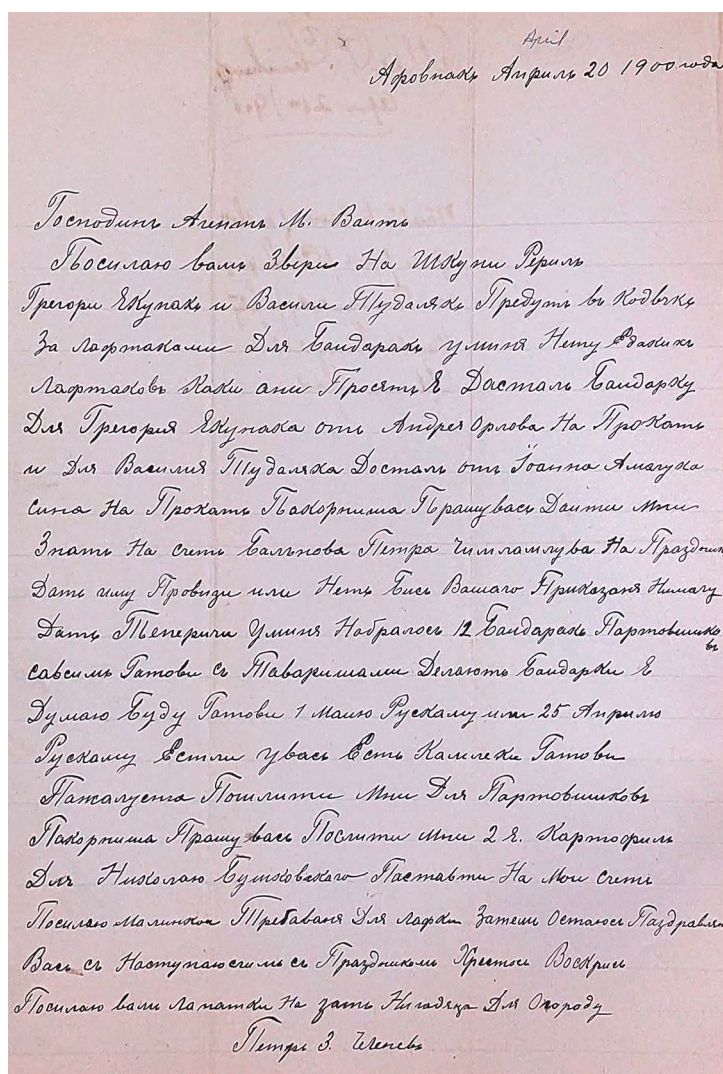
Ситуация в Кадьяке (не только в самом городе, но и в других поселениях архипелага) была существенно иной. Нинильчик, как выше упоминалось, изначально возник на пустом месте как русско-креольское поселение, «белые» американцы стали появляться там примерно к началу XX в., и браки с ними только повышали уровень дистанцирования от *native*. У кадьякцев же, в силу активных межэтнических контактов и миграционных процессов, для культивирования «русскости», свойственной жителям Нинильчика, возможностей было гораздо меньше.

На острове Афогнак русская промысловая артель возникла ещё в 1786 г., практически с началом освоения Г. Шелихо-

¹ Здесь и далее – ссылки на транскрипты интервью, фрагменты которых использованы в настоящей статье, выполнены студентами ОТИПЛ МГУ им. М.В. Ломоносова и Школы филологии НИУ ВШЭ в рамках учебных практик. Используется система транскрибирования, специально разработанная М.Б. Бергельсон и А.А. Кибриком для записи аляскинского русского языка [16]. Перевод фрагментов интервью и англоязычных источников на русский язык – наш. – М.Р.

вым Кадыжского архипелага [17]. К 1830-м – 1840-м гг., когда у руководства РАК возникла идея организации пенсионерских посёлков, отношения колонистов с местным населением давно прошли этап вражды, жители говорили на обоих языках. Новое поселение, называемое Russian town или Direwnya, разместилось вблизи аборигенного Aleut Town, фактически слившись в единое целое, позже названное Афогнаком. Между этими двумя частями поселения находилась Русская православная церковь. Исторически наличие двух частей обусловлено требованием администрации РАК соблюдать раздельное существование «пришельцев» и «туземцев», чтобы сохранять основы традиционного хозяйства и культуры кадыжцев, не нарушать их природные занятия, сохранять их приспособленность к добыче пушного зверя – основе благосостояния РАК [18]. Однако вследствие смешанности семей эта идея не была реализована.

По словам афогнакских респондентов, период детства и взросления которых пришёлся на 1930–1950-е гг., в это время, через сто лет после организации поселения, население всё ещё было билингвальным. Между жителями двух частей не возникало недоразумений и вражды; более того, они не ощущали особых различий между собой [Iver Malutin 2003 (Айвер Малютин, род. 1931)]. Респонденты лишь отмечали, что в зависимости от места проживания могли различаться языковые приоритеты: в «деревне» в семейном общении мог преобладать русский, а в Aleut Town – алютик [Aleksandra Spratcher 1993 (Александра Спраке, род. 1919)], [Nick Derenoff 1998 (Ник Деренофф, род. 1933)]. Однако русский язык знали в разной степени практически все [John Nelson, 2008 (Джон Нельсон, род. 1914)].

Ил. 4. Письмо работника торгового поста в Афогнаке Петра Захаровича Чеченева (деда Алекса (Сонни) Чиченова) агенту Кадыжской торговой станции М. Вайту (1900 г.)

Превращение с начала XX в. региона в экономический центр этой части США потребовало присутствия в нем представителей новой государственности. Стремительное развитие рыбной промышленности привлекало рабочую силу. С появлением трудовых мигрантов из других штатов Америки, а также из разных стран Европы и Азии этноязыковая картина стала существенно меняться. В городе Кадыже преобладало креольское население, на островах встречалось больше алютических семей и представителей других народов. Русский язык ещё почти полвека после продажи Аляски был востребован как средство коммуникации новых хозяев

с русскоязычными работниками торговых постов, которые практически все были русскоговорящими креолами [19]. В архивах Университета Аляски в Фэрбенксе хранится документация Аляскинской коммерческой компании, купившей активы РАК: служебная переписка, охватывающая самый ранний американский период — 1870–1910 гг: отчёты, рапорты, расписки, списки товаров, написанные на аляскинском русском языке¹. Ряд текстов создан предками наших респондентов (ил. 4).

Третье «пензионерское» поселение — Узинки — было основано примерно в 1840 г. В нём изначально поселились 14 креольских семей. Узинки конца XIX — начала XX в. представляли собой подобие русской крестьянской общины, со скотом, курами, садами, огородами, бревенчатыми избами [5, с. 39]. Население, по словам современников, говорило на «ломаном» русском [20, с. 33–34]. С конца 1880-х гг. там заработали консервные заводы, что привлекло в регион сезонных работников, и это в основном были китайцы и филиппинцы [Gladys Chichenoff 1993 (Глэдис Чиченофф, род. 1911)].

Узинки в течение двух первых третей XX в. приняли несколько волн креольских семей из разных мест архипелага, переселявшихся после различных природных катаклизмов и эпидемий [5, с. 259]. Однако там всегда сохранялась группа «исконных алютиков». В алютических семьях говорили преимущественно на алютике, в смешанных — на обоих языках [Gladys Chichenoff 1993 (Глэдис Чиченофф, род. 1911)]. На алютике говорили преимущественно женщины, мужчины — больше по-русски [Nick Pestrikoff 2008 (Ник Пестрикофф, род. 1935)].

Возвращаясь к вопросу этнической идентичности, отметим, что в интервью с жителями Кадьякского архипелага не встречается утверждений, что кто-то считает себя русским и только. Подчёр-

кивая свои исторические корни от двух народов, потомки креолов называют себя «русскими алеутами», «Russian Aleut». Поэтому можно предположить, что кадьякцы сформировали именно такую идентичность, поскольку подавляющее большинство из них в раннем американском периоде были билингвами и росли в смешанных — русско-креольских, креольско-алютических семьях, в отличие от жителей Нинильчика.

Интервьюер: So did your parents actually you said say that they are... they were part Russian part Aleut, right?

Респондент: Russian Aleut yeah —... [Zach Chichenoff 2008 (Зак Чиченофф, р. 1927)].

Практически все респонденты признают, что их объединяет «русское» прошлое как генетически, так и культурно. И в этом состоит их этническая идентичность.

...А потом (э-э) они посадили картофельные грядки | и это было под влиянием России, и == а также в Афогнаке | Узинке и Кадьяке были огромные (э-э) ягодные заросли | малина | и даже сегодня малиновые заросли по всему Афогнаку | Узинках и == и Кадьяку, и (..) нигде больше на острове. И в этом разница между этими тремя деревнями и остальными деревнями. Не хочу сказать, что одно лучше другого | во все нет | за исключением того, что на нас просто по-другому повлияли люди, которые переехали сюда | и (э-э) я вижу это даже сегодня | что (э-э) влияние всё ещё присутствует [Iver Malutin 2003 (Айвер Малютин, род. 1931)].

Сохранение символических функций языка

Первым аляскинский русский язык в деревне Нинильчик начал изучать аспирант университета Беркли Конор Дейли, написав в 1985–1986 гг. несколько ста-

¹ University of Alaska Fairbanks, Alaska Polar Regions Collection. Guide to the Alaska Commercial Company Records, 1868–1913. Collection number: USUAF3.

тей, которые не были опубликованы (см., напр., [21]). По его приблизительным подсчётам, в то время языком могли владеть 30–40 жителей Кенайского полуострова (жители Нинильчика, Кеная, Хомера, Касилова), родившихся в 1920–1930-е гг., причём самому молодому из носителей языка было около 55 лет. Это количество практически не уменьшилось к 1997 году, когда свои системные исследования начали М.Б. Бергельсон и А.А. Кибрик [11, с. 140]. В 2012 г. носителей, знания которых приближались к фрагментарным, было уже не больше десяти, лишь одна пожилая семейная пара иногда общалась дома по-русски. К 2025 г. осталось 2–3 человека, сохранивших владение нинильчикским диалектом аляскинского русского языка на разном уровне. Единственный полноценный носитель в настоящее время – 94-летняя Сельма Леман (ил. 5).

Что касается Кадьяка, то имеются свидетельства священника-просветителя Майкла Олексы о том, что в 1970-е гг. он встречал там людей, которые в это время могли говорить и писать на трёх языках: русском, аляутике и английском [22, с. 71]. Примечательно, что среди персон, названных им в частной переписке, были имена родителей некоторых наших респондентов.

Конор Дэйли, проводя исследование аляскинского русского в поселениях Кадьякского архипелага, в 1985 г. насчитывал около 10 полноценных носителей языка, с которыми можно было бы вести полевую лингвистическую работу. Практически все они находились в возрасте 65 лет и старше. Примерно столько же, по его мнению, сохранили пассивные знания языка [23]. В 2008 г. Евгений Головкин оценил языковые компетенции своих респондентов следующим образом: по-русски могут говорить только люди старшего поколения: самым молодым носителям русского языка, способным объясняться, около 70 лет; двум самым старшим было 94 и 98 лет, и они говорили совершенно свободно [12]. В 2019 г. Мира Бергельсон

и Андрей Кибрик встретились с двумя последними носителями кадьякского и афогнакского диалектов, которые вскоре скончались (ил. 6–7). Несколько человек на Кадьяке ещё имеют фрагментарные сведения на уровне припоминания отдельных слов и выражений, однако говорящих уже не осталось.

Этот язык в зафиксированном его состоянии уже не выполнял коммуникативных функций, в нём отражены символические функции, иллюстрирующие ценность исторического прошлого, ассоциации с важными периодами и действиями в жизни. Это можно увидеть в тех наборах сохранившихся слов и выражений, которые респонденты произносят по-русски.

...My dad was their krósniy. He took them in | and you know | at one time there was the way | orthodoxy was practiced. If your parents perished | the krósniy would raise them [Sonny Chichenoff 2019 (Сонни Чиченофф, под. 1934)].

...Okay. (Uh)... It's a big pie | like fish | it's a complete meal | and it's called p'irók. P'irók. And they make turnovers. They fill them with fish | or with meat | or sometimes with fruit | but mostly meat and fish | p'irashk'i. P'irashk'i. And when they make bread | at night | my mom used to always make kwashn'a. Kwashn'a. Eggs | or yáyts'i. Beach is láyd'i. The beach is láyd'i. Teeth is zúb'i. Zúb'i. Mind is um. Um. And a lot of these words | that probably duplicate | but I don't even remember that [I write them | so I just write them again] [Iver Malutin 2008 (Айвер Малютин, под. 1931)].

Проявление русской идентичности в языке отражено в интервью с Бетти Лукин (Босковски), рассказавшей о том, что она во время маскарада в Афогнаке неожиданно заговорила по-русски (ил. 8). Никто не предполагал, что Бетти знает русский, поэтому никто и не опознал её под маской. Она использовала русский как тайный язык. Это случилось примерно в 1955–1960 гг. А в её детстве односельчане пели на вечеринках русские песни – вспо-

Ил. 5. Сельма Осколкофф
Леман – последний полноценный
носитель нинильчикского диалекта
аляскинского русского языка
(1931 г.р.). Фото М. Раскладкиной

Ил. 6. Билл Хартман –
последний носитель кадьякского
городского диалекта аляскинского
русского языка (1930–2020).
Фото М. Бергельсон

Ил. 7. Сонни Чиченофф –
последний носитель афогнакского
диалекта аляскинского
русского языка (1934–2020).
Фото А. Кибрика

минает об этом, и неожиданно из глубины памяти извлекаются куплеты:

Ti skora m'in'a pozabúd'ish i ya ne zabúdu t'ib'á (...) t'i skora m'in'a pozabúd'ish (...) I ya n'i kada n'i kada (...) [Betts Lukin 2008 (Бетти Лукин, род. 1944)].

В интервью также встречаются следующие символические функции языка, отражающие детские воспоминания:

1) Воспитательные моменты — указания родителей, что надо сделать по дому, как себя вести.

One that really comes up number one is chiwó t'i d'élayish. My mom and dad would always ask me that.

And then she'd say zayd'i | id'i s'udá | and n'i náda balawát' [Iver Malutin 2008 (Айвер Малютин, род. 1931)].

Oh yeah. She spoke English. But (...) she always== like | you know== Do dishes. You go upstairs now. Very strict to me | because I was the only girl. Stupáy nawerh.

Pasúdu wímay. Ayayay! Pol gryazniy! I remember things like that.

And my mother loved to play kart'i igrát'. [Hazel Ardinger 2019 (Хэйзел Ардингер, род. 1939)].

2) Речевые формулы приветствия и прощания:

When somebody come in the house she say «prahad'it'i prahad'it'i». Somebody is leaving – «s bóham» [Raisa Baldwin 2019 (Раиса Балдвин, род. 1931)].

3) Слова, связанные с домашним хозяйством, с готовкой, названия блюд:

R'iba | yáytsi | kartófil'i | másla | sáhar.. Bánk'i... m'ása [Betty Nelson 2008 (Бетти Нельсон, род. 1932)].

У Лауры Олсен (Ларсен), с её сложным русско-аляутско-французско-норвежским наследием, нет спонтанных воспоминаний о русском языке, но когда она рассказывает о своём детстве в Афогнаке, о том, как они с бабушкой готовили стружки для того, чтобы растопить печь, у неё прорывается единственное слово: *rostópk'i* [Laura Olsen 1995 (Лаура Олсен, род. 1905)].

4) Понятия, связанные с православной церковью как важной частью детства и взросления:

Кэтрин Чиченофф (Элланак), дочь псаломщика, активистка возрождения аляутика, припомнила два слова, связанные с церковью: *lampá'd'i* (лампады) и *k'iras'i'n*

Ил. 8. Маскарад в Афогнаке – зимнее фестивальное действо, уходящее корнями в древнюю культуру алютиков, сросшееся с православными рождественскими традициями «хождений со звездой». Маскарад проводится в алютических поселениях в первые три дня после наступления Нового года. Люди в масках ходят по домам, танцуют и предлагают угадывать, кто под ними скрывается.

Источник: *The Native Village of Afognak* [17]

(керосин – им лампы заправлялись) [Kathryn Chichenoff 1998 (Кэтрин Чиченофф, род. 1937)].

Та же языковая реминисценция наблюдается у Николаса Деренова, который был в детстве на Афогнаке церковным служкой у двоюродного деда – чтеца Тихона Шератина: *kađ'ila* (кадило) [Nick Derenoff 2008 (Ник Деренов, род. 1933)].

5) Стихи, песни, потешки – из самых ранних воспоминаний:

Posad'íl d'et r'épku. T'án'it paťán'it i w'itash'it n'i móg'it [Helen Nelson 2008 (Хелен Нельсон, род. 1916)].

...Saróka waróna káshku war'ila na poróke skakál'i góst'i dazhidál'i. Étamu w'ílochku étamu lóshichku étamu n'ichiwó... [Zach Chichenoff 2008 (Зак Чиченофф, род. 1927)].

Хелен Нельсон, употребляя выражение на английском, понимает, что это перевод русского фразеологизма, что демонстрирует её сохранное лингвистическое чутьё.

When I go to the language classes | go to Afognak | and we start having conversations I say "I ==I have to learn to keep my mouth shut" | I said "That's borrowed from the Russian". A lot of the words are borrowed... [Helen Nelson 2008 (Хелен Нельсон, род. 1916)].

Отношение к сохранению языкового наследия

Большинство респондентов в беседе признают важную роль русского наследия в их жизни, многие из них говорят о языке не просто как о неотъемлемой части «русскости», но и как об особо важной, к сожалению, утраченной, части жизни. Понимая невозможность возврата коммуникативных компетенций и осознавая, что процесс межпоколенческой передачи языка разрушен, они, тем не менее, стараются сохранить язык как часть культуры.

Энола Муллан давала возможность своим детям выучить русский язык, её дочери немного говорили и даже внука:

She learnt Russian easily too, 'cause her mom, her mother it's my youngest daughter, learnt Russian quickly and right from the beginning... [Enola Mullan 1993 (Энола Муллан, род. 1905)].

Лоуренс Андерсон демонстрирует искреннюю любовь к русскому языку. Он рассказывает интервьюеру о своей мечте — снова начать читать по-русски, как в детстве, когда священник показывал ему буквы, и просит интервьюера прислать ему из России двуязычную книгу.

I learned 'a ba va ga da ye' (uh) that's the way it went

So it was really nice. And I wanted to learn my first word | I learned like it was 'luná'. Was proud and I read that it= on Russian | 'luná' it was on there [Lawrence Anderson 2008 (Лоуренс Андерсон, род. 1932)].

Айвер Малютин относится к русскому языку с любовью. То малое, чему его научили родители, он старается сохранить. Расстраивается, когда что-то не понимает на русском. Иногда разговаривает с Сонни Чиченовым.

[Well the reason] | that I do... It's something my mom and dad taught me. And I don't want to lose it all. And I just enjoy talking to somebody | when I can talk to somebody. And what little I know | that I= I enjoyed it. I still do. I like people to know | that I know a little bit of Russian, because it really upsets me | when I go talk or going by people in the field that talk, and I can't understand them. So I'll go to Sonny, and I'll start talking with him in Russian. <...> But I really like the Russian myself [Iver Malutin 2008 (Айвер Малютин, род. 1931)].

Айвер рассказал, что недавно говорил о языке со своей племянницей Оливией, помог ей записать около 200 русских слов. Айвер хочет помочь потомкам сохранить язык как часть своей культуры [Iver Malutin, 2008 (Айвер Малютин, род. 1931)].

Дочери Глэдис Чиченофф также учили русский язык, причём современный. Глэдис иногда говорит с ними по телефону.

...they speak real well, speak real well English. They understand Russian, but they don't speak it that well. Maria went to Russian school, high school. She's the one a lot of times on the phone we talk Russian. Kathryn understands you know, but now she has all those Russian tapes, France, Asian, Russian and English, this way she learns [Gladys Chichenoff 1993 (Глэдис Чиченофф, род. 1911)].

Зак Чиченов тоскует по церковным песнопениям на русском:

Those beautiful Russian hymns | I miss them. They don't sing much of them anymore... Church song. I miss a lot of them when I go to church [Zach Chichenoff 2008 (Зак Чиченофф, род. 1927)].

Лоуренс Андерсон, несмотря на то, что иногда путается в датах и не может вспомнить годы рождения своих родителей, трепетно относится к прошлому:

Я= Я= Я горжусь своим русским наследием | очень горжусь. (..) И я всегда буду гордиться этим, потому что (..) | моя мама была русской православной и частично алеуткой (..) | и мой дедушка Кашеваров был русским | Я = Я просто горжусь своим русским наследием, потому что | за Кашеваровыми стоит большая история [Lawrence Anderson 2008 (Лоуренс Андерсон, род. 1932)].

Ник Пестриков, несмотря на попытки американской баптистской миссии, куда он попал в детстве после смерти отца, «выбить» из него память о своих русских и аляутских корнях, в старшем возрасте увлёкся историей. В интервью он демонстрирует удивительную осведомлённость: знает, что Узинки были поселением пенсионеров «меховой компании», как он называет РАК, о самоназвании аляутиков и отличии аляутиков от алеутов; помнит своих предков по отцу до «первого русского», его имя, год рождения, подробно описывает русские традиции в Узинках, обряды — сватание, свадьбы, похороны, службы в церкви. «Я потерял многое из того,

что знал», — говорит он [Nick Pestrikoff 2008 (Ник Пестрикофф, род. 1935)]. Однако не потерял, а спрятал внутри себя настолько глубоко, что даже его жена Лили была уверена, что Ник никогда не знал русского [Lilly Pestrikoff 2019 (Лили Пестрикофф, род. 1941)]. Этот факт, несомненно, перекликается с историей Софи Проссер из Нинильчика, которая полжизни не могла решиться признаться мужу, что говорит по-русски.

Выводы

Два фактора предопределили формирование этноязыковой идентичности потомков аляскинских креолов: выделение с 1820-х гг. этнокультурного, этноязыкового сословия креолов и размещение с 1840-х гг. семей колониальных граждан в трёх поселениях на Кенайском полуострове и Кадьякском архипелаге. Эти поселения (Нинильчик, Афогнак, Узинки), созданные Российско-американской компанией, отличались составом первых жителей, последующей историей миграций, степенью интенсивности внешних контактов. Перечисленные особенности повлияли на языковую самоидентификацию и языковую компетенцию как составные компоненты этноязыковой идентичности.

Языковая идентификация, являющаяся частью культурной, в Нинильчике нашла отражение в культивировании «русскости», «замалчивании» аборигенных корней, формировании монолингвальной русскоязычной среды вплоть до начала американских контактов, усвоении русского языка (местного извода) с рождения

как первого примерно до конца 1930-х и существовании русскоговорящего сообщества и русскоязычной семейной коммуникации до середины XX в. Этим процессам способствовало изолированное положение поселения, ограниченность контактов с внешним миром, а также присутствие в небольшом составе первопоселенцев не только креолов, но и русских.

В Узинках, где изначально поселились несколько креольских семей, и в Афогнаке, состоявшем из взаимопроникающих «русской» (креольской) и аляутской частей, не было столь выраженной русскоориентированной локализации населения. Языковая среда была изначально билингвальной, с небольшим приоритетом того или иного языка, до начала интенсивного проникновения в регион носителей английского и других европейских языков. Примерно то же поколение, что и в Нинильчике (1930-х годов рождения), было последним считавшим русский язык родным. Однако в дальнейшем уровень языковых компетенций кадьякцев снижался быстрее, чем у нинильчикцев, что подтверждается сравнением количества носителей к концу XX – началу XXI в. и уровня сохранности языка.

В настоящее время осталось несколько человек старше 80 лет, сохранивших фрагментарные знания аляскинского русского языка, и предположительно 2-3 полноценных носителя. Число людей, идентифицирующих себя как потомков русских, велико, и оно сохраняется в том числе благодаря приверженности православной религии, являющейся неотъемлемой частью русского самосознания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Фёдорова С.Г. Русская Америка: от первых поселений до продажи Аляски. Конец XVIII века – 1867 год. М.: ЛомоносовЪ, 2015.
2. Питерская Е.С. Креолы Аляски в свете процессов межкультурного взаимодействия // Этнографическое обозрение. 2007. № 6. С. 94–104.
3. Гринев А.В. Специфика вертикальной социальной мобильности креольского населения Русской Америки // Этнографическое обозрение. 2011. № 2. С. 74–89.

4. Black L. Russians in Alaska (1732–1867). USA, AK, Fairbanks: University of Alaska Press, 2004.
5. Mishler C. Black Ducks, Salmon Bellies: An ethnography of Old Harbor and Ouzinkie. Alaska, USA, AK, Department of Fish and Games, 2003.
6. Arndt K. «Released to Reside Forever in the Colonies»: Founding of a Russian American Company Retirement Settlement at Ninilchik, Alaska // Adventures through Time: Readings in the Anthropology of Cook Inlet, Alaska / Proceedings of a Symposium. Compiled and Edited by N.Y. Davis and W.E. Davis. Cook Inlet Historical Society, 1996.
7. Ratburn R. The Russian Orthodox Church as a Native Institution among the Koniag Eskimo of Kodiak Island, Alaska // Arctic Anthropology. 1981. Vol. 18, № 1. Pp. 12–22.
8. Znamenski A. Dena'ina Orthodox Chapels as a Native Institution (1871–1917) // Acta Americana. 2000. № 2. Pp. 5–22.
9. Orthodox Church in America / Diocese of Alaska – URL: <https://www.oca.org/parishes/> АК (дата обращения: 11.09.2023).
10. Бергельсон М.Б., Кибрик А.А. Русский язык на берегах залива Кука: самоидентификация культуры в условиях изоляции // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2018. № 54. С. 29–41.
11. Раскладкина М.К., Бергельсон М.Б., Кибрик А.А. Аляскинский русский язык: история экспедиций в бывшую заморскую колонию России // Языки и фольклор коренных народов Сибири. 2024. № 1 (Вып. 49). С. 138–152. DOI: 10.25205/2312-6337-2023-4-138-152.
12. Головкин Е.В. Русский язык на Аляске (по материалам экспедиций 2008 и 2009 гг.) // Труды Объединённого научного совета по гуманитарным проблемам и историко-культурному наследию. 2010. С. 73–81.
13. Leman Wayne. Agrafer's Children: the Old Families of Ninilchik. Lulu press, 1993 (1st ed.), 1997, 2014, 2016.
14. Корсун С.А. Русское наследие на Аляске // Кунсткамера. Этнографические тетради: Журнал. 2003. Вып. 13. СПб., 2003.
15. Раскладкина М.К., Бергельсон М.Б. «Chainik keepeet...» («The tea kettle is boiling»). История жизни русского сообщества на Аляске // Медиатечения СКФУ: Сборник статей по итогам Международной научно-практической конференции (Ставрополь, 27 октября 2017 г.). Ставрополь: Сервисшкола, 2017. С. 68–93.
16. Кибрик А.А., Бергельсон М.Б., Раскладкина М.К. Транскрибирование и социолингвистический анализ полевых и архивных данных: Учебно-методическое пособие для студентов-практикантов. М.: Институт языкознания РАН, 2024.
17. The Native Village of Afognak: Afognak Village Timeline. URL: <https://www.afognak.org/data-recovery/afognak-village-timeline/> (access date: 07.07.2025).
18. Истомин А.А. Начало создания «общих селений» на острове Кадьяк в Русской Америке (1839–1842 гг.) // Этнографическое обозрение. 1998. № 5. С. 108–123.
19. Бергельсон М.Б., Кибрик А.А. Аляскинский русский как письменный // Слово и человек: к 100-летию со дня рождения академика Никиты Ильича Толстого / Отв. ред. С.М. Толстая. М.: Индрик. С. 32–48.
20. Huggins E. Kodiak and Afognak life, 1868–1870. Canada, Kingston, Ontario: The Limestone Press, 1981.
21. Daly C. Russian Language Death in an Alaskan village // Text of paper read to University of California Berkeley Linguistic Colloquium, Oct. 31, 1985 (a copy stored at Alaska Native Language Archive, University of Alaska Fairbanks).
22. Bates C., Oleksa M. Conflicting landscapes: American Schooling & Alaska Natives. Anchorage, Alaska, 2008.
23. Daly C. Russian Language fieldwork on Kodiak Island. Unpublished manuscript. Oct. 1985 (a copy stored at Alaska Native Language Archive, University of Alaska Fairbanks).

The Ethnic and Linguistic Identity of the Descendants of Alaskan Creoles in Our Days

Marina Konstantinovna Raskladkina — Candidate of Science (Political Studies), leading specialist at the SCANEX Engineering and Technology Center.

E-mail: marina.raskladkina@gmail.com

Russian has been spoken on the North American continent since the middle of the 18th century, when Russia began active trade and fishing, gradually moving eastward along the islands of the Aleutian Ridge to the Alaska peninsula. At first, Russian voyages for marine and fur-bearing animals were irregular, the main idea of industrialists was to gain profit from the resources of New Land. They treated the indigenous people rather harsh, exploiting their hunting and fishing skills. Decades passed before the most ideologically thinking and visionary Russians came up with the idea that they could be hosts here, not guests. Together, they created the Russian-American Company (RAK) in 1799, which solely ruled Alaska until it was ceded to the United States of America. Having left its only overseas colony in 1867, Russia left behind one important thing: the Russian language, which, resulting from contacts with the languages of indigenous peoples, formed a special Russian variety that has survived to date, as well as the Russian Orthodox tradition, followed by many residents of many Alaskan territories.

The research is devoted to the preservation of the ethnic and linguistic identity of the descendants of the Russian colonists. It is based on a corpus of sociolinguistic and ethnographic interviews (1980s — 2020s) with residents of areas with a strong Russian presence, supported by archival records. Adhering to the approaches of linguistic and historical anthropology, the author uses both universal scientific methods and special methods of historical research determined by the unique nature of the problem: chronological problem method, comparative analysis method, systematic method, and content analysis.

Keywords: Alaska, Russian America, Kodiak, Russian language, Russian heritage in Alaska, Creoles, indigenous languages of Alaska, Alutiiq, identity

REFERENCES

1. Fyodorova S.G. Russkaya Amerika: ot pervykh poselenii do prodazhi Alyaski. Konets XVIII veka – 1867 god. M.: Lomonosov, 2015 (in Russian).
2. Piterskaya E.S. Kreoly Alyaski v svete protsessov mezhkul'turnogo vzaimodeistviya // Etnograficheskoe obozrenie. 2007. № 6. S. 94–104 (in Russian).
3. Grinev A.V. Spetsifika vertikal'noi sotsial'noi mobil'nosti kreol'skogo naseleniya Russkoi Ameriki // Etnograficheskoe obozrenie. 2011. № 2. S. 74–89 (in Russian).
4. Black L. Russians in Alaska (1732–1867). USA, AK, Fairbanks: University of Alaska Press, 2004.
5. Mishler C. Black Ducks, Salmon Bellies: An ethnography of Old Harbor and Ouzinkie. Alaska, USA, AK, Department of Fish and Games, 2003.
6. Arndt K. «Released to Reside Forever in the Colonies»: Founding of a Russian American Company Retirement Settlement at Ninilchik, Alaska // Adventures through Time: Readings in the Anthropology of Cook Inlet, Alaska / Proceedings of a Symposium. Compiled and Edited by N.Y. Davis and W.E. Davis. Cook Inlet Historical Society, 1996.
7. Ratburn R. The Russian Orthodox Church as a Native Institution among the Koniag Eskimo of Kodiak Island, Alaska // Arctic Anthropology. 1981. Vol. 18, № 1. Pp. 12–22.

8. Znamenski A. Dena'ina Orthodox Chapels as a Native Institution (1871–1917) // Acta Americana. 2000. № 2. Pp. 5–22.
9. Orthodox Church in America / Diocese of Alaska — URL: <https://www.oca.org/parishes/> AK (data obrashcheniya: 11.09.2023).
10. Bergel'son M.B., Kibrik A.A. Russkii yazyk na beregakh zaliva Kuka: samoidentifikatsiya kul'tury v usloviyakh izolyatsii // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya. 2018. № 54. S. 29–41 (in Russian).
11. Raskladkina M.K., Bergel'son M.B., Kibrik A.A. Alyaskinskii russkii yazyk: istoriya ekspeditsii v byvshuyu zamorskuyu koloniyu Rossii // Yazyki i fol'klor korennykh narodov Sibiri. 2024. № 1 (Vyp. 49). S. 138–152. DOI: 10.25205/2312-6337-2023-4-138-152 (in Russian).
12. Golovko E.V. Russkii yazyk na Alyaske (po materialam ekspeditsii 2008 i 2009 gg.) // Trudy Ob"edinyonnogo nauchnogo soveta po gumanitarnym problemam i istoriko-kul'turnomu naslediyu. 2010. S. 73–81 (in Russian).
13. Leman Wayne. Agrafena's Children: the Old Families of Ninilchik. Lulu press, 1993 (1st ed.), 1997, 2014, 2016.
14. Korsun S.A. Russkoe nasledie na Alyaske // Kunstkamera. Etnograficheskie tetradi: Zhurnal. 2003. Vyp. 13. SPb., 2003 (in Russian).
15. Raskladkina M.K., Bergel'son M.B. «Chainik keepeet...» («The tea kettle is boiling»). Istoriya zhizni russkogo soobshchestva na Alyaske // Mediachteniya SKFU: Sbornik statei po itogam Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (Stavropol', 27 oktyabrya 2017 g.). Stavropol': Servisshkola, 2017. S. 68–93 (in Russian).
16. Kibrik A.A., Bergel'son M.B., Raskladkina M.K. Transkribirovanie i sotsiolingvisticheskii analiz polevykh i arkhivnykh dannykh: Uchebno-metodicheskoe posobie dlya studentov-praktikantov. M.: Institut yazykoznaniya RAN, 2024 (in Russian).
17. The Native Village of Afognak: Afognak Village Timeline. URL: <https://www.afognak.org/data-recovery/afognak-village-timeline/> (access date: 07.07.2025).
18. Istomin A.A. Nachalo sozdaniya «obshchikh selenii» na ostrove Kad'yak v Russkoi Amerike (1839–1842 gg.) // Etnograficheskoe obozrenie. 1998. № 5. S. 108–123 (in Russian).
19. Bergel'son M.B., Kibrik A.A. Alyaskinskii russkii kak pis'mennyi // Slovo i chelovek: k 100-letiyu so dnya rozhdeniya akademika Nikity Il'icha Tolstogo / Otv. red. S.M. Tolstaya. M.: Indrik. S. 32–48 (in Russian).
20. Huggins E. Kodiak and Afognak life, 1868–1870. Canada, Kingston, Ontario: The Limestone Press, 1981.
21. Daly C. Russian Language Death in an Alaskan village // Text of paper read to University of California Berkeley Linguistic Colloquium, Oct. 31, 1985 (a copy stored at Alaska Native Language Archive, University of Alaska Fairbanks).
22. Bates C., Oleksa M. Conflicting landscapes: American Schooling & Alaska Natives. Anchorage, Alaska, 2008.
23. Daly C. Russian Language fieldwork on Kodiak Island. Unpublished manuscript. Oct. 1985 (a copy stored at Alaska Native Language Archive, University of Alaska Fairbanks).

А.Н. БИТКЕЕВА***Русское старожильческое население Монголии:
идентичность, язык, культура****

Русские старожилы Монголии — диаспорная группа русских, сформировавшаяся в результате трёх волн миграций в Монголии в середине XIX – начале XX в., определивших неоднородный социальный и этнический состав диаспоры. Учитывая то, что Монголия более двух веков до 1911 г. была включена в китайское цивилизационное пространство, оказавшиеся здесь в середине XIX – начале XX в. русские взаимодействовали не только с монголами, но и с китайцами, которые занимались торговлей, сельским хозяйством и ремесленными промыслами. Этногенез и языковой портрет русских старожилов Монголии включают, помимо монгольского, китайский компонент, что отразилось на их языковой и этнокультурной специфике. Комплексное изучение указанных аспектов выявляет стратегии адаптации диаспоры в иноэтнической среде, что делает возможным представить новый теоретический подход к изучению диаспор, изменения их этнокультурных и этноязыковых установок. Актуальность исследования определяется, прежде всего, малой представленностью материалов по культуре и языку русских старожилов Монголии.

В статье исследуется языковой портрет русского старожильского населения Монголии в тесной связи с рассматриваемыми сюжетами их исторической памяти, анализируются факторы витальности русской диаспоры Монголии, особое внимание обращается на специфику политики памяти этнической группы. Историческая память русских старожилов Монголии интересна как отражение этапов формирования диаспоры, её этнокультурного контекста и самоидентификации, что ярко отражается в нарративах современных русских старожилов Монголии.

В статье представлен материал, полученный в ходе полевого исследования русского старожильского населения Монголии в 2023 и 2024 гг. в Улан-Баторе, Дархане и Дзун-Харе в Монголии.

Русские старожилы Монголии конструируют образ диаспоры как сообщества, которое вынужденно, в силу непреодолимых обстоятельств оказалось оторвано от своей родины — России, но всё время сохраняло ей верность даже вопреки отвержению и дискриминации. Именно ярко выраженный фактор «русскости» в идентичности русских старожилов Монголии определяет их витальность, гомогенность и внутренние связи этнической группы, дающие возможность сохранности и передачи внутрисемейных и общинных традиций.

* **Биткеева Айса Николаевна** — доктор филологических наук, руководитель Научно-исследовательского центра по национально-языковым отношениям Института языкознания РАН, ведущий научный сотрудник Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН.
E-mail: an.bitkeeva@iling-ran.ru

** Статья написана при финансовой поддержке РНФ в рамках проекта № 23-18-00478 «Русские Монголии. Комплексное исследование культуры в иноэтническом окружении (фольклор, обрядовые традиции, язык)».

Ключевые слова: русское старожильческое население, Монголия, идентичность, русский язык, политика памяти

Русское старожильческое население Монголии — диаспорная группа русских, сформировавшаяся в конце XIX — начале XX в. в Монголии. История русских старожилов Монголии мало изучена сегодня, больше информации мы имеем о ранних этапах её развития — до революционного и постреволюционного периода. Интерес же к этнической группе русских старожилов Монголии существовал всегда; начиная с XIX в. появляются первые сведения о них в небольших статьях и сообщениях путешественников Е.Ф. Тимковского (1820), А.П. Свечникова (1912), И.М. Майского (1921) и др. (см.: [1–3]). Существует ряд тематических конкретных исследований жизнедеятельности русского населения Монголии. Так, исследователи рубежа XX–XXI вв. занимались изучением русско-монгольских дореволюционных связей в торговле — Е.М. Даревская (1994), Н.Е. Единархова (2008, 2015), А.В. Старцев (2003) и др. (см.: [4–7]). В последние годы появились работы о русских в Монголии социоисторического и культурологического плана А.В. Михалёва (2011, 2015 и др.), Д.Б. Сундуевой (2014) и др. (см.: [8–10]).

В истории формирования русского старожильческого населения Монголии можно выделить три основных периода, определивших неоднородный социальный и этнический состав диаспоры. Первые русские поселенцы появились в Монголии после подписания Россией Тяньцзиньского и Пекинского договоров с Китаем в 1858–1861 гг. В числе первых русских переселенцев были алтайские староверы, гонимые на родине за свои религиозные убеждения, и беглые крестьяне, они селились в основном в западных районах

Монголии, в долинах рек Селенги, Онона, Орхона, Тэса. Другой струей первой русской переселенческой волны, вызванной открывшейся с 1860 г. первой русско-китайской торговлей, были русские купцы, селившиеся, как правило, ближе к торговому пути в Северной Монголии. По свидетельству И.М. Майского, до конца XIX в. число русских торговцев-поселенцев росло медленно и составляло примерно 300–400 чел. [3, с. 87]. В противоположность китайцам русские колонисты из торговой среды устраивались на этой территории основательно, русский торговец заводил целое хозяйство [3, с. 87].

Вторая волна миграции русского населения в Монголию началась в революционные годы и была связана с белогвардейским движением. Несмотря на то, что среди современных представителей русского старожильческого населения Монголии почти нет потомков из числа белогвардейцев, именно этот исторический период стал стигмой группы, негативно сказавшейся на всей истории развития диаспоры. Попытки связать историю русских старожилов Монголии с белым движением и в особенности с атаманом Семёновым обычно встречают резкий отпор у представителей русской диаспоры. Довольно часто они, оспаривая своё прозвище «семёновцы», апеллируют к истории: «здесь семёновцев никогда не было»¹. Третья волна миграции русских с пограничных территорий СССР в Монголию проходила в 1930-е гг. из-за коллективизации и голода; в результате появились русские деревни на реках Еро, Селенга, Онон, Хаара.

На протяжении 1920–1950-х гг. русское старожильческое население Монголии

¹ ПМА 2023 – Полевое исследование русского старожильческого населения Монголии (август 2023 г., Улан-Батор, Дархан, Дзун-Хара).

находилось в относительной культурной и социальной автономии, участвовало в хозяйственно-экономической жизни МНР, не отделяло себя от исторической родины, многие из них воевали на фронтах Великой Отечественной войны¹. После 1957 г. русские старожилы Монголии оказались в определённой идеологической и социальной изоляции: негативное отношение со стороны официальных представителей СССР обусловило к ним и соответствующее отношение со стороны приезжавших в МНР специалистов из СССР, произошла естественная консервация этнокультурных и языковых аспектов; кроме того, сказывалась относительная компактность проживания.

Как отмечают исследователи, в 1960-х гг. стала заметна нелояльность представителей диаспоры советскому государству, «когда в Монголию в массовом порядке стали прибывать советские войска и специалисты для укрепления основ социалистического строя и защиты от “китайских империалистов”. Таким образом, местно-русские попадали в категорию “коренных народов”, не сопричастных сообществу специалистов» [8, с. 183]. Это и определило идеологический дискурс русских старожилов Монголии в недружественном образе.

Семейная память сохранила некоторые подробности того, как русские переселенцы переживали тяжёлые годы и приспосабливались к жизни на новом месте. Одна из таких подробностей, которая роднит семейные нарративы многих русских старожилов Монголии, — это браки русских женщин с китайцами. Занимавшиеся торговлей и земледелием китайцы обеспечивали своим русским жёнам и их детям сытую жизнь². Большая часть русско-китайских семей проживала вблизи Кяхты

и Забайкалья, многие жили в Алтан-Булаке. В 1938 г. по решению монгольского правительства жителей Алтан-Булака, в основном смешанные русско-китайские семьи, переселили вглубь страны в Центральный аймак сомон Жаргалантуй в 120 км к северу от города Улан-Батор для поднятия земледелия [14, с. 64–65]. Некоторые семьи проработали в этом совхозе до конца 1960-х гг. Потребность в получении образования стала причиной переселения большого количества русских старожилов в Улан-Батор, где на тот момент была единственная русская школа.

В 1950–1960 гг. численность русской диаспоры составляла 10 тыс. человек и формировалась из потомков старообрядцев, проживавших в деревнях, из советских граждан русско-китайских семей. В настоящее время численность этнических русских, родившихся и проживших всю жизнь в Монголии, как и их родители, составляет около 1600 человек, согласно переписи населения Монголии 2020 г.³

В советские времена русские старожилы в основном проживали в небольших станционных посёлках вдоль железной дороги «Улан-Батор—Наушки», в Дархане, Сухэ-Баторе, Дзун-Харе и ряде других мелких поселений на севере и северо-западе страны. Сегодня здесь живёт несколько семей русского старожильческого населения Монголии. Подавляющее большинство русских старожилов, уже в советское время имевших паспорта граждан СССР, выехали в 1990-е гг. в Россию, многие также оказались в странах Западной Европы, в первую очередь это женщины, которые вышли замуж за специалистов из ГДР и Югославии, работавших в МНР в 1980–1990-е гг.

Сегодня основным местом проживания русского старожильческого насе-

¹ ПМА 2023 – Полевое исследование русского старожильческого населения Монголии (август 2023 г., Улан-Батор, Дархан, Дзун-Хара).

² ПМА 2023 – Полевое исследование русского старожильческого населения Монголии (август 2023 г., Улан-Батор, Дархан, Дзун-Хара).

³ National Report: 2020 Population and housing census of Mongolia. 2021-02-08 // National Statistics Office of Mongolia. URL: <https://1212.mn/en/statistic/file-library/view/47811341> (access date: 05.06.2025).

ния в Монголии является столица страны Улан-Батор, где они проживают компактно в районе Баянзурх (в народе — «Жуковка» по названию находящегося здесь памятника маршалу Г.К. Жукову), который занимает первое место по плотности русского населения. Здесь в восточной части Урги на берегу реки Толы была выбрана земля для строительства русского консульства в 1865 г., здесь проходила основная жизнедеятельность русской колонии. Именно последнее обстоятельство способствует некой культурной автономии русских старожилов Монголии и позволяет им сохранять характерные для них элементы быта и культуры, определённую гомогенность и внутренние связи, дающие возможность беречь и передавать определённые внутрисемейные и общинные традиции.

Методика исследования

Основным материалом получения знаний о языковой и этнокультурной специфике в исследовании были развёрнутые автобиографические нарративы, позволяющие из первых рук фиксировать изменения в языковом дискурсе, например, в отношении родного языка, культуры и т.д. Нарратив понимается нами как реконструкция, целью которой является не демонстрация настоящего положения дел, а воссоздание опыта прошлого с интерпретацией реальности. С одной стороны, нарратив включает план реальных событий, которые можно оценить объективно, с другой стороны, нарратив рассказывается через призму субъективной оценки, а значит, обладает «ландшафтом сознания» [13, с. 689].

При исследовании этничности и идентичности рассматривается политика памяти группы через сюжеты исторической памяти. Этническая идентичность лежит в основе исторической памяти, а идентификация является одной из основных функций коллективной исторической памяти. Манипуляция с исторической памятью в политических целях является одновременно и манипуляцией с групповой идентичностью. На материале интервью рассматриваются

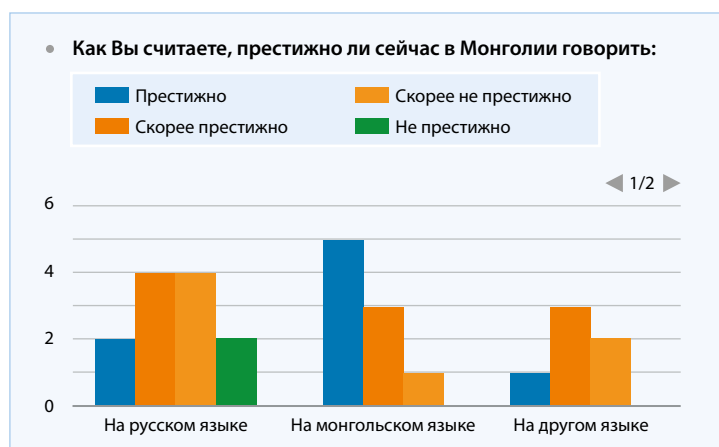
основные сюжеты исторической памяти, темы, к которым обращаются русские старожилы Монголии. Как правило, политизация этнического фактора обусловлена, в первую очередь, длительным недовольством людей своим коллективным статусом: отсутствием равенства в политических правах и экономических возможностях, дискриминацией и др.

Этническая группа выстраивает этнические границы, символические маркеры, которые значимы для группы. Каков символический ресурс этничности у современных русских старожилов Монголии, определилось в ходе социолингвистического анкетирования 2023–2024 гг.

В основе статьи материал, полученный в ходе социолингвистического обследования в 2023 и 2024 гг. русского старожильского населения в Улан-Баторе, Дархане и Дзун-Харе в Монголии.

Язык. Этническое многообразие Монголии обусловило функционирование нескольких десятков языков на территории страны. Монгольский язык законодательно закреплён в статусе государственного языка Монголии в «Законе о государственном языке Монголии», впервые принятом в 2003 г. Основной контингент населения страны составляют халха-монголы (81,5%), функциональная дистрибуция монгольского языка значительно шире общественных функций языков этносов, проживающих в Монголии. По числу обслуживаемого населения и выполняемых при этом функций в разных сферах общественной жизни в Монголии можно выделить английский, китайский, корейский, немецкий, русский, французский, японский языки.

До 1990-х гг. роль русского языка в общественной жизни Монголии была довольно высокой. С 1950-х гг. в Монголии началось интенсивное обучение русскому языку в общеобразовательных школах с 5-го класса. В 1953 г. при пединституте, а с 1954 г. в Монгольском государственном университете открылись отделения русского языка, с этого момента расширилось изучение и исследование русского языка в Монголии.

Ил. 1. Престижность владения языками в Монголии

В 1970 г. была организована неправительственная организация «Монгольское общество по поддержке культуры и русского языка» — МОНАПРЯЛ, созданная с целью популяризации русского языка в Монголии, обучения ему монголов, предоставления всесторонней поддержки для распространения русской культуры. До 1990-х гг. русский язык преподавался во многих общеобразовательных школах, техникумах, высших учебных заведениях и университете. После этого периода число молодёжи, изучающей русский язык и литературу, становилось всё меньше, был отменён государственный экзамен по русскому языку. Начиная с 1990-х гг. функциональная востребованность русского языка в Монголии стала уменьшаться.

Русский язык русских старожилов Монголии почти не изучался, его развитие шло параллельно, что и вызывает научный интерес. Конечно, ситуация функционального угасания русского языка в Монголии беспокоит носителей языка. По мнению информантов, среди проблем, с которыми сталкивается русский язык в Монголии, выделяются следующие: сужение среды употребления русского языка (43%), отсутствие языковой среды (36%), отсутствие у русской молодёжи Монголии мотивации говорить на русском языке (37%), молодёжь постепенно переходит на монгольский язык,

происходит сокращение функционирования русского языка в школе (8%), приоритетная роль английского языка в сфере образования и науки (8%), снижение культуры речи на русском языке среди русских старожилов Монголии (9%)¹. Ниже приводятся мнения информантов об уровне престижа владения языками в Монголии (ил. 1).

Как видно, ситуация с русским языком, родным языком русских старожилов Монголии, вызывает тревогу. По оценке 36% информантов, родной русский язык сохранит-

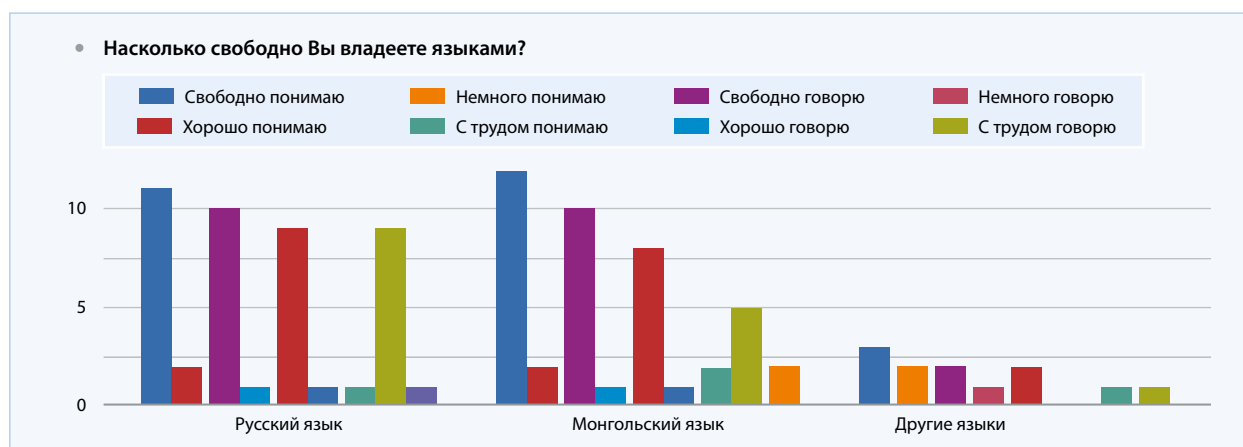
ся в бытовой сфере; 7% считают, что родной русский язык русские старожилы Монголии утратят со временем; 24% считают, что русский язык будет благополучно развиваться. 42% уверены, что русский язык в Монголии сохранится благодаря государственной языковой политике; 22% указали, что он сохранится благодаря усилиям молодёжи, языковым активистам, 15% — язык и культуру можно сохранить с помощью новых технологий, 14% — благодаря усилиям самой диаспоры, 7% — благодаря любви к Родине².

Сегодня русские старожилы Монголии двуязычны, большинство прекрасно владеет и русским, и монгольским языками, о чём свидетельствуют результаты опроса. В зависимости от коммуникативной ситуации русские старожилы Монголии свободно переключаются с русского на монгольский и наоборот (ил. 2).

Очевидно, что полная адаптация и естественная интеграция в монгольское общество произошли в 1960-х гг., когда сформировался контактный билингвизм. Русское старожильческое население Монголии к этому времени прекрасно овладело монгольским языком и активно использует его в повседневной общественной жизни. При этом русский язык сохраняется в семейном общении, является функционально первым для русских старожилов Монголии.

¹ ПМА 2024 – Полевое исследование русского старожильческого населения Монголии (май 2024 г., Улан-Батор).

² ПМА 2024 – Полевое исследование русского старожильческого населения Монголии (май 2024 г., Улан-Батор).

Ил. 2. Владение языками русскими Монголии

Отметим, что уровень образования среди русских старожилых Монголии высок, и это определяет их языковой портрет. В общении доминирует литературная форма русского языка с лексической спецификой забайкальского говора. Фонетические особенности русского языка русских Монголии специфичны в плане фонетической интерференции со стороны монгольского языка. В третьем поколении наблюдаются матримоникальные отношения в браке с монголами, что тоже отражается на языковых предпочтениях молодёжи. Среди молодого поколения русских старожилых очевидны ассимиляционные процессы, интенсивный переход на монгольский язык. Сказывается влияние монгольского языка в основном и на уровне лексических заимствований.

Поскольку в жизни русской диаспоры Монголии в самом начале её формирования сильным оказалось влияние китайского субстрата, у многих отцы были китайского происхождения, до сих пор можно услышать элементы маймачинского говора, в основном в речи старшего поколения русских старожилых¹.

Тем не менее наличие в родословной «китайской крови» не стало для русских

старожилых Монголии поводом причислить себя к китайцам: материнская линия оказывается для них важнее (ил. 3). Как сообщают респонденты в устных рассказах, сами русские жёны способствовали ассимиляции китайцев, давали им русские имена и не позволяли говорить с детьми по-китайски². В современных выступлениях русских старожилых встречаются высказывания, подчёркивающие, что браки с китайцами и монголами незначительно повлияли на облик диаспоры — тем самым, вероятно, оспаривается мнение о недостаточной «русскости» русских старожилых Монголии, которое выражают некоторые сторонние наблюдатели [14, с. 5].

В ходе обследования выявились символические маркеры, определяющие идентичность русских старожилых Монголии: язык (93%), традиции, обычаи (43%), религия (11%), национальное самосознание (44%), роль и самочувствие этнической группы в структуре общества (29%)³.

Как видно, язык — один из важных маркеров этнической принадлежности русских старожилых Монголии. У русского старожильческого населения Монголии этническая самоидентификация и уровень языко-

¹ ПМА 2023 – Полевое исследование русского старожильческого населения Монголии (август 2023 г., Улан-Батор, Дархан, Дзун-Хара).

² ПМА 2023 – Полевое исследование русского старожильческого населения Монголии (август 2023 г., Улан-Батор, Дархан, Дзун-Хара).

³ ПМА 2024 – Полевое исследование русского старожильческого населения Монголии (май 2024 г., Улан-Батор).

Ил. 3. Семья Зеленецких, Дзун-Хара, 2024 г.

вой компетенции на родном языке практически полностью совпадают. Однако даже при невысокой компетенции на русском языке, особенно у молодёжи, родной язык выступает как этнический символ, сближает с народом. В этом случае языковой пробел в высоком уровне этнического самосознания компенсируется другими важными для них элементами этнической идентификации, среди которых общее историческое прошлое, национальные традиции, обычаи, религия и т.д.

То, что русский язык действительно является языком семейной сферы общения, функционально первым языком для многих, показал опрос: 36% отметили родной русский язык как язык повседневного общения; 29% указали русский язык как язык, на котором думают; 22% – как язык родителей; 22% указали русский язык как язык этнической группы, язык Родины (15%). Это говорит о том, что значимость России как Родины, страны исхода занимает важную позицию в идентичности группы.

О важной роли русского языка в этничности русской диаспоры Монголии свидетельствуют также ассоциации информан-

тов, связанные с русским языком: родной (72%), комфортный (36%), любимый (15%), домашний (22%)¹. В семейном общении русский язык функционально первый, межпоколенная передача присутствует.

Традиции, обычаи, религия. Обрядовая сторона жизни, праздники, связанные с русской культурой, занимают стабильную позицию среди маркеров этничности у русских Монголии и становятся инструментами популяризации культуры. Отметим, что многие формы русской культуры, пропагандируемые русскими старожилами Монголии, привлекают внимание не только самих носителей этой культуры, особенно молодёжь, но и представителей других культур, что расширяет функциональную базу русского языка. Культурный контекст тесно взаимосвязан с будущим языка, в первую очередь через культуру многие приобщаются и к языку.

Этническое самосознание взаимодействует не только с языковой, генетической, территориально-политической формами осознания этнической группы, но и с другими формами, прежде всего религиозной. По мнению учёных, религиозное сознание

¹ ПМА 2024 – Полевое исследование русского старожильческого населения Монголии (май 2024 г., Улан-Батор).

может полностью заслонить этническое самосознание. Этому во многом способствует тот факт, что религиозная принадлежность выступает в качестве одного из этнических признаков в тех случаях, когда для контактирующих народов характерны религиозные различия.

Как и другие этнические меньшинства, в ситуации контакта, русская старожильческая община в Монголии отделялась, чтобы сохранить свою религию, устремления к сохранению национальной принадлежности, считала, что этого нельзя достичь, если не придерживаться православной веры.

Православный Свято-Троицкий храм вновь появился в Улан-Баторе в 1990-х гг. благодаря деятельности русского старожильческого сообщества Монголии, объединившегося в ассоциацию «Общество советских граждан» на тот момент. Кроме воскресных служб в храме празднуют, прежде всего, Пасху, вспоминая о том, что раньше отмечали и другие праздники, к примеру Рождество и Троицу. Но жизнь в монгольском сообществе обусловила религиозный синкретизм местнорусских. По данным опросов, 50% информантов исповедуют православие; 28% — соблюдают обряды разных религий (православной и буддийской), 7% — придерживаются шаманизма, 15% затруднились ответить. Это проявляется в поклонении обо¹, посещении буддийских священных мест, праздновании монгольских праздников и выполнении защитных ритуалов.

В целом можно констатировать, что, несмотря на иноэтническую среду и десятилетия жизни при социализме, русские старожилы Монголии (ил. 4) не потеряли связи с православной культурой, которая для них ассоциируется с «русскостью». Буддизм и шаманизм монголов повлияли на их религиозные представления, но православие является ключевым маркером их этнической идентичности.

Ил. 4. Семья Караваевых, отец Григорий Караваев, дочь Наталья Караваева, Дзун-Хара, 2024 г.

Роль, место и самочувствие этнической группы в социальной структуре общества. В изучении исторической памяти русских старожил Монголии может быть применена оптика исследования субальтернов — сообществ, занимающих подчинённое положение в политической и культурной иерархии общества, чья память и идентичность систематически конструируются «извне», в то время как их собственная точка зрения о себе не репрезентируется в публичном пространстве [8, с. 184]. Такова была ситуация в советский период, когда история русских старожил Монголии была мифологизирована советской властью и существовала стигма «семёновцы». В связи с этим современные нарративы русских старожил (как устные, так и письменные) направлены на оспаривание «внешнего» дискурса о диаспоре. Говоря о своём прошлом, русские старожилы Монголии стремятся показать себя патриотами России, которые лишь в силу непреодолимых обстоятельств оказались за границей. Общим местом нарративов является от-

¹ Обо — культовые места в культуре тюрко-монгольских народов Центральной Азии. В традиционной форме представляют собой кучи из камней или дерева, украшенные ленточками и флажками.

рицание мифа о предателях-семёновцах, потомками которых они якобы являются.

Важным аргументом в спорах о «русскости» и патриотизме русских старожилов Монголии выступает память об их участии в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Рассказывая о прошлом своих семей и собственной биографии, русские старожилы обращают внимание на факты дискриминации, безразличия к ним со стороны советской и российской власти. Из этих устойчивых мотивов складывается образ сообщества, члены которого ищут признания себя в качестве полноценных россиян, но по разным причинам оказываются за рамками господствующего дискурса о Русском мире и русском зарубежье. Этнокультурное самосознание русских старожилов Монголии формировалось в контексте противоречивых нарративов о её происхождении и истории. Современные исследования исторической памяти всё больше внимания уделяют таким случаям, когда образ прошлого становится предметом явной или скрытой дискуссии и инструментом формирования альтернативных моделей идентичности. В дискурсах о себе русских старожилов Монголии, как и в оценках самопрезентации, изначально заложено противостояние доминирующего (внешнего) и репрессированного (внутреннего) образа своего прошлого.

Этнический сюжет в исторической памяти русских старожилов Монголии «Кто мы?» проявляется в ответах информантов на вопрос «Кем Вы себя считаете?»: представителем своего народа (58%), представителем православного мира (11%), гражданином мира (10%), представителем другой национальности (7%), затруднились ответить (14%)¹. Как видно, значимость русскости для русских старожилов Монголии высока, при этом формируются и альтернативные модели идентичности. Среди тех, кто посчитал себя другой национальности

или затруднился ответить на вопрос, оказались представители молодого поколения из этнически смешанных семей. Очевидно, в этом проявляется стандартный механизм адаптации диаспоры, особенно в иноязычной и иноэтнической среде, когда в третьем поколении этнокультурные элементы постепенно угасают и замещаются элементами доминирующей группы.

Наличие коллективной травмы в историческом опыте народа, в частности связанной с дискриминацией, — ещё одна часто встречаемая этническая тема в коммеморативных практиках русских Монголии. В воспоминаниях о советском периоде частотны мотивы, связанные с дискриминацией русских старожилов Монголии. Один из ярких примеров, присутствующий у разных рассказчиков, — несправедливое отношение учителей в школе, которые занижали оценки детям русских старожилов. На вопрос «Чувствуете ли Вы в отношении себя дискриминацию по признаку национальной, языковой или религиозной принадлежности?» 67% информантов ответили утвердительно, 33% случаи дискриминации отрицали².

В конце XX в. постсоветские преобразования тоже находили отражение в нарративах русских старожилов Монголии об истории диаспоры, семейной истории и собственной биографии. Здесь отмечаются позитивные изменения, такие как возможность уехать в Россию, устроиться на работу в российское заграничное учреждение, открытие православного храма, но также нередко звучат мотивы обиды, отвержения, непризнания русской старожильческой диаспоры Монголии в качестве полноценной части Русского мира. Исследование показало, что 43% опрошенных информантов на перспективы развития русского старожильческого населения Монголии смотрят с тревогой, 36% считают, что ситуация стабильна, 22% затруднились ответить³. Рассказчики говорят о за-

¹ ПМА 2024 – Полевое исследование русского старожильческого населения Монголии (май 2024 г., Улан-Батор).

² ПМА 2024 – Полевое исследование русского старожильческого населения Монголии (май 2024 г., Улан-Батор).

³ ПМА 2024 – Полевое исследование русского старожильческого населения Монголии (май 2024 г., Улан-Батор).

крытии русскоязычных школ и вынужденном переходе их детей в монголоязычное пространство, об отсутствии у русских старожилов Монголии ряда важных прав, что заставляет их принимать монгольское гражданство, о безразличии со стороны российской власти к их проблемам, о «недостаточно хорошо» священнике, отправленном из России в их храм и т.д.

Вывод

Русское старожильческое население Монголии конструирует образ диаспоры как сообщества, которое вынужденно, в силу непреодолимых обстоятельств оказалось оторвано от своей родины — России, но всё время сохраняло ей верность даже вопреки отвержению и дискриминации. Социальный и политический контексты напрямую отражаются в нарративах русских старожилов Монголии. Важная черта нарративов, которые воспроизводят сегодня русские старожилы, — протест против внешнего дискурса о диаспоре, с которым они не согласны. Рассказывая о своём прошлом, современные русские старожилы Монголии оспаривают те представления, которые были созданы о них во «внешнем мире», стремятся утвердить иную, собственную версию своей истории.

Наблюдается ассимилятивный процесс в языковой и этнокультурной специфике русских старожилов Монголии. Старшее поколение зачастую говорит только на русском, многие так и не интегрировались в монгольское общество. Поколение 50–60-летних русских старожилов Монголии является связующим звеном, прекрасно владея и русским, и монгольскими языками, обладая уже пограничным

типом идентичности. Молодёжь постепенно переходит на монгольский язык, либо уезжает в Россию. Очевидны два сценария развития русского старожильческого населения Монголии: постепенная ассимиляция, переход на языковые и этнокультурные практики доминирующего сообщества либо переезд в Россию. Русские Монголии, вернувшиеся на историческую родину в 1990-е гг., проживают в настоящее время в различных регионах России, как близких к Монголии (Иркутская область, Республика Бурятия, Забайкальский край), так и значительно удалённых от неё.

Тем не менее предварительные наблюдения показывают, что современное сообщество русских старожилов Монголии сохраняет определённую гомогенность и внутренние связи, дающие возможность сохранности и передачи некоторых внутрисемейных и общинных традиций. У них присутствует осознание важности сохранения этнокультурной и языковой специфики, степень которой зависит от внутренней сплочённости группы. Более благоприятные, стабильные условия жизни способствуют устойчивости этноязыкового самосознания и сплочению этнической группы. Ассимилятивный процесс свидетельствует об ослаблении внутренней сплочённости этнической группы, усилении адаптации, влиянии доминирующего языка, культуры, сообщества. Существование диаспоры, её языка возможно до тех пор, пока поддерживается этническое самосознание, являющееся организующей, важной для этнической группы составляющей, которая определяет дальнейшее существование и развитие диаспоры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Тимковский Е.Ф. Путешествие в Китай чрез Монголию, в 1820 и 1821 годах: С картою, чертежами и рисунками. Печатано по высочайшему повелению, иждивением казны. Переезд до Пекина. Санкт-Петербург: в Типографии Медицинского департамента Министерства внутренних дел, 1824, 1824.
2. Свечников А.П. Русские в Монголии: наблюдения и выводы. СПб.: Типо-лит. «Энергия», 1912.

3. Майский И.М. Современная Монголия. Иркутск: Гос. изд-во, Иркутск. отд., 1921.
4. Даревская Е.М. Сибирь и Монголия: Очерки русско-монгольских связей в конце XIX – начале XX в. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1994.
5. Единархова Н.Е. Русское консульство в Урге и Я.П. Шишмарев. Иркутск: Репроцентр А1, 2008.
6. Единархова Н.Е. Кяхта и кяхтинская торговля (40–60-е гг. XIX в.). Иркутск: Оттиск, 2015.
7. Старцев А.В. Русская торговля в Монголии (вторая половина XIX – нач. XX в.). Барнаул: Изд-во Алт. гос. ун-та, 2003.
8. Михалёв А.В. Политический статус местнорусского населения Монголии (1966–2000 гг.) // Вестник Бурятского госуниверситета. 2011. № 8. С. 180–185.
9. Михалев А.В. Создавая врага: «местнорусские» в Монголии // Обозреватель – Observer. 2015. № 9 (308). С. 105–119.
10. Сундуева Д.Б. Нарративная история и «жизненный мир» русской общины Монголии // Дискуссия. 2014. № 10 (51). С. 101–112.
11. Память... В честь 65-летнего юбилея победы в Великой Отечественной войне. Улан-Батор: [б. и.], 2010.
12. Маслов А.И. Русские в Монголии. Улан-Батор: Мөнхийн Үсэг групп ХХК, 2009.
13. Bruner J. Life as Narrative // Social Research. 2004. 71. № 3. Pp. 691–710.
14. Матвеев Л.М. Русская колония в Монголии // Ургинские ведомости. 2007. № 10–11. С. 5–10.

Russian Old-Timers in Mongolia: Identity, Language, Culture

Aisa Nikolaevna Bitkeeva — Doctor of Philology, head of the Scientific Research Center for National Language Relations at the Institute of Linguistics, the Russian Academy of Sciences, leading researcher at the Gorky Institute of World Literature, the Russian Academy of Sciences.

E-mail: an.bitkeeva@iling-ran.ru

Russian old-timers in Mongolia are a diasporic group of Russians that resulted from three waves of migration to Mongolia in the mid-19th and early 20th centuries. This determined the heterogeneous social and ethnic structure of the diaspora. Considering that Mongolia was included in the Chinese civilization space for more than two centuries (until 1911), the Russians who moved there in mid-19th and early 20th centuries communicated with Mongols, as well as Chinese, engaging in trade, agriculture and handicrafts. The ethnogenesis and linguistic image of the Russian old-timers in Mongolia includes the Chinese aspect in addition to the Mongolian, which is reflected in their linguistic and ethnic and cultural characteristics. A comprehensive study of these aspects reveals the diasporic adaptation strategies in a non-ethnic environment; hence, the author is able to present a new theoretical approach to the study of diasporas, changes in their ethnic and cultural and ethnic and linguistic attitudes. The relevance of the research is determined primarily by the low availability of materials on the culture and language of the Russian old-timers in Mongolia.

The article examines the linguistic image of the Russian old-timers in Mongolia in close connection with the subjects of their historical memory, analyzes the factors of vitality of the Russian diaspora in Mongolia, and focuses on specific features of the ethnic group's memory policy. Russian old-timers in Mongolia have a peculiar historical memory which reflects the stages of development of the diaspora, its ethnic and cultural context and self-identification. This is especially visible in the narratives of modern Russian old-timers in Mongolia.

The article presents the material of a field study of the Russian old-timers in Mongolia conducted in 2023 and 2024 in Ulaanbaatar, Darkhan and Dzun-Khar in Mongolia.

Russian old-timers in Mongolia construct the image of the diaspora as a community that by force insurmountable circumstances was torn away from its homeland, Russia, but remained faithful to it at all times, despite rejection and discrimination. The pronounced "Russianness"

in the identity of the Russian old-timers in Mongolia determines their vitality, homogeneity and internal connections within the ethnic group, which allows to preserve and pass family and community traditions.

Keywords: Russian old-timers, Mongolia, identity, Russian language, policy of memory

REFERENCES

1. Timkovskii E.F. Puteshestvie v Kitai chrez Mongoliyu, v 1820 i 1821 godakh: S kartoyu, chertezhami i risunkami. Pечатано по высочайшему повелению, изданием казны. Pereezd do Pekina. Sankt-Peterburg: v Tipografii Meditsinskogo departamenta Ministerstva vnutrennikh del, 1824 (in Russian).
2. Svechnikov A.P. Russkie v Mongolii: nablyudeniya i vyvody. SPb.: Tipo-lit. «Energiya», 1912 (in Russian).
3. Maiskii I.M. Sovremennaya Mongoliya. Irkutsk: Gos. izd-vo, Irkutsk. otd., 1921 (in Russian).
4. Darevskaya E.M. Sibir' i Mongoliya: Ocherki russko-mongol'skikh svyazei v kontse XIX – nachale XX v. Irkutsk: Izd-vo Irkut. un-ta, 1994 (in Russian).
5. Edinarkhova N.E. Russkoe konsul'stvo v Urge i Ya.P. Shishmarev. Irkutsk: Reprotsentr A1, 2008 (in Russian).
6. Edinarkhova N.E. Kyakhta i kyakhtinskaya trgovlya (40–60-e gg. XIX v.). Irkutsk: Ottisk, 2015 (in Russian).
7. Startsev A.V. Russkaya trgovlya v Mongolii (vtoraya polovina XIX – nach. XX v.). Barnaul: Izd-vo Alt. gos. un-ta, 2003 (in Russian).
8. Mikhalyov A.V. Politicheskii status mestnorusskogo naseleniya Mongolii (1966–2000 gg.) // Vestnik Buryatskogo gosuniversiteta. 2011. № 8. S. 180–185 (in Russian).
9. Mikhalev A.V. Sozdavaya vraga: «mestnorusskie» v Mongolii // Obozrevatel' – Observer. 2015. № 9 (308). S. 105–119 (in Russian).
10. Sundueva D.B. Narrativnaya istoriya i «zhiznennyi mir» russkoi obshchiny Mongolii // Diskussiya. 2014. № 10 (51). S. 101–112 (in Russian).
11. Pamyat'... V chest' 65-letnego yubileya pobedy v Velikoi Otechestvennoi voine. Ulan-Bator: [b. i.], 2010 (in Russian).
12. Maslov A.I. Russkie v Mongolii. Ulan-Bator: Menkhiin Yseg grupp XXK, 2009 (in Russian).
13. Bruner J. Life as Narrative // Social Research. 2004. 71. № 3. Pp. 691–710 (in Russian).
14. Matveev L.M. Russkaya koloniya v Mongolii // Urginskije vedomosti. 2007. № 10–11. S. 5–10 (in Russian).

Вестник Российского фонда фундаментальных исследований

Гуманитарные и общественные науки

2025, № 3 (122)

Адрес редакции: 119991, Москва, Ленинский пр-т, д. 32а
Тел.: +7 (499) 941-01-15 (доб. 3121)
E-mail: rovir@rcsi.science
<https://rcsi.science>

Подписано в печать 18.09.2025. Формат 60×90 ¹/₈.
Усл. печ. л. 20. Печать офсетная. Бумага мелованная.
Тираж 300 экз. Заказ № 361314

Отпечатано в типографии ООО «Вива-Стар».
107023, г. Москва, ул. Электrozаводская, д. 20, стр. 3